

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2024

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Lohmar Dieter, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies,
Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звезгинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Молчанов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Рапич*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Ситовская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. История философии

<i>Борис В. Межуев</i> Творческая история «Оправдания добра» Вл.С. Соловьева. Статья вторая	12
<i>Наталья А. Беляева</i> Опыт “mysterium tremendum” в философии религии С.Л. Франка и Р. Отто	38
<i>Елена В. Вечернина</i> Феноменология детской речи М. Мерло-Понти. Часть первая	53
<i>Ксения Б. Ермишина</i> К истории евразийства в Советской России: письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть первая	74

Социология: теоретические и эмпирические исследования

<i>Ирина О. Шевченко</i> Молодые специалисты сельскохозяйственных профессий на рынке труда	102
<i>Елена А. Ирбетская, Ольга В. Китайцева</i> Политические взгляды студенческой молодежи как основание для участия в различных формах гражданской активности	115
<i>Жанна В. Жираткова, Татьяна Э. Петрова, Сергей И. Янин</i> Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ	126
<i>Надежда А. Бальбот, Ольга В. Крыштановская</i> Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства	137
<i>Елена А. Колосова</i> Социальная политика в сфере детства (1919–1945 гг.) как проявление общественного договора	150

<i>Евгений В. Зверев</i> Общественное одобрение как индикатор успешности общественного договора в странах Евросоюза	160
<i>Демьян А. Цапко</i> Творческая интеллигенция как актуализатор общественного договора: опыт кинематографа	171
<i>Наталья М. Великая, Анна А. Голосеева</i> Социальные практики тюремной повседневности в первые годы советской власти	181

Искусствоведение

<i>Валентин Д. Черный</i> Иностранцы о портретных изображениях в Московии, их появлении и бытовании	193
<i>Бэлла Л. Шапиро</i> Античность как абсолютная модель искусства и стиля: архитектура, декор интерьера и мебель. От барокко к неоклассицизму	206
<i>Татьяна Е. Кем</i> Сара Бернар в скульптурных автопортретах и произведениях скульпторов – ее современников	224

CONTENTS

Philosophy. The History of Philosophy

- Boris V. Mezhuyev*
The creative history of the “The Justification of the Good”
by V.S. Solovyov. Article two 12
- Natalia A. Belyaeva*
The experience of “mysterium tremendum” in S.L. Frank’s
and R. Otto’s philosophy of religion 38
- Elena V. Vechernina*
M. Merleau-Ponty’s phenomenology of children’s speech.
Part one 53
- Kseniya B. Ermishina*
On the history of Eurasianism in Soviet Russia.
Letters of G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky and A.N. Zelinsky. Part One 74

Sociology. Theoretical and empirical researches

- Irina O. Shevchenko*
Young specialists of agricultural professions in the labor market 102
- Elena A. Irsetskaya, Olga V. Kitaitseva*
Political views of student youth as the basis for participation
in various forms of civic activity 115
- Zhanna V. Zhiratkova, Tatyana E. Petrova,*
Sergei I. Ianin
Research into students’ value orientations. A comparative analysis 126
- Nadezhda A. Balbot, Olga V. Kryshstanovskaya*
Women in politics. Rootedness as a factor of gender representation 137
- Elena A. Kolosova*
Social policy in the field of childhood (1919–1945) as a manifestation
of the social contract 150
- Evgeniy V. Zverev*
Public approval as an indicator of the success of the social contract
in the EU countries 160
- Demian A. Tsapko*

Creative intelligentsia as an actualizer of the social contract. The experience of cinematography	171
--	-----

<i>Natalia M. Velikaya, Anna A. Goloseyeva</i> Social practices of prison daily life in the early years of Soviet power	181
--	-----

Art Studies

<i>Valentin D. Chernyy</i> Foreigners about portrait images in Muscovy, their appearance and existence	193
--	-----

<i>Bella L. Shapiro</i> Antiquity as the absolute model of art and style. Architecture, interior decor and furniture. From Baroque to Neoclassicism	206
---	-----

<i>Tatiana E. Kem</i> Sarah Bernhardt in sculptural self-portraits and works of sculptors, her contemporaries	224
---	-----

Философия. История философии

УДК 1(091)(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

Творческая история «Оправдания добра» Вл.С. Соловьева. Статья вторая

Борис В. Межуев

МГУ им. М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН, Москва, Россия
borismezhuev@yandex.ru

Аннотация. Во второй статье продолжено исследование истории написания отдельного труда Вл. Соловьева 1890-х гг. по нравственной философии. В предыдущей статье было установлено, что это решение могло прийти к философу летом 1894 г., поскольку до этого времени он намеревался представлять вниманию читателя главы своего труда по эстетике. В этой работе, равно как и в сопутствующих литературно-критических этюдах, философ намеревался доказать, что художнику следует руководствоваться в своем творчестве верным представлением о высшем смысле бытия. В статье доказывается, что идея трактата по нравственной философии родилась из спора с самым великим русским писателем того времени – Львом Толстым – о том, что должно лежать в основании нравственности и что является ее высшим предназначением. Приняв за эти основания те принципы, которые разделял и сам Толстой, – личный аскетизм, любовь к ближнему и почитание Отца небесного, – Вл. Соловьев сделал попытку путем развития субъективных установок нравственности обосновать необходимость их объективного воплощения в общественных институтах и то, что предельное осуществление дела добра на земле есть победа над смертью. В статье рассказывается и о том, как развивались отношения Вл. Соловьев с Л.Н. Толстым в 1890-е гг. В частности, в отдельном параграфе описывается критика Вл. Соловьевым в 1890–1891 гг. «нравственного субъективизма» толстовского учения, которая нашла себе место в «Оправдании добра» в виде одной из глав этого трактата.

Ключевые слова: этика, нравственный субъективизм, религия воскресения, практическая философия, проблема зла

Для цитирования: Межуев Б.В. Творческая история «Оправдания добра» Вл.С. Соловьева. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 12–37. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

© Межуев Б.В., 2024

The creative history
of the “The Justification of the Good” by V.S. Solovyov.
Article two

Boris V. Mezhujev

Lomonosov Moscow State University, INION RAS, Moscow, Russia

borismezhujev@yandex.ru

Abstract. The second part of the article continues the study the history of V. Soloviev’s writing a special work of the 1890s on moral philosophy. In the previous part of the article, it was established that the decision to write the work could have come to the philosopher in the summer of 1894, since before that time he intended to present to the public the chapters of his work on aesthetics. In the work, as well as in the accompanying literary and critical studies, the philosopher intended to prove that the artist should be guided in his work by a true idea of the ultimate meaning of being. The author proves that the idea of a treatise on moral philosophy was born out of a dispute with the greatest Russian writer of that time, Leo Tolstoy, about what should be laid as a basis of morality and what is its highest purpose. Taking as such basis the principles that Tolstoy himself shared – personal asceticism, love to fellow beings and reverence for the Heavenly Father – Vl. Solovyov made an attempt, through the development of subjective moral attitudes, to justify the need for their objective embodiment in public institutions and so the fact that the ultimate realization of the Good on Earth must be the victory over death. The article also describes how the relationship between Vl. Solovyov and L.N. Tolstoy developed in the 1890s. In particular, a separate paragraph describes Vl. Solovyov’s criticism of the “moral subjectivism” of Tolstoy’s teaching in 1890–1891, that found a place in the “Justification of the Good” in the form of a chapter in that treatise.

Keywords: ethics, moral subjectivism, religion of resurrection, practical philosophy, the issue of evil

For citation: Mezhujev, B.V. (2024), “The creative history of the ‘The Justification of the Good’ by V.S. Solovyov. Article two”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 12–37, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-12-37

Третий период творчества Вл. Соловьева следует отсчитывать с 1892 г., когда философ оставляет замысел написать второй том «Истории и будущности теократии»¹ и приступает к созданию

¹ Насколько нам известно, в последний раз Вл. Соловьев сообщал, что готовит к печати второй том своего главного сочинения второго периода,

того, что он впоследствии назовет «мистической эстетикой»: ее первым наброском стала работа «Смысл любви». Однако, как мы выяснили в предыдущей статье, в течение 1894 г. этот замысел Вл. Соловьева претерпевает изменения, и летом того же года он задумывает предварить будущий труд по эстетике трактатом по нравственной философии, выводы которого стали бы отправным пунктом для всего цикла будущих произведений мыслителя, включая метафизику и учение о красоте.

Императив воскрешения в полемике с учением Льва Толстого

Как мы уже говорили в первой статье этого цикла [Межуев 2024], в опубликованной в январе 1894 г. работе «Первый шаг к положительной эстетике» Вл. Соловьев еще настаивает на необходимости для подлинного поэта руководствоваться высшим духовным идеалом и критикует идею «искусства для искусства». Но в конце того же 1894 г. философ уже настаивает на автономии этики, и, забегая вперед, скажем, что в 1899 г. в статье «Значение поэзии в стихотворениях Пушкина» он сам встает на позиции «эстетического сепаратизма» и отказывается от того, что в то время называлось идейной тенденциозностью в искусстве². Что же произошло с философом в течение лета 1894 г., что побудило его столь резко изменить свои планы и предварить, по его признанию, уже почти написанную «эстетику» отдельным трактатом по нравственной философии, саму возможность которой ранее он категорически от-

в ответе профессору Московского университета А.С. Павлову, который подверг критике отдельные положения речи Вл. Соловьева «О причинах упадка средневекового мирозерцания». Философ писал в своей заметке, что специально изучал труды св. Феодора Студита «для приготовления к печати второго тома моей “Истории теократии”». «Ответ А.С. Павлову» вышел в газете «Русские ведомости» 5 января 1892 г., но письмо в газету, согласно нормам того времени, имело точную датировку – 30 декабря 1891 г. Эту дату можно считать на текущий момент финальной точкой второго – теократического – периода творчества мыслителя. См.: *Соловьев Вл.* Ответ А.С. Павлову // Русские ведомости. 1892. № 4. 5 янв. С. 4.

² Контраст воззрений Вл. Соловьева на красоту 1899 г. с его взглядами времен «Первого шага к положительной эстетике» несложно заметить, если сравнить цитировавшиеся ранее нами пассажи из статьи 1894 г. с такими, более поздними, суждениями философа:

рицал? На этот вопрос мы попробуем ответить в этой части нашей работы.

Бросим еще один взгляд на 1894 г. Тем же летом 1894 г., когда философ публикует вторую часть «Буддийского настроения в поэзии», он делает попытку обратиться к другому, гораздо более крупному литератору, чем гр. А.А. Голенищев-Кутузов, с советом изменить мировоззрение и принять в качестве высшей истины «религию воскресения». Речь, разумеется, идет о знаменитом письме Вл. Соловьева Л.Н. Толстому. Обстоятельства появления этого текста раскрыл в своем мемуарном очерке о Льве Толстом близкий товарищ Вл. Соловьева князь А.Д. Оболенский.

Приблизительно в конце 90-х годов Владимир Соловьев, взгляды которого, как известно, были во многих отношениях прямо противоположны Толстовским, хотел сделать попытку некоторого сближения с Толстым или по крайней мере выяснения главных оснований разномыслия. С этой целью Соловьев написал Толстому глубоко интересное и во многом замечательное письмо, частное и личное. Случилось так, что я, выдаясь в то время часто с Соловьевым, зашел к нему как раз тогда, когда он только написал это письмо, но его еще не отправил. Он мне его прочитал. Оно было во всяком случае весьма содержательно и значительно, однако, не думая о последствиях, я стал говорить Соловьеву, как, по моему мнению, отнесется к нему Толстой и что он скажет в ответ на доводы Соловьева. Я рисовал это отношение недоброжелательным, а воображаемые ответы Толстого резкими и осуждающими. Лично я по вопросам, затронутым в письме, был всецело на стороне Соловьева, но говорил так потому, что желал вызвать и услышать отповедь Соловьева на предполагаемые возражения Тол-

Искать в поэзии непременно какого-то особенного, постороннего ей содержания – значит не признавать за ней ее собственного, а в таком случае стоит ли и толковать о поэтах? Логичнее будет махнуть на них рукою, как на пустых и бесполезных людей.

И далее:

Но есть в поэзии свое содержание и своя польза. Поэзия может и должна служить делу истины и добра на земле, – но только *по-своему*, только *своею красотой* и ничем другим. Красота уже сама по себе находится в должном соотношении с истиной и добром, как их ощутительное проявление. Следовательно, все действительно поэтическое – значит, прекрасное – будет тем самым содержательно и полезно в лучшем смысле этого слова.

См.: *Соловьев Вл.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Вестн. Европы. 1899. № 12. Дек. С. 665.

стого. Но Соловьев после моих слов совершенно замолчал, сделался угрюм и грустен, и я не мог добиться от него живого слова. – Соловьев был очень впечатлителен, я это знал, и я, конечно, мог бы с успехом предоставить самому Толстому ответить вместо того, чтобы придумывать возражения, несомненно не основательные по существу и едва ли верные даже с точки зрения Толстого. Но я не думал все-таки, что Соловьев не пошлет этого письма. Между тем приблизительно через год спустя скончался Соловьев, и уже после его смерти я узнал, что Толстой никакого письма от Соловьева не получал... Я почувствовал здесь косвенную свою вину³.

Относительно времени описываемых событий А.Д. Оболенскому несомненно изменяет память. Подстрочное примечание к его тексту, если не принадлежащее самому князю, то очевидно с ним согласованное, связывает данное письмо с тем, что было опубликовано вначале с небольшими сокращениями и без датировки в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1905 г.⁴, а затем Э.Л. Радловым в третьем томе Писем Соловьева с точной авторской датировкой и указанием места его написания – «28 июля – 2 авг. 1894 г. Петербург»⁵. И предыдущее, и последующее письма, отправленные Л.Н. Толстому, не оставляют сомнения в правильности этой даты. Поэтому Оболенский явно ошибается, относя данный эпизод к 1898 или 1899 г.: речь могла идти только о лете 1894 г. Князь сообщал также, что «в оставшихся от Соловьева бумагах письмо это долго не разыскивалось»⁶, и поэтому он, воспользовавшись одновременным пребыванием с Толстым в Крыму, напросился на визит и изложил суть соловьевского письма изустно, по памяти. Увы, Толстого соловьевские доводы не убедили, но только вызвали у него острое раздражение.

Напомним, что в этом письме философ пытался рационально обосновать реальность воскресения Христа и допустимость веры в окончательную победу человека над смертью. По мнению Вл. Со-

³ *Оболенский А.Д.* Две встречи с Л.Н. Толстым (1876 и 1901 гг.) // Л.Н. Толстой. Памятники жизни и творчества. Вып. 3 / Ред. В.И. Срезневский. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923. С. 38–39.

⁴ Из письма Владимира Сергеевича Соловьева к графу Льву Николаевичу Толстому // *Вопр. философии и психологии.* 1905. Сент.-окт. Кн. IV (79). С. 241–246.

⁵ *Соловьев Вл. С.* Письма: В 4 т. Т. III. СПб.: Обществ. польза, 1911. С. 38–42.

⁶ *Оболенский А.Д.* Две встречи... С. 39–40.

Соловьева, сам Толстой должен был бы прийти к тому же выводу на основании своей убежденности в победе духовного начала над материальным – а окончательность этой победы может быть, согласно Вл. Соловьеву, гарантирована только преодолением смерти. Философ высказывал в этом письме свою давнюю идею, что преодоление смерти в прошлом – Иисусом Христом, «первенцем из мертвых», а в будущем – коллективным человечеством – представляет собой чудо в том же самом смысле, в каком следует считать чудесами рождение живой клетки из неживой материи, появление вначале растительного, а затем животного мира и возникновение обладающего разумом человека. Наконец, Вл. Соловьев решил попытаться убедить писателя поверить в воскресение Христово и еще одним доводом: с точки зрения философа, энтузиазм ранних христиан в отношении фигуры проповедника из Иудеи, колоссальный успех христианской проповеди в античном мире могли объясняться лишь фактом Его физического воскресения, доподлинно известным первым апостолам. Иными словами, философ хотел дать понять писателю, что толстовский скепсис в отношении воскресения Христа не имеет рационального основания, и он может отказаться от этого скепсиса без ущерба для своей нравственно-религиозной проповеди. Неизвестно, какие возражения высказал против этих доводов князь Оболенский, однако трудно поверить в то, что именно они были единственной причиной отказа Вл. Соловьева отправить письмо Толстому. Но не будет большой натяжкой предположение, что именно из этой – во всех смыслах неудачной – попытки переубедить Толстого и вырастает замысел трактата по нравственной философии, в итоге материализовавшийся в виде книги «Оправдание добра»⁷.

⁷ Н.А. Васильев совершенно справедливо замечает в своем кратком очерке: «Этическое сочинение Соловьева “Оправдание добра” написано от первых своих страниц до последних в виде скрытой полемики против Толстого. Из писем Соловьева видно, с каким негодованием и с каким интересом следил он за разворачивавшейся в 80-е годы моральной системой Толстого». Автор несколько сужает проблему, игнорируя ту тему, которой было посвящено неотправленное письмо 1894 г. Однако его анализ конфликта этических систем Л.Н. Толстого и Вл.С. Соловьева как антитезы «абстрактно логического» и «конкретно исторического» подходов к морали заслуживает внимания. См.: *Васильев Н.А.* Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева) // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. По поводу 40-летия его ученой и 50-летия учено-лит. деятельности. Казань: Изд. Книж. магазина М.А. Голубева, 1913. С. 452, 449.

Осенью 1894 г. Вл. Соловьев отправляет Л.Н. Толстому другое письмо, которое адресатом было оценено как «очень ласковое»⁸. Это послание философ начинает как раз с упоминания о несостоявшемся обращении с исповеданием своей веры в «воскресение»:

Еще с июля месяца лежит у меня большое письмо мое к вам о главном пункте нашего религиозного разногласия; но я недоволен изложением своей мысли, а недоразумения на расстоянии бывают очень досадны. При свидании (надеюсь, в январе) я прочту вам это письмо, как тему для устного разговора⁹.

Трудно сказать, мог ли подобный разговор Вл. Соловьева с Л.Н. Толстым состояться зимой 1894 г. – на последующем письме Толстого переписка обрывается, а начало 1895 г. отмечено первым явным полемическим выпадом философа против нравственно-политических идей Толстого – статьей «Принцип наказания с нравственной точки зрения». Однако для понимания генезиса соловьевского трактата по нравственной философии, к публикации глав которого философ приступил с сентября 1894 г., важное значение имеет и другой пассаж из того же самого письма. Философ пишет, что пришел к выводу, что единство по нравственным, т. е. на самом деле – социальным и политическим – вопросам имеет более фундаментальное значение, чем близость философских убеждений и даже религиозных взглядов, и это позволяет двум мыслителям находить общий язык. Вл. Соловьев сообщает в том же письме, что примирение с Н.Н. Страховым было бы для него возможно лишь «во имя евангельской заповеди и личного чувства без всякой солидарности во взглядах и стремлениях», тогда как с Толстым он может продолжать дружить и ради общего дела.

Обратим особое внимание на то, что Вл. Соловьев использует в этом письме почти тот же речевой оборот, который он ввел позднее для обозначения перелома во взглядах, приведшего к разочарованию в осуществимости идеи всемирной теократии и возобновлению философских занятий:

⁸ Такова была запись в дневнике Толстого от 4 ноября: «От Соловьева очень ласковое». Эта запись позволила публикатору письма П.С. Попову датировать его концом октября – началом ноября 1894 г. См.: Переписка Толстого с В.С. Соловьевым / Публ. П. Попова // Лит. наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 274–275.

⁹ Там же.

Не изменяя содержание своих взглядов, я все более укрепляюсь в убеждении, что нравственное дело есть первое и непременное условие всего прочего и что без этого условия самые высокие и глубокие вещи не только теряют свое достоинство и свою благодетельность, но могут превращаться в самые ужасные мерзости. Это убеждение сближает меня с вами в существе дела, помимо всяких личных христианских чувств¹⁰.

Выражение *«не изменяя содержание своих взглядов»* – с некоторым видоизменением – Вл. Соловьев воспроизводит без малого пять лет спустя, в предисловии к первому тому Творений Платона, которое он сам датировал 26 мая 1899 г., указав в конце текста и место его написания: швейцарский город Лозанну:

С нарастанием жизненного опыта, *безо всякой перемены в существе своих убеждений*, я все более и более сомневался в полезности и в исполнимости тех внешних замыслов, которым были отданы мои так называемые «лучшие годы». Разочароваться в этом значило вернуться к философским занятиям, которые за то время отодвинулись было на дальний план. Нравственная философия, с которой я начал эти возобновленные занятия, неизбежно приводила меня к основным теоретическим вопросам знания и бытия (курс мой. – Б. М.).

В этом отрывке обращает на себя внимание сходство двух речевых оборотов: «не изменяя содержание своих взглядов» и «безо всякой перемены в существе своих убеждений»¹¹. Можно сделать предположение, что речь идет об одном событии – только развернутом в двух разных ракурсах. Также обращает на себя внимание, что в предисловии к Творениям Платона Вл. Соловьев пишет, что «начал возобновленные занятия» философией с «нравственной философии», тем самым он забывает обо всех своих «первых шагах к положительной эстетике», предпринимавшихся им еще с 1889 г. и особенно интенсивно – с начала 1894 г. В чем тогда состояло само описываемое событие? Вероятно, в решении попытаться теоретически обосновать «религию воскресения», вывести ее из постулатов автономной этики, представить идею преодоления смерти в качестве закономерного и необходимого развития правильно понятых императивов практического разума.

¹⁰ Там же. С. 275.

¹¹ Соловьев Вл. Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева. Т. I. Изд. К.П. Солдатенкова. М.: Типо-литогр. В. Рихтер, 1899. С. V.

«Нравственное дело есть первое и неперемное условие всего прочего», пишет Вл. Соловьев в последнем письме к Толстому, что полностью соответствует мысли, которую он кладет в основанию опубликованной в том же самом ноябре 1894 г. статьи «Нравственная философия как самостоятельная наука», обозначенной при публикации как введение в книгу «Основания нравственной философии». Это решение, как можно предположить, пришло к Вл. Соловьеву в голову в конце июля – начале августа 1894 г., и именно оно заставило его на время отложить «почти написанную» эстетику и заняться теоретической разработкой «оснований нравственной философии».

Нравственная философия создавалась Вл. Соловьевым в первую очередь как попытка убедить великого писателя и моралиста перейти на сторону подлинного, с точки зрения философа, христианского учения, в основе которого лежат идея воскрешения мертвых и факт воскресения Христа как предварение этого финального для истории человечества события¹². Вл. Соловьев стремился доказать Льву Толстому, что любая подлинная нравственность предполагает императив воскрешения мертвых в качестве своей фундаментальной предпосылки. И упорное отрицание воскресения Христа и будущего всеобщего воскресения человеком, называющим себя христианином, может быть обусловлено не доводами теоретического и практического разума, но именно злой волей. Приведем по поводу этого одно малоизвестное мемуарное свидетельство. Оно принадлежит писательнице и хозяйке московского салона Р.М. Хин-Голдовской. В течение многих лет она вела довольно подробные дневники, где рассказывала о литературной жизни в Москве. Встретившись с хорошо знакомым ей Вл. Соловьевым в Петербурге 24 мая 1900 г., Хин-Голдовская задала писателю вопрос: почему Толстой безучастен к страданиям еврейского народа, «который дал человечеству Христа»? На этот вопрос философ дал неожиданный ответ:

¹² Не далее как в мае 1894 г., во время своего пребывания в Москве, Вл. Соловьев, по его собственным словам, «много видался с Толстым и толстовцами» и выражал надежду на принятие ими христианства в близком ему понимании. См.: в письме к М.М. Стасюлевичу от 8 мая 1894 г.:

Здесь много видался с Толстым и толстовцами, из которых некоторые, более способные, начинают от его полу-буддизма переходить к христианству в моем смысле; не оставляю надежды и относительно его самого (*Соловьев В.С.* Письма. Т. IV. Пг.: Время, 1923. С. 65).

Да этого именно *он* и не может простить евреям, что они дали миру Христа! Ведь он Христа ненавидит! Знаете, он так один раз говорил со мной о Христе с таким побледневшим лицом, с такими холодными, злыми глазами – *je l' ai vu malgre ma tuorie*, что я после этого на несколько лет с ним разошелся... Потом мы помирились¹³.

Воспроизведенный Вл. Соловьевым разговор между ним и Львом Толстым, если мемуаристка, конечно, верно передает слова своего собеседника, должен был состояться в 1891–1892 гг., когда философ подолгу жил в Москве; после 1895 г. два мыслителя не делали попыток к примирению и, вероятно, уже лично не встречались. Но в 1892–1893 гг. действительно наблюдается определенный перерыв в эпистолярном общении Вл. Соловьева и Л. Толстого, обусловленный, видимо, их личным конфликтом или, во всяком случае, отчуждением. В 1894 г. два мыслителя в последний раз помирились и были готовы забыть разногласия ради общего дела. Нельзя, конечно, исключить, что воспроизведенная мемуаристкой беседа представляла собой ту самую обещанную Вл. Соловьевым попытку устно изложить собеседнику содержание своего неотправленного письма лета 1894 г., что, как мы помним, философ обещал сделать осенью того же года. Но очень трудно понять, когда могла (и могла ли) состояться подобная встреча, даже если замечание о последующем примирении можно посчитать случайной ошибкой памяти либо мемуаристки, либо самого Вл. Соловьева.

Все-таки скорее всего разговор произошел в 1891–1892-х гг., и тогда мы имеем право предположить, что летом-осенью 1894 г., когда Вл. Соловьев задумывал свой трактат по нравственной философии и специально оговаривал во введении к нему не решаемую в рамках этики проблему зла, он уже держал в сознании образ того человека, в котором подозревал личную ненависть к Христу

¹³ *Хин-Голдовская Р.М.* Очарование старины – Из дневников (Продолжение) / Публ. и предисл. М.М. Ситковецкой // Грани. 1994. № 173. С. 202–203. По-видимому, тот же разговор с Толстым Вл. Соловьев передал и будущему архиепископу Никону (Рождественскому). Согласно сообщению владыки Никона, однажды Соловьев «встретился с Л.Н. Толстым, и во время беседы о Христе Л.Н. назвал Богочеловека своим личным врагом. Это и послужило главным поводом к разрыву между В. Соловьевым и Л.Н. Толстым». См.: Духовенство об «уходе из мира» Л.Н. Толстого // Дни нашей скорби: Сб. ст. и известий о последних днях Л.Н. Толстого. М.: Изд. газ. «Студенческая жизнь», 1911. С. 69. См. также ссылку на это свидетельство в весьма ценной статье В.Б. Ремизова [Ремизов 1999, с. 228].

и которого впоследствии представил как предтечу Антихриста. Он, вероятно, исходил из того допущения, что если Толстой не примет рациональные аргументы его нравственной философии, убеждающие в том, что истинная мораль предполагает «религию воскресения» как свою онтологическую предпосылку, то причиной этого отвержения окажется уже не логика, не теоретический скепсис и не абстрактный морализм сам по себе, но исключительно иррациональная приверженность злу вопреки оправданному разумом и всем строем бытия добру. Иными словами, трактат «Оправдание добра» задумывался как последняя для его автора попытка найти общий язык с писателем, заставить его отказаться от ложных мировоззренческих установок в том числе и ради по существу верных нравственных принципов¹⁴. Однако очень быстро, еще в течение 1894 г., спор с Толстым вышел из чисто метафизической сферы в плоскость практической политики, и философу пришлось расширить проблематику будущего сочинения и, кстати, несколько скорректировать его предполагаемое название: из «Оснований нравственной философии» книга превращается просто в «Нравственную философию».

Тем не менее изначально все же вопрос стоял именно о верных основаниях нравственности. И теперь становится понятным, почему Вл. Соловьев так настаивает на автономии этики: желая убедить писателя в возможности победы над смертью, философ декларирует в самом начале своего труда, что будет исходить из тех же самых императивов, какие принимает и Толстой, – из приоритетов личного аскетизма, сострадания к людям и почитания Отца небесного (те самые «стыд», «жалость» и «благоговение»). При этом Вл. Соловьев хотел доказать своему оппоненту, что последовательная приверженность именно этим принципам не может не вести любого честного мыслителя к однозначному выводу – без веры в победу над смертью, без представления о безусловной действительности нравственного порядка сострадание, аскетизм и почитание высшего начала не имеют реального смысла. Таким образом, тезис об автономии нравственной фило-

¹⁴ В этом смысле, конечно, не выдерживает критики мнение И.И. Евлампиева и И.Ю. Матвеевой, что разногласие по поводу воскресения

...двух мыслителей является типичным примером «недоразумения», имеющего причиной вторичные и частные причины, а не какие-то принципиальные расхождения во взглядах.

То, что авторы называют «недоразумением», для Вл. Соловьева являлось важнейшим основанием его веры [Евлампиев, Матвеева 2019, с. 229].

софии появляется у Вл. Соловьева не ранее лета 1894 г., когда он приходит к выводу, что все доводы в пользу религии воскресения невозможно изложить в одном, хотя и пространным, послании. Именно тогда, после казуса с написанием и неоправкой письма Льву Толстому, философ меняет всю ранее намеченную последовательность будущих публикаций, а также архитекtonику своей «поздней» системы: именно летом 1894 г. «парадигма Радлова» плавно переходит в «парадигму Евгения Трубецкого» [Межуев 2024]. Иными словами, возвращение к прежним философским занятиям и желание развить недостающий эстетический компонент постулированной ранее «свободной теософии» в это время трансформируется в стремление создать совершенно новую систему с автономными друг от друга и от положительной религии этикой и теоретической философией.

Полемика с Львом Толстым в 1890–1892 гг.: критика нравственного субъективизма

Полемика с воззрениями Л.Н. Толстого в 1894–1895 гг., в тех отдельных статьях, которые впоследствии вошли в труд по нравственной философии, была не первой для Вл. Соловьева: в 1891 г. философ уже вел дискуссию со взглядами писателя, критикуя как проповедь опрощения (в статье «Идолы и идеалы», появившейся в марте 1891 г. в «Вестнике Европы»), так и стремление свести Евангелие и христианство к идее непротивления злу и «отвлеченной морали, частью аскетического, частью филантропического свойства» (в статье «О подделках», опубликованной в мае 1891 г. в «Вопросах философии и психологии»)¹⁵. Однако в то время философ старался отзываться о Толстом корректно, не допуская жестких выпадов. В «Идолах и идеалах» Вл. Соловьев в подстрочном примечании специально оговаривает, что не намерен переводить спор со сторонниками «опрощения» и крайнего народолюбия в критику лично Толстого. Философ высказывает мнение, что «воззрения знаменитого писателя за последние 15 лет его деятельности представляют, так сказать, лишь *“феноменологию” его собственного духа* и в этом смысле имеют, конечно, значительный интерес, но не подлежат опровержениям». «Поэтому, – пишет Вл. Соловьев, – я не желал бы, чтобы последующие замечания были приняты за полемику против славного романиста,

¹⁵ Соловьев Вл. О подделках // Вопр. философии и психологии. 1891. Кн. 4 (8). С. 149–163.

который не может отвечать за то, что другие выводят из субъективных явлений его артистической натуры»¹⁶. Еще ранее, в статье «Самосознание и самодовольство», вышедшей в июне 1890 г. в «Русском обозрении», философ брал Л.Н. Толстого под защиту в полемике с критиковавшим религиозные воззрения писателя П.Е. Астафьевым¹⁷. Наконец, в статье «О подделках», где имя Толстого не приводится, но не вызывает сомнения, что речь идет именно о нем, Вл. Соловьев называет уклонение от Евангельского учения в «отвлеченный морализм» «самой невинной» «между нынешними подделками и подменами христианства»¹⁸. В это время Вл. Соловьев хотя и затрагивает темы, которые потом лягут в основу фактического «анафематствования» Толстого в «Трех разговорах» и жесткого спора с ним в «Оправдании добра» – например, то же учение о непротивлении злу силой, анархизм писателя, отрицание им «видимой церкви», неприятие науки и в целом человеческой цивилизации, – но все же концентрирует свое внимание на опровержении «нравственного субъективизма» толстовского учения, сведения морали к ее внутренней, духовной стороне при равнодушии к тем формам социального устройства, в которых добро должно найти свое выражение. Все это звучит еще очень мягко и без угрожающих инвектив¹⁹.

Вероятно, именно к этому времени – 1891 г. – относится и обнаруженный З.Г. Минц в архиве Государственной публичной библиотеки и опубликованный ею в Трудах Тартусского университета в 1966 г. набросок статьи «Наши Никодимы», по справедливому предположению исследовательницы, также направленный против

¹⁶ Соловьев Вл. Идолы и идеалы. Очерк I // Вестн. Европы. 1891. Кн. 3. Март. С. 365. Статья в полном виде вошла во второй выпуск «Национального вопроса в России», изданного в 1891 г., и вместе с ним в пятый том Собрания сочинений Вл. Соловьева.

¹⁷ Соловьев Вл. Самосознание и самодовольство // Русское обозрение. 1890. № 6. Июнь. С. 671–684.

¹⁸ Соловьев Вл. О подделках. С. 149.

¹⁹ А.Н. Круглов справедливо соотносит соловьевское различие объективной и субъективной нравственности с гегелевским разделением «нравственности» и «морали»:

Отрица историческую выработку форм, организаций и условий, необходимых для наступления Царствия Божия, Толстой сам оказывается препятствием для его осуществления. Если опираться на гегелевское разделение морали и нравственности, можно, наверное, сказать, что Соловьев обнаруживает у Толстого в той или иной форме мораль, но не находит у того нравственности [Круглов 2021, с. 208].

Л.Н. Толстого, против характерного для него «руссоистского» «полного отрицания цивилизации» [Минц 1966, с. 108]. Сама З.Г. Минц датировала этот фрагмент концом 1890-х гг., когда полемика философа с писателем приобрела предельную остроту и их личные отношения были разорваны. У этого предположения есть определенные основания: 1891 год отмечен наибольшим отчуждением философа от государства и официальной церкви, которые в их институциональных основаниях берутся под защиту в этом фрагменте. Споря со сторонниками радикального «опрощения» и возвращения в лоно матери-природы, философ пишет:

Такая наивность перестанет нас удивлять, если мы послушаем тех учителей, которые через столько веков после Никодима в нынешнее время и среди нашего христианского мира рассуждают о царствии Божиим. Они знают, что человечество должно духовно переродиться, но понимают это так, что оно должно опять войти в доисторическую утробу матери-природы, отбросивши от себя все, что выработалось в нем за многие тысячелетия умственного и культурного роста, – все многообразие исторических форм, всю сложность жизненных отношений. Во всем этом есть или может быть зло – значит, ничего этого не нужно. Не нужно церкви, потому что церковники бывают фанатичны, лицемерны и своекорыстны; не нужно государства, потому что оно связано с принуждением, а принуждение есть зло; на фабриках рабочие бывают подавлены чрезмерною механическою работою – значит, не нужно фабрик и заводов; деньги развивают стяжательство и мошенничество, значит, не нужно денег, – отчего прямо не менять пирог на лапти? Ученые часто занимаются пустяками, значит, не нужно науки и университетов. Художники и музыканты действуют своими произведениями на чувственность, значит, не нужно искусства; купцы живут обманом, как видно уже из пословицы: «Не обманешь – не продашь», – значит, не нужно торговли; в городах много соблазнов – да погибнут города; люди, легкомысленно вступившие в брак, не ладят между собою, – значит, семья есть разврат, и так далее, все по тому же шаблону [Минц 1966, с. 109].

Вл. Соловьев избирает здесь более жесткий полемический тон, но все-таки не переходит грани между идейной критикой и личными выпадами. Представляется более вероятным, что фрагмент относится как раз к 1891 г., а не ко времени написания «Оправдания добра» или «Трех разговоров». Именно в написанной в том же году статье «О подделках» Вл. Соловьев противопоставляет ложным версиям христианства, включая толстовскую, идею «царства Божия», он прямо называет ее «центральной идеей Евангелия» и трактует обретение этого «царствия» как объективный Богочеловеческий процесс,

не сводящийся только к изменению состояния умов, т. е. развитию субъективной стороны морали. Сходство статьи «О подделках» и отрывка, найденного З.Г. Минц, довольно значительное, что склоняет нас к выводу о том, что они были написаны в одно время.

Полемизируя со взглядами Толстого, Вл. Соловьев пытается объяснить в работе «О подделках» знаменитую реплику Христа «Царство Божие внутри вас» (которую писатель впоследствии выбрал в качестве заглавия своей книги, вышедшей в октябре 1893 г. в Париже) конкретными обстоятельствами ее произнесения: по мнению Вл. Соловьева, она была адресована фарисеям, поскольку те сводили религию к чистой обрядности и пренебрегали субъективной стороной веры. В отличие от Толстого и в прямой полемике с ним философ настаивал на том, что Царство Божие – не просто состояние души человека, но «полная реализация божественного в природно-человеческом через Богочеловека-Христа, или, другими словами, – полнота естественной жизни, соединяемой через Христа с полнотою Божества»²⁰. После 1892 г., который, по нашему предположению, открывает собой третий период соловьевского творчества, философ обнаруживает гораздо более определенное основание своего идейного расхождения с писателем – именно отрицание им

²⁰ По мнению немецкого исследователя М. Альтмайера, автора книги «Обожение у Вл. Соловьева и Л. Толстого: диалог, который так и не состоялся»:

Если для Соловьева Царства Божие – это скорее космологическая цель, то для Толстого – это, в первую очередь, внутреннее состояние [Сидорин 2019, с. 103].

Если Толстого интересует прежде всего, что человек должен делать в жизни, чтобы избавиться от страха смерти, то

...антропология Соловьева производит впечатление умозрительной философии, и она поначалу имеет мало общего с реальностью жизни отдельного человека [Altmaier 2014, p. 134].

Концепцию исследователя подробно освещает В.В. Сидорин в своей рецензии на эту книгу:

Из этого следует принципиально различное отношение к церкви, при том, что критический пафос в отношении исторического христианства так или иначе разделяли оба, и социальному идеалу соловьевской свободной теократии как воплощению в социальной реальности принципа всеединства противостоят анархистские, как их именует Альтмайер, довольно подробно на них останавливаясь, «импульсы толстовской мысли» [Сидорин 2019, с. 103; Altmaier 2014, p. 277–290].

воскресения Христа как обетования грядущего воскресения всех мертвых. В тексте «Наши Никодимы» о «воскресении» не говорится ничего, и это тоже представляет собой косвенный аргумент в пользу того, чтобы датировать его 1891 г., т. е. тем временем, когда философ разворачивал свою дискуссию с Толстым лишь как с моральным субъективистом, чье понимание христианства страдало односторонностью, но тем не менее уступало по вредности «ревнителям правоверия», сводящим религию к исполнению внешних обрядов и почитанию строгой иерархии. Впрочем, нельзя исключать, что этот текст – черновой набросок к «Оправданию добра», вышедший из-под пера философа в конце 1894 – начале 1895 г., когда предметом его критики становится в том числе и учение о непротивлении злу. И все же версия о том, что «Наши Никодимы» относятся к 1891 г., к периоду полемики с «нравственным субъективизмом», нам представляется более вероятной.

Критика нравственного субъективизма, которая впоследствии нашла себе место в «Оправдании добра», велась Вл. Соловьевым с особенной интенсивностью именно в 1890–1891 гг. И когда философ задумал вернуться к этому пункту расхождения с писателем в своей книге, он взял для соответствующей главы на эту тему один из уже написанных им в эти годы текстов, который, правда, вышел в свет не в одном из журналов, где Вл. Соловьев тогда печатался, а в сравнительно малоизвестном сборнике. Речь идет о небольшой заметке «Личная нравственность и общее дело», она появилась в сборнике «Помощь голодающим», который был составлен и издан редакцией газеты «Русские ведомости» в самом конце 1891 г.²¹ Эта

²¹ См.: *Соловьев Вл. Личная нравственность и общее дело // Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564.* Объявление о выходе в свет сборника было помещено на первой странице номера газеты «Русские ведомости» от 25 декабря 1891 г. (№ 355).

Отметим, что в 1892 г. Вл. Соловьев принял участие и в двух других благотворительных сборниках, выпущенных в помощь голодающим. Один из них был подготовлен газетой «Одесский листок». Здесь философ опубликовал стихотворение «Ах, память все вернуть готова...», которое вошло затем во второе издание Стихотворений как перевод из Лонгфелло с измененной первой строкой: «Все память воззвать готова». См.: Отклик: Лит. сб. в помощь голодающим. Одесса: Тип. и литогр. «Одесского листка», 1892. С. 249. Вторым был вологодский сборник «Помочь», куда философ отдал одно из самых известных своих стихотворений «Имману-эль». См.: Помочь: Вологодский сб. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1892. С. 158.

статья с минимальными изменениями вошла в состав отдельной главы (XII во втором издании и IX – в первом) «Оправдания добра». Таким образом, на сегодняшний день она представляет собой самый ранний фрагмент этого сочинения, не считая, конечно, приложения к книге в виде извлечений из «Критики отвлеченных начал». Честь первой републикации этого раннего наброска главы «Оправдания добра» принадлежит Н.В. Котрелеву и Е.Б. Рашковскому, поместившим этот текст во втором томе составленного им двухтомника 1989 г. [Котрелев, Рашковский 1989]. В примечаниях к тексту публикаторы писали:

...комментируемая статья – ранний набросок будущего обобщающего соловьевскую этику сочинения. Этот источник т. 12 ускользнул от внимания самого кропотливого и лучшего соловьевского текстолога, считавшего, что одна только двенадцатая глава из всей книги не имела предварительной журнальной публикации и появилась лишь в первом издании 1897 г.²²

В том же примечании делается вывод о том, что «обнаружение публикации 1892 г. позволяет датировать начало работы над «Оправданием добра» двумя годами ранее – первые фрагменты его, считалось, появились в печати в 1894 г.²³

Нужно уточнить, что статья «Личная нравственность и общее дело» была написана философом не позднее осени 1891 г., когда сборник готовился к изданию. Составитель этого сборника, известный московский географ и антрополог Д.Н. Анучин в кратком предисловии рассказал об истории его создания. По словам Анучина, который назвался в предисловии «заведывавшим редакцией сборника»,

...осенью нынешнего года, в Москве, в кружке литераторов возникла мысль об оказании помощи голодающим посредством издания Сборника из беллетристических и научных статей, а также, по мере возможности, и рисунков. Осуществлению этой задачи изъявили го-

²² См. [Котрелев, Рашковский 1989, с. 699]. Здесь дается ссылка на текстологическую работу немецкого исследователя Бруно Вембриса, осуществившего детальную сверку всех изданий «Оправдания добра», включая журнальную редакцию глав [Wembris 1973, S. 10].

²³ См. [Котрелев, Рашковский 1989, с. 699]. Первую посмертную републикацию статьи Вл. Соловьева «Личная нравственность и общее дело» см.: *Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 459–465.*

товность содействовать издатели «Русских ведомостей» принятием на себя всех расходов по изданию Сборника, в количестве 6100 экземпляров, с тем, чтобы весь валовой сбор от продажи Сборника поступил в пользу нуждающегося населения пострадавших от неурожая местностей. <...> Так как статьи доставлялись в течение почти двух месяцев, то в распределении их, – принимая во внимание необходимость выпуска сборника к известному сроку, – нельзя было провести какого-либо определенного порядка и плана: статьи поступали в набор по мере их получения, без отношения к их категориям; редакция старалась только, по мере возможности, разнообразить содержание, вставляя между беллетристическими произведениями современных писателей – неизвестные отрывки и письма литературных деятелей прошлого времени²⁴.

Под предисловием стоит дата «14 декабря 1891 г.», в сборнике статья Вл. Соловьева помещена одной из последних, за ней следуют перевод короткого эссе французского писателя Жюль Лемэтра («с рукописи, доставленной для Сборника», как сообщается в подзаголовке), стихотворение Алексея Жемчужникова «Всем хлеба» и тексты Л.Н. Толстого, работы которого Д.Н. Анучину удалось получить для публикации в последний момент²⁵. Поскольку, как говорит составитель, сборник собирался по мере получения текстов, то, предположительно, философ отправил свой текст в сборник осенью, ближе к ноябрю 1891 г. Статья Вл. Соловьева датировки не имеет, однако она соседствует с текстами, доставленными в редак-

²⁴ См.: Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. П.

²⁵ Д.Н. Анучин вспоминал в мемуарном очерке 1913 г. о том, что многие материалы, присланные ему от различных авторов, в силу расширившегося его объема, «остались неиспользованными».

В.Г. Короленко доставил, например, одну из лучших своих вещей «Река играет». Только Л.Н. Толстой ответил сначала отрицательно, сказав, что у него ничего нет готового, и разрешил лишь поместить одну из его неизданных в России «сказок», предоставив мне право переделывать ее, как угодно, в целях приспособления к цензурным требованиям. Только впоследствии, когда сборник уже приходил к концу печатанием, Л.Н. предложил мне поместить в нем свои заметки о помощи голодающим, которые и были напечатаны в конце книги. Л.Н. сам держал корректуру статьи, причем подвергал текст многочисленным исправлениям и дополнениям.

См.: *Анучин Д.Н.* Из воспоминаний // Русские ведомости (1863–1913): Сб. ст. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 84–85.

цию именно в этом месяце: под стихотворением А.М. Жемчужникова стоит число 2 ноября 1891 г., а расположенная в сборнике чуть выше статья географа А. Воейкова «Климат и народное хозяйство» датирована 8 ноября. Поскольку в этом месяце философ серьезно болел и был отвлечен на полемику по поводу своего выступления в Московском психологическом обществе 19 октября 1891 г., можно допустить, что Вл. Соловьев рекомендовал к публикации старый текст, написанный вместе с другими, более ранними работами того же года, в которых подвергался сомнению «нравственный субъективизм», отрицающий необходимость объективного воплощения добра в социальном устройстве.

Текст статьи действительно полностью (без последнего заключительного абзаца), с очень небольшой редакторской правкой, вошел в ту главу «Оправдания добра», которая в редакции 1897 г. называлась «Нравственный субъективизм», а в редакции 1899 г. – «Отвлеченный субъективизм в нравственности» (соответственно, IX и XII главы), составив содержание двух ее параграфов – II и III. В развернутом содержании второй редакции эти параграфы получают такое описание: «II. Недостаточность нравственности как только субъективного чувства. – Историческое подтверждение. III. Недостаточность нравственности как только личной проповеди. – Исторические подтверждения»²⁶. «Историческим подтверждением» недостаточности «нравственного субъективизма» служил предпринятый Вл. Соловьевым анализ «Одиссеи» Гомера, которым он, по-видимому, очень гордился. Во всяком случае, он признавал за собою заслугу в том, что впервые обратил внимание на особую моральную чувствительность главного героя. В редакции «Оправдания добра» 1899 г. Вл. Соловьев не без гордости утверждал: «Так как я не встречал в литературе особых указаний на эту преобладающую черту гомерического героя, то позволю себе некоторые подробности»²⁷. «Подробности» касались такой черты Одиссея, как его склонность «плакать при всяком удобном случае».

Вторая часть статьи, составившая III параграф соответствующей главы, в значительной степени была посвящена освобождению крестьян в России и чернокожего населения в Америке «мирным правительственным действием». Значение «внешнего государственного акта» для поднятия уровня «внутреннего нравственного сознания» в цивилизованном обществе, по мнению философа, заключалось в том, что нравственность должна по

²⁶ Соловьев Вл.С. Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литография Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. С. XXIV.

²⁷ Там же. С. 317.

самой своей природе из субъективного чувства и внутреннего переживания «объективироваться» и становиться «общим делом». Нельзя исключить, что по крайней мере вторая часть статьи была написана Вл. Соловьевым в феврале 1891 г., к тридцатилетней годовщине акта об освобождении крестьян, и что она по тем или иным причинам не нашла места на страницах одной из газет (а, возможно, газетная публикация еще не разыскана исследователями), с которой философ в тот момент сотрудничал. Осенью 1891 г. философ, вероятно, просто отдал в сборник «Русских ведомостей» уже готовую статью. Нам представляется, что в этот момент планов о создании труда по нравственной философии у Вл. Соловьева еще не было – напомним, что в августе-сентябре 1892 г. он планировал переиздание «Критики отвлеченных начал», а затем собирался начать серию новых трудов с сочинения по эстетике. Поэтому, несмотря на присутствие текста 1891 г. в составе «Оправдания добра», отсчет третьего периода мы продолжаем вести с 1892 г., когда философ приступает к публикации «Смысла любви» – произведения, которое должно было лечь в основу будущей эстетики, и когда он перестает оповещать читателей и корреспондентов о намерении опубликовать второй том «Истории и будущности теократии».

Между тем, когда в декабре 1894 г. Вл. Соловьев в письме к С.Н. Трубецкому начертил подробный план своей будущей книги «Основания нравственной философии», он явно задумывался о том, чтобы использовать не только текст статьи «Личная нравственность и общее дело», но и другие работы 1891 г. для определенных разделов будущего трактата. Все они в совокупности должны были лечь в основу двух первых глав третьей части, которая в первом известном нам плане будущего сочинения, имела название «Прикладная этика, или Учение о применении нравственного начала к человеческому обществу» [Борисова и др. 1993, с. 16]. Первая из этих глав получала заглавие «Личная и общественная нравственность» – скорее всего, ее содержание составила бы статья «Личная нравственность и общее дело». Второй предстояло носить название «Мнимые нравственные основы общества», и здесь снова приходят на ум статьи весны 1891 г. – «Идолы и идеалы» и «О подделках». Весьма вероятно, впоследствии Вл. Соловьев счел эту главу неуместной в силу чрезмерной публицистичности.

Отметим, что в 1899 г. Вл. Соловьев делает несколько важных добавлений в текст главы. Три из этих добавлений касаются темы несовершенства средневекового понимания христианства и, в частности, порочности практики инквизиции. Первая вставка звучит так:

Точно также мы по справедливости осуждаем средневековый строй нравственности, но не за то, конечно, что он был церковным, а за то, что сама церковь тогдашняя была далека от образа истинно-нравственной организации, за то, что она вместе с добром организовала и зло – глубочайшее зло религиозных преследований и мучительств, нарушая этим безусловное начало нравственности в его собственной внутренней области²⁸.

Затем, уже в параграфе III, где прежде речь шла об американских плантаторах и русских крепостниках, в 1899 г. появился такой пассаж:

Нужно ли снова вспоминать представителей средневекового христианства, которые со спокойной совестью и даже сознанием своей нравственной обязанности и заслуги отнеслись к предполагаемым врагам своей церкви еще с большей жестокостью, чем Одиссей к врагам своей семьи...²⁹

При редактировании другой фразы Вл. Соловьев вставляет в перечисление поборников мнимой нравственности «ревнителей христианской веры» – «испанских инквизиторов»³⁰. Отчасти такое тройное обращение в 1899 г. к старой теме «средневекового христианства» отражает интерес философа к теме грехов испанской инквизиции, за которые Испании в конце XIX в. пришлось заплатить поражением от США и утратой последних колоний в Новом свете (об этом философ писал в статье «Немезида» 1898 г., вошедшей в цикл «Воскресных писем»). Но отчасти, вероятно, Вл. Соловьев хотел еще раз отвести от себя упреки Б.Н. Чичерина, который по выходе первого издания «Оправдания добра» обвинил философа в неспособности на основании его же собственных, условно говоря, «теократических» идей дезавуировать с нравственной точки зрения практику инквизиции.

Нужно упомянуть и еще одно финальное добавление в текст главы, которое несомненно усиливало ее критический в отношении наличного государственного устройства пафос. Философ утверждал в категоричной форме, что «степень подчинения лица обществу должна соответствовать степени подчинения самого общества нравственному добру». Сама по себе «общественная среда», по мнению Вл. Соловьева, «никаких прав на единичного человека

²⁸ Соловьев Вл.С. Оправдание добра... С. 315.

²⁹ Там же. С. 322.

³⁰ Там же. С. 325.

не имеет: ее права вытекают только из того нравственного удовлетворения или восполнения, которое она дает *каждому* лицу»³¹. Все нововведения 1899 г. в текст главы XII выдавали стремление автора подчеркнуть либеральные стороны своего мировоззрения – неприятие репрессивного церковного устройства, характерного для средневекового христианства, и отказ от той критики «нравственного субъективизма» в духе правого гегельянства Беллинского и Бакунина, которое в 1830-е гг. привело этих мыслителей к так называемому примирению с действительностью. По всей вероятности, все эти добавления отражали настроения философа в связи с очередной волной гонений на представителей униатской церкви на Западе Украины – как известно, это был главный пункт разногласий философа с властью в последние годы его жизни.

Заключение

Суммируя все сказанное выше о взаимоотношениях Вл. Соловьева с Л.Н. Толстым и учитывая то, как отразились эти отношения с писателем на развитии замысла трактата по нравственной философии, всю массу критических претензий автора «Оправдания добра» к учению Толстого можно разделить на три последовательных сегмента. Каждый из этих сегментов в контексте эволюции соловьевской мысли проявляется в разное время, не отменяя, но дополняя предыдущий. Вначале – в 1890–1891 гг., еще до наступления третьего периода в творчестве, когда философ продолжает вынашивать замысел написания второго тома «Истории и будущности теократии», он критикует Льва Толстого как нравственного субъективиста, не осознающего необходимости воплощения добра в правильном общественном устройстве. Эта инвектива не уходит и даже находит отражение в особой главе «Оправдания добра», частично состоящей из работы «Личная нравственность и общее дело», написанной в 1891 г. Затем, с 1894 г. – уже в процессе написания «мистической эстетики» и после начала публикации ее глав в печати – главным пунктом разногласий оказывается вопрос о воскресении Христа и об обетовании воскрешения мертвых: в этом обетовании Вл. Соловьев усматривает важнейший пункт христианского учения, отвергаемый писателем. Данный – по мнению философа, важнейший – пункт расхождений между ним и Толстым определил появление самого замысла сочинения об «основаниях нравственной философии» и отразился в содержании в первую очередь его заключительных глав.

³¹ Там же. С. 328.

Наконец, примерно с октября 1894 г. и особенно сильно в 1895 г. философ начинает сознавать, что спор с Толстым неизбежно должен коснуться и других аспектов его мировоззрения – неприятия писателем правосудия и наказания, отрицания им государства и церкви и, наконец, его безусловного пацифизма. Иными словами, Вл. Соловьев приходит к выводу не просто об ошибочности, но о вредности самого учения о непротавлении злу насильем, к которому ранее философ относился, скорее, снисходительно, чем враждебно. Это делает необходимым расширение количества глав в предполагаемой книге с гораздо большим упором на сферу практической этики, т. е. на всю общественно-политическую проблематику, которая прежде, вероятно, не должна была занимать столь важного места в будущем трактате. Этим последовательным расширением замысла, о котором мы более подробно расскажем в последующих публикациях, и объясняется первое изменение названия будущего сочинения. Начиная с зимы 1895 г. философ убирает из названия слово «основания»: «Основания нравственной философии» превращаются просто в «Нравственную философию». Однако прежде чем перейти к изложению развития замысла книги, нам хотелось бы немного задержаться в 1894 г., том году, когда Вл. Соловьев поспешил выступить в печати с главами своей вроде бы уже написанной эстетики. Мы еще не разобрались, что могло в ней содержаться.

Источники

- Анучин Д.Н.* Из воспоминаний // Русские Ведомости (1863–1913): Сб. ст. М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 84–85.
- Васильев Н.А.* Логический и исторический методы в этике (Об этических системах Л.Н. Толстого и В.С. Соловьева) // Сб. ст. в честь Д.А. Корсакова. По поводу 40-летия его ученой и 50-летия учено-литературной деятельности. Казань: Изд. Книж. магазина М.А. Голубева, 1913. С. 449–457.
- Из письма Владимира Сергеевича Соловьева к графу Льву Николаевичу Толстому // ВФП. 1905. Сент.-окт. Кн. IV (79). С. 241–246.
- Оболенский А.Д.* Две встречи с Л.Н. Толстым (1876 и 1901 гг.) // Л.Н. Толстой. Памятники жизни и творчества. Вып. 3 / Ред. В.И. Срезневский. М.: Кооперативное т-во изучения и распространения творений Л.Н. Толстого, 1923. С. 38–39.
- Переписка Толстого с В.С. Соловьевым / Публ. П. Попова // Лит. наследство. Т. 37–38. Л.Н. Толстой. Кн. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 268–276.
- Помощь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. 594 с.

- Соловьев Вл.* Самосознание и самодовольство // Русское обозрение. 1890. № 6. Июнь. С. 671–684.
- Соловьев Вл.С.* Идолы и идеалы. Очерк I // Вестн. Европы. 1891. Кн. 3. Март. С. 357–376.
- Соловьев Вл.* О подделках // Вопр. философии и психологии. 1891. Кн. 4 (8). С. 149–163.
- Соловьев Вл.* Ах, память все вернуть готова... // Отклик: Лит. сб. в помощь голодающим. Одесса: Тип. и литогр. «Одесского листка», 1892. С. 249.
- Соловьев Вл.* Имману-эль // Помочь. Вологодский сб. в пользу пострадавших от неурожая. СПб.: Типо-литогр. А.М. Вольфа, 1892. С. 158.
- Соловьев Вл.С.* Личная нравственность и общее дело // Помочь голодающим: Науч.-лит. сб. / Под ред. Д. Анучина. М.: Изд. «Русских ведомостей», 1892. С. 556–564.
- Соловьев Вл.* Ответ А.С. Павлову // Русские ведомости. 1892. № 4. 5 янв. С. 4.
- Соловьев Вл.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Вестн. Европы. 1899. № 12. Дек. С. 660–711.
- Соловьев Вл.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. М.: Типо-литогр. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. 615 с.
- Соловьев Вл.* Предисловие // Творения Платона / Пер. с греч. Вл. Соловьева. Т. I. Изд. К.П. Солдатенкова. М.: Типо-литогр. В. Рихтер, 1899. С. V–XII.
- Соловьев Вл.С.* Письма: В 4 т. Т. III. СПб.: Обществ. польза, 1911. 337 с.
- Соловьев В.С.* Письма: В 4 т. Т. IV. Пг.: Время, 1923. 239 с.
- Соловьев В.С.* Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. 735 с.
- Хин-Голдовская Р.М.* Очарование старины – Из дневников (Продолжение) / Публ. и предисл. М.М. Ситковецкой // Грани. 1994. № 173. С. 202–203.

Литература

- Борисова и др. 1993 – *Борисова И.В., Колеров М.А., Носов А.А.* К истории одной дружбы. В.С. Соловьев и кн. С.Н. Трубецкой // De Visu. 1993. № 8 (9). С. 5–23.
- Евлампиев, Матвеева 2019 – *Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.* Религиозные учения Л. Толстого и Вл. Соловьева и проблема единства русской религиозной философии // Ист.-филос. ежегодник. 2019. Т. 34. С. 222–249.
- Котрелев, Рашковский 1989 – *Котрелев Н.В., Рашковский Е.Б.* Примечания // Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2: Чтения о Богочеловечестве. Философская публицистика. М.: Правда, 1989. С. 664–710.
- Круглов 2021 – *Круглов А.Н.* Poleмика об «аморфизме» в этике: поздний В.С. Соловьев против Л.Н. Толстого // Лев Толстой и мировая литература: Материалы XI Междунар. науч. конф. Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», 2021. С. 203–218.

- Межуев 2024 – *Межуев Б.В.* Творческая история «Оправдания добра» Вл. Соловьева. Статья первая // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 2. С. 29–45.
- Мицц 1966 – *Мицц З.Г.* Из истории полемики вокруг Льва Толстого (Л. Толстой и Вл. Соловьев) // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1966. Вып. 184: Тр. по рус. и славян. филологии. Т. IX. Литературоведение. Тарту, 1966. С. 89–110.
- Ремизов 1999 – *Ремизов В.Б.* «Идти по звезде, по солнцу» (Л.Н. Толстой и В.С. Соловьев) // Яснополянский сб. 1998. Ст., материалы, публикации / Сост. Л.В. Милякова, А.Н. Полосина. Тула: Издат. дом «Ясная Поляна», 1999. С. 225–236.
- Сидорин 2019 – *Сидорин В.В.* Новейшие исследования по философии Вл. Соловьева в Германии: М. Альтмайер // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (49). С. 99–104.
- Altmaier 2014 – *Altmaier M.B.* Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj. Ein Dialog der nie geführt wurde // Das Östliche Christentum. Neue Folge. Bd. 59. Würzburg: Gesellschaft für Ostkirchenforschung, 2014. 336 p.
- Wembris 1973 – *Wembris B.* Der Russische text der “Rechtfertigung des Guten”. Tübingen [:Universitat Tübingen], 1973. 257 p.

References

- Altmaier, M.B. (2014), “Vergöttlichung bei Vladimir Solov'ev und Lev Tolstoj. Ein Dialog der nie geführt wurde”. *Das Östliche Christentum*, Neue Folge, Bd. 59, Gesellschaft für Ostkirchenforschung, Würzburg.
- Borisova, I.V., Kolerov, M.A. and Nosov, A.A. (1993), “On the History of a Friendship by V.S. Solovyov and prince S.N. Trubetskoy”, *De Visu*, no. 8 (9), pp. 5–23.
- Evlampiev, I.I. and Matveeva, I.Yu. (2019), “Religious teachings of L. Tolstoy and Vl. Solovyov and the problem of the unity of Russian religious philosophy”, *Historical and Philosophical Yearbook*, vol. 34, pp. 222–249.
- Kotrelev, N.V. and Rashkovsky, E.B. (1989), “Notes”, in Solovyov, V.S. Works in two volumes, vol. 2, Readings on the God-Manhood. Philosophical journalism, Pravda, Moscow, Russia, pp. 664–710.
- Kruglov, A.N. (2021), “The Controversy about ‘Amorphism’ in Ethics. Later V.S. Solovyov v. L.N. Tolstoy”, *Lev Tolstoj i mirovaya literatura: Materialy XI Mezhdunar. nauch. konf.* [Leo Tolstoy and World Literature. Proceedings of the XI International Scientific Conference], Muzei-usad'ba L.N. Tolstogo “Yasnaya Polyana”, Russia, pp. 203–218.
- Mezhuev, B.V. (2024), “The creative history of the ‘The Justification of Good’ by V.S. Solovyov. Article One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 29–45.
- Mints, Z.G. (1966), “From the history of the controversy around Leo Tolstoy (L. Tolstoy and V. Solovyov)”, *Uchenye zapiski Tartusskogo gos. un-ta, vyp. 184. Trudy po russkoi*

- i slavjanskoi filologii. T. IX. Literaturovedenie. Tartu* [Proceedings of the Tartu State University. Issue 184. Works on Russian and Slavic philology. Vol. IX. Literary studies], Tartu, pp. 89–110.
- Remizov, V.B. (1998), “ ‘Following the star, the sun’ (L.N. Tolstoy and V.S. Solovyov)”, Milyakova, L.V. and Polosina, A.N. (comp.), *Yasnopolyanskii sbornik. 1998. Stat'i, materialy, publikatsii* [Yasnaya Polyana collection. 1998. Articles, materials, publications], Yasnaya Polyana, Tula, Russia, pp. 225–236.
- Sidorin, V.V. (2019), “The latest research on Vladimir Solovyov’s philosophy in Germany: M. Altmaier”, *Humanities Research in the Russian Far East*, no. 3 (49), pp. 99–104.
- Wembris, B. (1973), *Der Russische text der 'Rechtfertigung des Guten'*, Universität Tübingen, Tübingen.

Информация об авторе

Борис В. Межуев, кандидат философских наук, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; borismezhuev@yandex.ru

Information about the author

Boris V. Mezhujev, Cand. of Sci. (Philosophy), Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Moscow, Russia, 119234; borismezhuev@yandex.ru

Опыт “mysterium tremendum” в философии религии С.Л. Франка и Р. Отто

Наталья А. Беляева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, nataly.1996@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу структуры и содержания религиозного опыта как опыта “mysterium tremendum” у Семена Франка и Рудольфа Отто. Выявляется связь используемых авторами понятий “mysterium tremendum”, «тайна», «совершенно иное». Предпринимается попытка обнаружить в работах С.Л. Франка взгляды, отсылающие к идее «священного» у Р. Отто, сформулировать их значение для онтологии С.Л. Франка. В статье рассматриваются работы С.Л. Франка, недавно введенные в научный оборот: текст «Первая философия» и конспекты лекций «Философия религии». Автором статьи утверждается, что в «Непостижимом» С.Л. Франк описывает характер Святыни и структуру религиозного опыта, прибегая к схеме религиозного переживания из работы «Священное» Р. Отто. Подобно «нуминозному», Святыня описывается С.Л. Франком как тайна, возбуждающая трепет, и сравнивается с категорией феноменологии Р. Отто “mysterium tremendum”. При этом труд «Непостижимое», как его называет сам автор, – «опыт онтологического введения в философию религии». Категориям феноменологии религии Р. Отто придается онтологический характер, они встраиваются в разработанный С.Л. Франком структурный принцип реальности – принцип антиномистического монодуализма.

Ключевые слова: религиозный опыт, «нуминозное», “mysterium tremendum”, Непостижимое, Тайна, С.Л. Франк, Р. Отто

Для цитирования: Беляева Н.А. Опыт “mysterium tremendum” в философии религии С.Л. Франка и Р. Отто // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 38–52. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-38-52

The experience of “mysterium tremendum” in S.L. Frank’s and R. Otto’s philosophy of religion

Natalia A. Belyaeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nataly.1996@yandex.ru*

Abstract. The article deals with a comparative analysis of the structure and content of religious experience, specifically the experience of “mysterium tremendum”, in the works of Semyon Frank and Rudolf Otto. It reveals the connection between the concepts of “mysterium tremendum”, “mystery”, and the “the utterly different” as used by the authors. The author attempts to identify perspectives in S.L. Frank’s works that reference the idea of the “sacred” in R. Otto’s work, and to articulate their significance for S.L. Frank’s ontology. The article considers recently introduced works by S.L. Frank, including the text “First Philosophy” and lecture notes on the “Philosophy of Religion”. It is argued that S.L. Frank describes the nature of the “Holy” and the structure of religious experience by drawing on the framework of religious experience from R. Otto’s work “The Sacred”. Like the “numinous”, the Holy is described by S.L. Frank as a mystery that evokes awe and is compared to R. Otto’s phenomenological category of “mysterium tremendum”. At the same time, the work “The Unknowable”, as the author calls it, is “an ontological introduction to the philosophy of religion”. The categories of R. Otto’s phenomenology of religion are given an ontological character, and they are integrated into the structural principle of reality developed by S.L. Frank – the principle of antinomic monodualism.

Keywords: religious experience, “numinous”, “mysterium tremendum”, Unknowable, Mystery, S.L. Frank, R. Otto

For citation: Belyaeva, N.A. (2024), “Experience of ‘mysterium tremendum’ in S.L. Frank’s and R. Otto’s philosophy of religion”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 38–52, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-38-52

Введение

Проблемы философии религии разрабатываются С.Л. Франком в первой половине XX в. Это время наполнено религиозно-философскими дискуссиями о «священном», структуре мистического опыта, поисками универсального религиозного сознания. Данная проблематика обнаруживается и в творчестве С.Л. Франка, развивающего мысль в критическом диалоге с современными ему идеями. Проясняя специфику религиозного опыта, философ

обращается к схожим интуициям других мыслителей, пересматривает их идеи, встраивая в собственную систему. Так в творчестве С.Л. Франка обнаруживаются взгляды, сопоставимые с идеями М. Бубера, Р. Маретта, Фр. Хайлера. Особая роль в формировании концепции Святыни у С.Л. Франка отводится работе по феноменологии религии Р. Отто «Священное».

В труде «Непостижимое» Франк ищет понятие, подходящее для именованной божественной реальности и анализа религиозного опыта. Философ признает точность образованного Рудольфом Отто понятия “das Numinose” и находит аналог «нуминозного» в русском языке: «Святыня», «Божественное» или «Божество»¹. Кроме того, в работах С.Л. Франка появляются и другие понятия из «Священного» Р. Отто, в том числе момент «нуминозного» “mysterium tremendum”, который сам С.Л. Франк переводит как «тайна, возбуждающая трепет»².

Встреча с божественной реальностью сопровождается переживанием глубочайшего почтения и радости, сливающихся в чувстве благоговения – единства трепета и любви³. Для прояснения этого опыта С.Л. Франк неоднократно обращается к феноменологии «священного» Р. Отто, определяя религиозное чувство как сочетание “mysterium tremendum” и “mysterium fascinosum”⁴. Выводится формула, представляющая синтез двух таинств и соответствующая схеме религиозного переживания у Р. Отто как контраст-гармонии “mysterium tremendum” и “mysterium fascinans”⁵. Эту двойственность переживания С.Л. Франк называет «единство тайны страха и вражды с тайной любви»⁶.

В статье исследуются представления С.Л. Франка и Р. Отто о сущности религиозного переживания “mysterium tremendum”. Для его раскрытия уместно выявить понятийные особенности и рассмотреть характерные черты составляющих общее чувство переживаний “mysterium” и “tremendum” в соответствии со схемой Р. Отто и С.Л. Франка, а также проследить развитие чувства “mysterium tremendum” у обоих мыслителей.

¹ Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. С. 450.

² Там же. С. 365.

³ Франк С.Л. С нами Бог / Сост. и предисл. А.С. Филоненко. М.: АСТ, 2003. С. 469–470.

⁴ См., например: Франк С.Л. Непостижимое. С. 401.

⁵ Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 58.

⁶ Франк С.Л. Непостижимое. С. 368.

*Божество как “mysterium”,
Тайна, «совершенно иное»*

Опыт “mysterium” раскрывается Р. Отто как составной момент чувства “mysterium tremendum”. “Mysterium” по аналогии из естественного чувства обозначается как «тайнство», «тайна». В оппозиции к нему стоит тварное, знакомое, понятное. “Mysterium” в отрыве от “tremendum” (опыта ужаса, содрогания) Р. Отто называет “mirum” (чудо) и прибегает к философской рефлексии для его осмысления. На разных ступенях, считает феноменолог, “mirum” проявляется как изумительное или непостижимое, парадокс и антиномия. Поначалу “mirum” вызывает изумление, ступор и в качестве «совершенно иного» (“Ganz Andere”) проявляется как непостижимое, несхватываемое, «совершенно чуждое и чужое нашей природе и сущности»⁷. В таком виде он ускользает от понимания в понятиях и предстает как парадоксальное. И, наконец, кажется антиномическим – в таком качестве “mirum” оказывается чуждым разуму⁸. Именно момент «совершенно иного» привносит логику coincidentia oppositorum в мышление о божественном, полагает Р. Отто.

Обратимся к сопоставлению момента “mysterium” с опытом «Тайны» и «совершенно иного» у С.Л. Франка. Опыт «тайны» и «инаковости» Божества появляется у С.Л. Франка уже в тексте «Первой философии», считающейся подготовительными набросками Франка к «Непостижимому». Божество в опыте изначально выступает как «Бездонность», «бездна», «тайна» (гл. IV)⁹. И далее (гл. V), ссылаясь на М. Экхарта и Я. Бёме, С.Л. Франк сравнивает Бога Отца с бездонным бытием, молчанием, тайной¹⁰. Кроме того, в «Первой философии» абсолютная реальность противопоставляется «земному» и всему известному (гл. III)¹¹. Инаковость Бога проявляется в его трансцендентности; для ее раскрытия С.Л. Франк использует ассоциации, связанные с пространством: «извне», «издалека», «запредельное» (гл. LXIX)¹². Позднее эти идеи получают свое развитие в «Непостижимом».

⁷ Отто Р. Священное. С. 163.

⁸ Там же. С. 50–51.

⁹ Франк С.Л. [Размышления. Первая философия] // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Публ. и коммент. Г.Е. Аляева и Т.Н. Резвых; пер. с нем. Т.Н. Резвых; под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Там же. С. 46.

¹² Там же. С. 116.

В философии религии С.Л. Франка такие понятия, как «тайна», «таинство», «скрытое», «незнакомое», связаны с категорией «непостижимое»; противопоставляются ему – «привычное», «ясное» и др. Опыт непостижимого переживается как восторг, изумление, блаженство или ужас. Познавательное прояснение мира делает его более знакомым, устраняя из него моменты таинственности. Непостижимое, полагает С.Л. Франк, дается в непосредственном созерцании. При том, что его содержание не может быть раскрыто, совершенно ясно постигается сам факт его непостижимого присутствия. С.Л. Франк называет феномен отчетливой данности непостижимого «явной, светло озаренной, видимой тайной»¹³. Так и в религиозном откровении сообщается опыт присутствия Божества. Содержанием такого откровения выступает часто довольно смутное указание на источник откровения¹⁴. Существо Божества остается при этом непостижимым и открывается в таком же качестве – как бескрайняя неизъяснимая полнота. При этом из-за отсутствия различий в Боге, сообщая о своем присутствии, он открывает и свое существо.

Рассматривая конституирующее религиозный опыт ощущение инаковости Божества, С.Л. Франк ссылается на Р. Отто и вводит понятие «совершенно иное» (“*der ganz Andere*”)¹⁵. Если Р. Отто в прояснении совершенной инаковости «нуминозного» сосредотачивается в основном на описании схематизирующих аналогий и на примерах, подтверждающих наличие схожих переживаний, претендующих на всеобщность, то С.Л. Франк приводит подробное объяснение инаковости Божества в соответствии с принципом совпадения противоположностей [Антонов 2009, с. 82].

Как возможно осмысление совершенной инаковости Божества? С.Л. Франк ищет особый род инаковости, не ставящий Божество в сравнение с сущим и не подчиняющий какому-либо роду – оно иное к самой инаковости. Совершенная инаковость Божества трансрациональна, логически неопределима. Единственный способ быть абсолютно иным всему – возвышаться над оппозицией инаковость–неинаковость. Таким образом, Божество является иным и не-иным к остальному. При всей инаковости божественная первоальность оказывается родственным всему остальному: «глубочайшая, радикальная инаковость сочетается здесь с глубочайшим, интимнейшим внутренним средством или сходством»¹⁶. Однако и подобное антиномичное представление передает отношение Боже-

¹³ Франк С.Л. Непостижимое. С. 231.

¹⁴ Там же. С. 476.

¹⁵ Там же. С. 461.

¹⁶ Там же. С. 462.

ства к иному только приблизительно. Р. Отто момент инаковости (dissimile) относит к иррациональному в идее Божества, однако подобие (simile), напротив, склонен считать рационализированной стороной «священного»¹⁷.

Разумеется, сравнение Божества и иного ему у С.Л. Франка не основано на сопоставлении каких-либо черт, ведь Божество, воспринимаящееся как единство, их не имеет. Переживание Божества как совершенно иного сопровождается переживанием его вездесущего присутствия. Отношение между сущим и Божеством – как отношение символа к им символизирующему. Так непостижимое Божество сообщает себя через конкретное сущее как его первооснова. Наблюдается иерархия, в которой человеческое духовное бытие ближе к Божеству (а значит, точнее символизирует Божество), чем материальное, предметное.

Продолжая рассуждать о совершенной инаковости Божества, Франк замечает, что его парадоксальность наследует и вся религиозная жизнь, противопоставленная утилитарному, разумному существованию в мире. В опыте Бога и реальности вообще открывается сущностная парадоксальность Божества и противоестественность в противопоставлении земному и разумному¹⁸.

Категория “mysterium”, таинственность «нуминозного» имеет ключевое значение для феноменологии Р. Отто. Опыт тайны служит определяющей чертой религиозного опыта у Р. Отто, замечает М.А. Пылаев [Пылаев 2012, с. 49], и, не будет преувеличением, основанием для религии. Так же у С.Л. Франка – откровение непостижимого происходит повсюду: в предметном познании, в общении с другим человеком, в социальной жизни, а конкретное откровение непостижимого – символ откровения непостижимости Божества. Следовательно, откровение тайны в различных сферах бытия всегда имеет отношение к религиозному опыту [Антонов 2009, с. 82]. Для С.Л. Франка переживание непостижимости, таинственности реальности также становится свидетельством опыта как религиозного, а само Непостижимое как первооснова пронизывает все слои бытия и открывается именно в непостижимости, и непостижимость составляет существо Божества. Таким образом, Тайна – содержание религиозного опыта. С этой точки зрения, Непостижимое – аналог “mysterium” Р. Отто, рассмотренный в онтологической значимости. С.Л. Франк будто бы не удовлетворяется некоторой бесосновностью религиозного опыта с точки зрения феноменологии.

¹⁷ *Отто Р.* Священное. С. 46–47.

¹⁸ *Франк С.Л.* Непостижимое С. 489–499.

Опыт “*mysterium tremendum*”

Опыт “*mysterium*” синтетически связан с предикатом “*tremendum*”. Вместе эти моменты «нуминозного» составляют объект религиозного опыта “*mysterium tremendum*” – «заставляющее таинство трепетать»¹⁹. Момент “*tremendum*” проясняется Р. Отто через естественный аффект страха (тремор), однако страх – аналогия, приводящая к настоящему религиозному переживанию. “*Tremendum*” иррационально и связано с непредставимой человеческим разумением силой. Р. Отто раскрывает это переживание как «испуг, полный внутреннего ужаса»²⁰, причиной которого не может стать тварное существо: в вызывающем «нуминозный» ужас присутствует чуждость известному миру. Религиозное чувство “*tremendum*” проходит развитие от грубых форм первичного ощущения жути и демонического ужаса до религиозного ужаса, приходящего наконец к высшей ступени чувства, благоговейному трепету²¹.

Описание переживаний, схожих с опытом момента “*tremendum*”, появляется у С.Л. Франка также в тексте «Первой философии». С очевидностью, считает С.Л. Франк, Бог проявляет себя в опыте, вызывающем «космическое чувство»²²: в опыте бесконечности пространства и времени, бушующей природы, где Божество предстает как «всеединство живой силы», обнаруживая свои «грозные, суровые, тяжкие» стороны²³. Внутренний состав опыта космического чувства связан с человеческими страстями, яростью. В этом моменте религиозный опыт у С.Л. Франка схож с переживанием божества как гневной, яростной, иррациональной «скрытой природной силы» у Р. Отто²⁴. Однако, как мы предположим далее, интуиции С.Л. Франка в «Первой философии» едва ли связаны с влиянием Р. Отто. Сам Франк описывает божественную реальность в этом аспекте как раздробленную и борющуюся, сравнивая ее с проявлением воли у Шопенгауэра.

Другая область бытия, обнаруживающая в себе присутствие Бога как основы, считает С.Л. Франк, – человеческий дух. При углублении в духовное основание реальности Бог и мир примиряются, человек находит покой, прочную основу бытия. Человека, не углубляющегося в духовную основу своего бытия, ожидает «ад

¹⁹ *Отто Р.* Священное. С. 22.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Там же. С. 25.

²² *Франк С.Л.* [Размышления. Первая философия]. С. 53.

²³ Там же. С. 59.

²⁴ *Отто Р.* Священное. С. 31–32.

неудовлетворенного горения»²⁵. С.Л. Франк связывает грозную, вызывающую ужас сторону Бога с его воздействием на греховную человеческую душу, с ситуациями отпадения человека от Бога. Франком раскрываются подробности перехода религиозного опыта от ужаса перед Божеством к блаженству. Всеобъемлющее и неизмеримое, Божество изначально предстает в опыте как холодное и темное, ужасающее, приводящее в оцепенение. Человек, пишет С.Л. Франк, испытывает перед ним ужас гибели²⁶. Затем, поскольку божественная реальность представляет собой всеединство, в котором не происходит уничтожения, и каждая вещь присутствует в своей индивидуальности, человек испытывает радость, любовь (как живое слияние) и благодарность²⁷. Под действием любви страх преобразуется в благоговение, в котором С.Л. Франк видит основу религиозности.

Во вступительной статье к «Первой философии» исследователи убедительно показывают, что идеи о присутствии в Боге любви и гнева из «Первой философии» отсылают к Я. Бёме [Аляев, Резвых 2017, с. 26–27]. В «Непостижимом» философ также обращается к Бёме, рассматривая зло как некоторое отражение реальности Бога²⁸. Вероятно, еще в «Первой философии», рассматривая гневную и любящую стороны Божества, С.Л. Франк намечает двойственность опыта, которую в «Непостижимом», вслед за Р. Отто, назовет двуединством “mysterium tremendum” и “mysterium fascinosum”. Очевидно, в своем ключевом труде Франк заимствует терминологию из «Священного», однако связывать происхождение самой идеи двойственности страха и любви с Рудольфом Отто кажется необоснованным.

Недавно опубликованные материалы С.Л. Франка, в которых упоминается Р. Отто и категории из «Священного», – конспекты лекций «Философия религии». В конспекте к первой лекции С.Л. Франком упоминается Р. Отто и моменты “mysterium”, “tremendum” и “fascinosum”²⁹. И далее, в конспекте к четвертой лекции Франк приводит основные моменты религиозного опыта – моменты тайны, страха и восторга³⁰, что соответствует общей схеме религиозного переживания Р. Отто. Момент тайны Франк связывает с не-

²⁵ Франк С.Л. [Размышления. Первая философия]. С. 68.

²⁶ Там же. С. 51.

²⁷ Там же.

²⁸ Франк С.Л. Непостижимое. С. 545.

²⁹ Франк С.Л. [Лекции по философии религии] // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 104–105, 110.

³⁰ Там же. С. 110.

постижимым как таковым и добавляет, что тайна «всегда связана с чувством страха»³¹. Проясняя момент страха, С.Л. Франк ссылается на Р. Отто и вводит момент “mysterium tremendum”. Важными для С.Л. Франка оказываются также могущество и власть, характерные для объекта религиозного переживания, которые обозначаются Р. Отто как момент “majestas”, на что обращают внимание исследователи³². Момент сладости и восторга связывается Франком с “mysterium fascinosum”. Все три момента религиозного переживания соединяются в благоговении. Также обратим внимание на то, что

...из всего многообразия «моментов нуминозного», о которых пишет Отто, Франк выбирает только два образующих основную противоположность (“misterium tremendum” и “misterium fascinans”) [Антонов, Резвых 2023, с. 98].

Точная дата написания С.Л. Франком конспектов к лекциям неизвестна. Исследователи полагают, что, С.Л. Франк мог читать курс в период между 1927 и 1933 гг. [Антонов, Резвых 2023, с. 98]. При этом в заметках о «Первой философии» (осень 1928 г. – ноябрь 1933 г.) ссылки на Р. Отто и терминология из «Священного» отсутствуют. Таким образом, можно сделать вывод о том, что философ в личных заметках не упоминает о Р. Отто, но в курсе лекций, прочитанном, предположительно, в тот же период времени, ссылается на него. На отсутствие явной связи с идеями феноменолога религии обращают внимание и исследователи: «...в “Первой философии” терминология Отто в явном виде не фигурирует» [Антонов, Резвых 2023, с. 98]. Также добавим, что в «Первой философии» прямое влияние Отто, как кажется, вообще не прослеживается.

Обратимся к более позднему периоду творчества С.Л. Франка.

В «Непостижимом» С.Л. Франк сравнивает опыт божественного с опытом встречи с другой личностью («ты»). Другое человеческое бытие называется С.Л. Франком «чужим», «чужой душой»³³, «что-то чужое»³⁴, жутко-таинственное, страшное в своей непостижимости «не-я». Кроме того, другой вызывает ужас, поскольку представляет угрозу самости «я». Несмотря на чуждость и инаковость, другая личность подобна «я» и, значит, претендует на роль настоящего «я». Реальность другого являет себя как непостижимое, поэтому человек переживает ее как нечто данное смутно, чуждое, жуткое, на границе с «он». Или, С.Л. Франк ссылается здесь на «Священное» Рудольфа

³¹ Франк С.Л. [Лекции по философии религии]. С. 110.

³² См. [Антонов, Резвых 2023, с. 110], сноска 36.

³³ Франк С.Л. Непостижимое. С. 351.

³⁴ Там же. С. 365.

Отто: «ты» предстает как “mysterium tremendum” – «тайна, возбуждающая трепет»³⁵. При этом учитывается двойственность отношения к другому – как к образу непостижимой тайны и пугающему иному. Позднее Франк приходит к формуле Р. Отто, включающей двойственность переживания – “mysterium tremendum” с “mysterium fascinosum”³⁶ – единство страха и вражды с тайной любви³⁷.

В социальных отношениях «я-мы» момент мистического “tremendum” возникает, когда безличная фигура «мы» подавляет субъекта своей значительностью. Ее мощь проявляется в ощущении всеохватности и непоколебимости законов, могущества политической власти, беспелляционности социальных запретов. Субъект воспринимает социальное как управляющее им, навязанное и ограничивающее. Социальное и историческое бытие из-за иррационального и жуткого в их опыте С.Л. Франк называет «космическим началом в составе человеческой жизни»³⁸.

Таким образом,

...Франк обнаруживает, что ее (субъективности. – Н. Б.) конституирование осуществляется в ряде отношений, типологически аналогичных (по структуре формирующих их переживаний) религиозному отношению, как оно было представлено Р. Отто [Антонов 2009, с. 73].

С.Л. Франк связывает переживание ужаса с небытием – с конечностью человеческого существования, однако этот ужас преодолевается в Боге, «совместно с Богом»³⁹. Божество как «Ты» ассоциируется С.Л. Франком с нахождением опоры, утешением, спокойствием. Расширяя двойственность отношения на божественную реальность, С.Л. Франк пишет о благоговейном трепете перед бытием при трансцендировании вовнутрь, в духовную область. Бытие здесь также предстает как единство “mysterium tremendum” и “mysterium fascinosum”. В соответствии с принципом антиномистического монодуализма Франком выводится формула:

...этому трансрациональному витанию соответствует с психологической стороны – в конкретном опыте благочестия – мистическое чувство благоговения, в котором и сохранена, и преодолена противоположность между любовью и страхом, доверием и трепетом⁴⁰.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 366.

³⁷ Там же. С. 368.

³⁸ Там же. С. 383.

³⁹ Там же. С. 474.

⁴⁰ Там же. С. 488.

Категории из «Священного» представляют в «Непостижимом» действительный, отражающийся в опыте характер чужой субъективности и первоосновы реальности – непостижимо-таинственной, ужасающей своей хаотичностью, утешающей родственностью человеку. Категория “mysterium tremendum” связана с важным для С.Л. Франка понятием «откровение» [Антонов, Резвых 2023, с. 97]. Философ четыре раза прибегает к категории Р. Отто для описания реальности, открывающейся при трансцендировании к другой субъективности и во внутреннее духовное бытие. В «Священном» «нуминозное» чувство – не столько переживание, сколько особое интуитивное познание [Пылаев 2012, с. 61], оценка в соответствии с априорными категориями. Работу Р. Отто можно условно разделить на дескриптивную часть и философское обоснование происхождения «нуминозного» чувства. Поскольку, как замечает М.А. Пылаев [Пылаев 2012, с. 91–93], эти части «Священного» идейно практически не сообщаются и даже противоречат друг другу, С.Л. Франк перенимает категории только из описательной части работы Р. Отто и включает в свою систему.

В своих поздних трудах С.Л. Франк вновь обращается к терминологии Р. Отто. Так в работе «С нами Бог» С.Л. Франк ссылается на Р. Отто⁴¹ и описывает религиозное чувство как сочетание “mysterium tremendum” и “mysterium fascinans”, которое переживается как благоговение: «неразделимое единство трепета преклонения – чего-то подобного страху, но совсем не тождественного ему – и блаженства любви и восхищения»⁴². В заключительной работе «Реальность и человек» находим ссылку на Р. Отто и понятие “das Numinose”, которым, полагает Франк, можно обозначить «Бога» как некий неопределенный предмет поклонения. Также Франк подчеркивает значимость чувства страха как основного специфически религиозного чувства, характерного для всех религий⁴³.

Восхождение религиозного чувства

В «Непостижимом» можно найти аналог “tremendum” на ранних этапах развития религиозного чувства, которые выделяет Р. Отто, т. е. ощущение жути и демонический ужас. С.Л. Франк описывает окружающую действительность как принуждающее, вторгающееся и часто враждебное бытие. В этом случае переживание мира связа-

⁴¹ Франк С.Л. С нами Бог. С. 470.

⁴² Там же.

⁴³ Франк С.Л. Реальность и человек. С. 299.

но с его чуждостью и неясностью, насильственной и навязанной человеку реальностью. Ужасающее в человеческом бытии, неясность для человека собственной субъективности и Божества сообщаются именно мировым началом как единством фактического и безличного. При этом, будучи внутренне осмысленным через связь с Богом, мир остается непонятен, но и становится одновременно «непостижимо-чудесен»⁴⁴. С.Л. Франк отмечает правильность исторических представлений о мире как единстве и гармонии космоса и одновременно жутком месте, наполненном «демоническими силами»⁴⁵. Второе воззрение на мир верно, поскольку, считает С.Л. Франк, тот безразличен внутренним глубинам человека, где обнаруживается различие добра и зла⁴⁶. Безразличное к разделению добра и зла мирское, материальное само в себе оказывается темным и жутким. Более того, мир больше склоняется в сторону зла и неправды, поскольку становится на пути отношения с Богом.

Другая область реальности, встреча с которой вызывает ощущение жути, – темное трансцендентное⁴⁷. Из-за своей трансцендентности она кажется человеку осмысляющей основой реальности, подобно Святыне. С.Л. Франк противопоставляет ее истинному Святому и описывает как обманывающего, опасного злого духа. Добровольно повинувшись темной силе, человек испытывает чувство жути. Несмотря на то что обе трансцендентные реальности переживаются как опыт встречи с трансцендентной духовной реальностью и представляют один способ бытия, различие между ними сущностное, как между разными действующими лицами.

Таким образом, демонические формы мистического опыта у С.Л. Франка характерны переживанию темного трансцендентного и мира в его отлученности от божественной первоосновы.

В «Непостижимом» религиозные переживания различаются в зависимости от того, какая сторона Божества открывается человеку. Так переживается опыт жути пред темным трансцендентным или хаосом мира, ужас перед Другим, трепет перед Богом.

Переживание благоговейного или мистического трепета С.Л. Франк связывает с опытом Божества – как «несказанный метафизический трепет»⁴⁸, «невыразимый трепет»⁴⁹. Негативные переживания (страх, потрясение, ужас) в «Непостижимом»

⁴⁴ Франк С.Л. Непостижимое. С. 515.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 513–516.

⁴⁷ Там же. С. 399–400, 405–406.

⁴⁸ Там же. С. 487.

⁴⁹ Там же. С. 545.

С.Л. Франк, напротив, относит, скорее, к безличной стороне Божества, выражающейся в основном предметной действительностью. К проявлениям грозного в Божестве относятся не только его гневная и темная стороны, но и все непостижимое, неясное и страшное в нем: «...в непостижимом и бесконечном легко и заплутаться; в своем непосредственном аспекте оно есть темная бездна, перед которой мы стоим в беспомощном недоумении»⁵⁰. Напротив, личностное в Божестве связано с опытом любви, доверия, утешения.

Представляется, что для С.Л. Франка ключевое значение имеет именно распознавание Бога во всяком опыте реальности и обращение к Богу как к «Ты» – обнаружение родства Бога с человеком, чтобы вместо угрожающей безличной силы Бог явил себя как Личность. Таким образом, полагает К.М. Антонов,

...вступая в личное отношение к Богу, человек глубже проникает в Его существо, чем при постижении Его как безличного Абсолюта или иррациональной Силы [Антонов 2009, с. 86].

Следовательно, у С.Л. Франка имеет место некое восхождение религиозного чувства, только не в историческом плане, как у Р. Отто, а в онтологической значимости. Ужас у С.Л. Франка предшествует как обыденное восприятие в своего рода естественной установке, т. е. не религиозной, ограничивающейся предметной действительностью, духовным бытием субъекта и социальным бытием, рассмотренными в отрыве от Бога. Будто спокойствие, исходящее от Бога, проходя сквозь различные слои бытия, утихает, отдаляясь от божественной реальности. Словно чем дальше человек от Бога в собственном смысле, тем ужаснее представляется для него мир – как нечто демоническое, беспорядочное, чужое. Однако в религиозном отношении действительность, изначально «безличная, «грозная поглотить “бездна”»⁵¹, преобразуется. Онтологически более истинная форма восприятия первоосновы, как представляется, связана с опытом утешения.

Заключение

Уместно провести параллель между опытом “*mysterium tremendum*” у Р. Отто и опытом непостижимого ужаса, тайной страха и вражды у С.Л. Франка. Божество в рассмотренных трудах С.Л. Франка

⁵⁰ Франк С.Л. Непостижимое. С. 435.

⁵¹ Там же. С. 486.

являет себя в схожих качествах и аналогичных переживаниях, что и «нуминозное» в «Священном» Р. Отто. Вероятно, описанный Р. Отто опыт божественного лишь подтверждает представления С.Л. Франка об устрашающей, темной стороне Бога, выступающей противоположностью божественной любви, а также о диалектическом составе реальности и совпадении противоположностей в Божестве. Именно эти идеи позволяют С.Л. Франку описывать религиозный опыт, прибегая к модели «священного», предложенной Р. Отто. Как мы убедились, С.Л. Франк неоднократно ссылается на Р. Отто и заимствует категории феноменологии «священного». Таким образом, работа «Священное» Р. Отто могла послужить для С.Л. Франка ориентиром, схематизирующим и проясняющим опыт божественного. В своих работах С.Л. Франк перерабатывает и онтологизирует категории Р. Отто. Отметим также, что категория “mysterium tremendum” не становится ключевой для системы Франка, как, например, «непостижимое» или «откровение». Применение Франком категории “mysterium tremendum” ограничивается иллюстрацией опыта при трансцендировании, однако переживания, аналогичные “mysterium tremendum”, встречаются в «Непостижимом» С.Л. Франка при описании откровения в различных областях реальности.

Источники

- Отто Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Пер. с нем. А.М. Руткевича. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. 272 с.
- Франк С.Л.* Непостижимое // Франк С.Л. Соч. М.: Правда, 1990. 607 с.
- Франк С.Л.* Реальность и человек / Сост. П.В. Алексеев; примеч. Р.К. Медведевой. М.: Республика, 1997. 479 с.
- Франк С.Л.* С нами Бог / Сост. и предисл. А.С. Филоненко. М.: АСТ, 2003. 750 с.
- Франк С.Л.* [Размышления. Первая философия] // Исследования по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Публ. и коммент. Г.Е. Аляева и Т.Н. Резвых; пер. с нем. Т.Н. Резвых; под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 39–134.
- Франк С.Л.* [Лекции по философии религии] // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 103–111.

Литература

- Аляев, Резвых 2017 – *Аляев Г.Е., Резвых Т.Н.* «Первая философия» Семена Франка, или Прологомены к книге «Непостижимое» (1928–1933) // Исследования

- по истории русской мысли [13]: Ежегодник за 2016–2017 годы / Под ред. М.А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2017. С. 7–134.
- Антонов 2009 – Антонов К.М. Проблемы философии религии в «Непостижимом» С.Л. Франка // Вестн. ПСТГУ. Сер. I «Богословие. Философия. Религиоведение». 2009. Вып. 2 (26). С. 72–92.
- Антонов, Резвых 2023 – Антонов К.М., Резвых Т.Н. Лекции С.Л. Франка «Философия религии» и “Religionsphilosophie”: аудитория, идеи, контекст // Отечественная философия. 2023. Т. 1. № 2. С. 93–120.
- Пылаев 2012 – Пылаев М.А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и континентальной философии XX века: Дис. ... д-ра филос. наук. М., 2012. 277 с.

References

- Alyaeu, G.E. and Rezykh, T.N. (2017), “Semyon Frank’s ‘First Philosophy’, or prolegomena to the book ‘The Unknowable’”, Kolerov, M.A. (ed.), *Issledovaniya po istorii russkoi mysli [13]: Ezhegodnik za 2016–2017 gody* [Studies in the History of Russian Thought [13]. Yearbook for 2016–2017 years], Modest Kolerov, Moscow, Russia, pp. 7–38.
- Antonov, K.M. (2009), “Problems of the philosophy of religion in ‘The Inconceivable’ by S.L. Frank”, *St. Tikhon’s University Review. Series I: Theology, Philosophy, Religious Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 72–92.
- Antonov, K.M. and Rezykh, T.N. (2023), “S.L. Frank’s Lectures ‘Philosophy of Religion’ and ‘Religionsphilosophie’: Their Audience, Ideas and Context”, *National Philosophy*, vol. 1, no. 2, pp. 93–120.
- Pylaev, M.A. (2012), *The Category of the Sacred in Phenomenology of religion, Theology and Philosophy in the 20th century*, D Sc. Thesis, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья А. Беляева, аспирантка, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; nataly.1996@yandex.ru

Information about the author

Natalia A. Belyaeva, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; nataly.1996@yandex.ru

Феноменология детской речи М. Мерло-Понти Часть первая

Елена В. Вечернина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, e_vechernina@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному аспекту философского наследия М. Мерло-Понти – проблематике раннего речевого онтогенеза и возможности применения феноменологии для анализа детской речи. Данный текст предваряет публикацию фрагмента материалов лекционного курса М. Мерло-Понти, который он читал в Сорбонне в 1949–1952 гг. (опубликованы в сборнике «Психология и педагогика ребенка. Лекции в Сорбонне 1949–1952 гг.» 2001 г., не переводились на русский язык). В статье кратко представлены исторический и философский контекст исследований детской речи, который сложился к середине XX в., когда Мерло-Понти обратился к этой теме, общие характеристики и краткое изложение основных моментов данного курса, особенности его подхода к раннему речевому развитию и развитию ребенка в целом с точки зрения феноменологии, психологии, лингвистики и смежных дисциплин, интересующихся данной тематикой. Автор предпринимает попытку выделить философскую специфику исследуемого источника, а также предположить, какое место это исследовательское направление Мерло-Понти может занять в актуальном поле феноменологии и лингвистики детства, с одной стороны, и в рецепции наследия Мерло-Понти – с другой.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика, феноменология, Мерло-Понти, освоение языка ребенком, речевое развитие, ранний речевой онтогенез

Для цитирования: Вечернина Е.В. Феноменология детской речи М. Мерло-Понти. Часть первая. Приложение: Мерло-Понти М. Сознание и освоение языка (фрагмент) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 53–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-53-73

M. Merleau-Ponty's
phenomenology of children's speech
Part one

Elena V. Vechernina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e_vechernina@mail.ru*

Abstract. The article deals with a little-known aspect of the philosophical heritage of M. Merleau-Ponty – the issues of the early speech ontogenesis and the possibility of using phenomenology to analyze children's speech. The text precedes the publication of a fragment of materials from the lecture course by M. Merleau-Ponty, which he read at the Sorbonne in 1949–1952 (published in the collection “Psychology and Pedagogy of the Child. Lectures at the Sorbonne 1949–1952” 2001, not translated into Russian language). The article briefly presents the historical and philosophical context of studies of child language, which was formed by the middle of 20th century, when Merleau-Ponty turned to that topic, general characteristics and a summary of the main points of his lecture course, features of his approach to early language development and the development of a child as a whole from the point of view of phenomenology, psychology, linguistics and other related to the subject disciplines. The author makes an attempt to highlight the philosophical specifics of the source under study, as well as to suggest what place such Merleau-Ponty research direction might take in the current field of phenomenology and linguistics of childhood, on the one hand, and in the reception of Merleau-Ponty's legacy, on the other.

Keywords: child language, ontolinguistics, phenomenology, Merleau-Ponty, language acquisition by the child, language development, early ontogenesis of speech

For citation: Vechernina, E.V. (2024), “M. Merleau-Ponty's phenomenology of children's speech, part one”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 53–73, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-53-73

Введение. История исследований детской речи

В XX в. философия всерьез заинтересовалась вопросами языка, что с определенного момента принято связывать с более масштабной тенденцией, так называемым лингвистическим поворотом. Взаимный интерес дисциплин, «обратившихся к языку», привел к появлению ряда новых направлений исследования. Одним из них является онтолингвистика, или изучение онтогенеза речи и детской речи. Сегодня наглядный процесс становления

языка у отдельного индивида, исследование и анализ этих процессов у множества людей с помощью современного программного обеспечения, как это делает, например, CHILDES¹, могут не только прояснить вопросы исторического речевого онтогенеза человека, но и способствовать развитию педагогических или коррекционных речевых и языковых методик.

Для того чтобы получить представление о контексте исследований освоения языка ребенком у М. Мерло-Понти, попробуем кратко и обзорно рассмотреть историю изучения детской речи. До XIX в. в науке преобладало представление (основанное еще на философии Г.В. Лейбница), что ребенок – это «маленький взрослый», а душевный мир ребенка аналогичен душевному миру взрослого. Даже в начале XIX в. изучение поведения ребенка считалось делом литературы или поэзии, а не науки [Shuttleworth 2005, p. 143]. Одним из первых, кто попытался исследовать развитие речи ребенка с помощью научного наблюдения, был Д. Тидеманн (1787): известны несистематичные дневниковые записи речи его сына. Началом научных исследований в этой области обычно считают середину XIX в, когда немецкие и австрийские физиологи начали исследовать развитие произношения у детей: Бертольд Сигизмунд (1856), Адольф Куссмауль (1859) и Карл Фирорт (1879) вышли за рамки физиологии и показали формирование звуковой стороны речи ребенка. Феномен детской речи привлекал специалистов различных областей: медицины, философии, психологии и педагогики, поэтов и писателей.

По мнению лингвиста Д. Ингрэма², историю освоения языка ребенком можно условно разделить на три периода относительно методик исследования:

- 1) с 1876 по 1926 г.;
- 2) с 1926 по 1957 г.;
- 3) с 1957 г. до настоящего времени.

На начальном этапе исследователи обычно вели записи речи и развития своих детей в форме дневников. Философ, психолог и историк Ипполит Тэн опубликовал записи речи своей дочери в журнале “Mind” в 1877 г. В следующем номере этого журнала Ч. Дарвин опубликовал записи речи своего сына, что повлекло за

¹ CHILDES (Child Language Data Exchange System) – международный корпус исследований детской речи, содержащий записи данных детской речи более чем на 40 языках, а также соответствующее ПО для анализа данных в открытом доступе.

² *Ingram D. First Language Acquisition: Method, Description and Explanation. Cambridge Univ. Press, 1989. P. 7.*

собой распространение так называемых детских биографий как жанра. Немецкий физиолог Вильям (Уильям) Прейер издал книгу «Душа ребенка» в 1882 г. В США Г. Стэнли Холл также представил дневник детской речи в 1894 г. и основал журнал, в котором публиковались последующие дневники. В 1907 г. вышла книга «Язык детей», в которой супруги Клара и Вильям (Уильям) Штерн представили анализ записей речи своих двоих детей; сейчас В. Штерн считается одним из основателей прикладной психологии. Первым лингвистом, обратившимся к исследованию детской речи, стал Антуан Грегуар (1937). В 40-х гг. вышла работа немецкого лингвиста, жившего в США, В. Леопольда – «Речевое развитие ребенка-билингва» – в четырех томах. Помимо этого, В. Леопольд не только собрал воедино, но и впервые проанализировал другие существующие исследования детской речи в Европе и США³. Записи речи своих пяти детей также вели И.А. Бодуэн де Куртенэ и другие исследователи.

Цель подавляющего большинства этих работ была описательной. То есть биографии в основном были сосредоточены на представлении очередности фактов освоения языка, а не на теоретическом аспекте этого процесса⁴.

Подробный обзор работ этого и других периодов можно найти у Ингрэма (прежде всего англоязычных).

В России детские биографии представлены работами И.А. Сикорского «Душа ребенка» (1880), Н.А. Рыбникова «Язык ребенка» (1926), который собрал и стремился обобщить материалы других дневников. Книга К.И. Чуковского «От двух до пяти» (1928) популяризовала интерес к детской речи, демонстрируя поэтичность детского «словотворчества». Подробные дневниковые записи представляют ценный материал для исследования и сейчас. Более полный обзор российских исследований можно найти, например, у М.Р. Львова⁵.

В 1926 г. в США М. Смит опубликовал статью, в которой описал и проанализировал развитие словарного запаса и структуры предложения у 273 детей от восьми месяцев до шести лет. При-

³ См.: *Leopold W.F. Bibliography of Child Language*. Evanston, Illinois, 1952. 297 p. Первая библиография исследований детской речи была представлена в США библиотекарем Л.Н. Уилсоном (*Wilson L.N. Bibliography of Child-Study*. Clark Univ. Press, Pedag. Sem. 5. 1898. P. 541–589).

⁴ *Ingram D.* Op. cit. P. 9.

⁵ *Львов М. Р.* Основы теории речи. М.: Акад., 2000. 248 с.

мерно в то же время в Европе вышла работа Жана Пиаже «Речь и мышление ребенка» (1923), где на основании экспериментов со множеством детей было выдвинуто предположение о том, что овладение языком зависит от общего когнитивного развития ребенка. Таким образом, помимо дневников стал использоваться и новый метод – так называемые кросс-секционные исследования – сопоставление отдельных аспектов языка в образцах речи большого числа разных детей. Данный метод был обусловлен влиянием бихевиоризма: систематическое наблюдение за поведением детей с учетом окружающей их обстановки, описание и анализ большого количества полученного материала, а также применение экспериментальных методов исследования представляли собой попытку переместить исследовательское поле в строго объективную научную реальность. В 1941 г. Р. Якобсон представил методологические основы изучения детской речи в работе «Детский язык, афазия и общие звуковые законы»⁶.

С 1957 г. и до настоящего времени⁷ Ингрэм выделяет период лонгитюдных исследований – это метод записей фрагментов речи ребенка, фиксируемой с заранее определенными временными интервалами, исключающий случайность и фрагментарность, характерную для дневников. Этот метод сочетает в себе два предыдущих: длительное наблюдение за ребенком по мере его развития, а также направленное наблюдение за большим числом детей. Одновременно с этим вышла работа Н. Хомского «Синтаксические структуры» (1957)⁸, подтолкнувшая к дальнейшему изучению врожденных особенностей детской речи, правил, определяющих развитие грамматических и лексических структур. Далее в США и в Европе (прежде всего в Германии) стали распространяться междисциплинарные исследования детской речи с использованием разносторонних методов ее анализа. Это работы области новых экспериментальных наук: психолингвистики, социолингвистики и других, смежных с лингвистикой. Современные работы по детской речи стремятся ко все более комплексному подходу, однако в связи с междисциплинарным статусом и новизной данной области нет об-

⁶ Якобсон Р. О. Детский язык, афазия и общие звуковые законы. Баку: Маариф, 1993. 96 с.

⁷ В связи с активным развитием онтолингвистики, расширением корпусов детской речи и использованием методов компьютерной лингвистики для анализа данных в настоящее время указанная выше периодизация истории изучения детской речи, представленная Ингрэмом в 1989 г., вероятно, может быть дополнена.

⁸ Chomsky N. Syntactic structures. The Hague: Mouton, 1972. 117 p.

щепринятого устоявшегося термина и четких рамок исследований. Сначала формирование речевой деятельности в онтогенезе выделялось в психолингвистику развития (development psycholinguistics), сейчас этому термину соответствует First Language Acquisition (L1 language acquisition, child language) на Западе, а в русскоязычном сообществе – онтолингвистика (освоение или усвоение языка, речевой онтогенез, детская речь, лингвистика детской речи).

Исследования детской речи: теоретический аспект

Теоретическая составляющая исследований детской речи в Европе и США представляла собой продолжение классической оппозиции рационализм–эмпиризм. Вопросы, которыми задавались исследователи, и методы, которые они использовали, различались в зависимости от базовых эпистемологических установок: является ли знание чем-то врожденным или приобретенным. Рационалистическая традиция предполагает наличие врожденных языковых компетенций (нативизм), а эмпирическая исходит из того, что от рождения человек – *tabula rasa* и знание языка определяется эмпирическим опытом, обучением (бихевиоризм).

Ранние исследования детской речи были сосредоточены на описании (прежде всего морфологии и фонемике), но не на объяснении. У ребенка предполагалось наличие некоторой уникальной способности к раскрытию структуры языка из своего языкового окружения, однако едва ли предпринимались масштабные попытки пойти дальше этого предположения⁹. В первой половине XX в. распространяется бихевиоризм, изучающий только внешне измеримое поведение как объективный феномен психики, без учета предполагаемых мыслей и чувств. Измеримое поведение определяется реакцией на измеримый стимул. Основателем бихевиоризма считается Дж.Б. Уотсон, с 1930-х гг. эти идеи развивает Б.Ф. Скиннер, что примерно соответствует первому и второму периодам исследований детской речи по Ингрэму. Соответственно освоение языка ребенком объяснялось в основном реакцией на стимулы внешней среды. У ребенка нет врожденных знаний, кроме некоторых общих способностей, как, например, способность формировать ассоциации¹⁰. Ребенок ассоциирует определенные звуки с определенными

⁹ *Ingram D.* Op. cit. P. 9.

¹⁰ *Skinner B.F.* Verbal behavior. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957. 478 p.

явлениями и имитирует речь взрослых, чтобы получить желаемое. Успешная имитация получает позитивное подкрепление. Мерло-Понти критически представляет данный подход, упоминая в своем курсе Дж.Б. Уотсона, а также И.П. Павлова.

В противоположность бихевиоризму в 50–60-х гг. XX в. набирают популярность нативизм и другие подходы, объясняющие поведение и обучение развитием внутренних психических процессов, когнитивных способностей. Н. Хомский определил целью лингвистики не описание, а объяснение. Он представил теорию универсальной грамматики, в центре которой находится синтаксис, которая объясняла столь быстрое освоение языка маленьким ребенком. С распространением нативизма Хомского целью исследований стала грамматика и то, как ребенок осваивает правила образования предложений. Жан Пиаже выделил стадии развития ребенка и предположил, что освоение языка зависит от общего когнитивного развития. И Хомский, и Пиаже предполагали наличие врожденных структур у ребенка. Однако нативизм Хомского предусматривал, что принципы врожденной грамматики становятся доступны в определенное генетически заложенное время (матурационизм), а Ж. Пиаже считал, что данные структуры меняются, настраиваются друг на друга по мере развития когнитивных способностей; соответственно нужно определить последовательность стадий их развития (конструктивизм). Подход Пиаже рассматривается в курсе Мерло-Понти критически, в нем он усматривает тенденцию к идеализму. В России Л.С. Выготский в критическом рассмотрении идей Пиаже представляет социокультурный подход к развитию ребенка в работе «Мышление и речь» (1934). Подробно все теории освоения языка ребенком описаны у Р.М. Томаса¹¹.

До распространения нативизма Хомского в лингвистике превалировал хорошо знакомый Мерло-Понти структурализм. Социальная (семиотическая) концепция происхождения языка Ф. де Соссюра положила начало структурной лингвистике. Из нее выросло междисциплинарное направление, в котором идеи и методы структурной лингвистики использовались и в других гуманитарных науках, прежде всего в социальных. Структурализм активно развивался во Франции в 50–60 гг. XX в. Мерло-Понти часто цитирует в курсе Лакана, Леви-Стросса; системность и холизм характеризуют его исследования. Мерло-Понти подробно рассматривает и работы структуралистов Пражской школы (Р. Якобсон, Н. Трубецкой). Структурализм «обращается к фигурам ребенка, безумца, дикаря»

¹¹ *Thomas R. M. Comparing theories of child development. 6th ed. Belmont, CA: Thomson/Wadsworth, 2005. 558 p.*

[Dosse 2007, p. 470]. Мерло-Понти критикует Пиаже с отсылками на Соссюра, однако и оставляет несколько ремарок по отношению к идеям Соссюра. В Германии структурализм получил развитие в социальной психологии В. Вундта. Когнитивный подход в психологии обязан своим развитием основателям гештальтпсихологии (1912 г.): М. Вертгеймеру, В. Келеру, и К. Коффке, которым Мерло-Понти симпатизирует. К. Бюлер развивал психологическое направление в лингвистике, считал язык функциональной системой. В США в начале XX в. развивал известную Мерло-Понти теорию рекапитуляции (онтогенез – это сжатое повторение эволюции) Г.Ст. Холл, который учился в том числе у Вундта.

*Психология и педагогика ребенка.
Лекции в Сорбонне 1949–1952 гг.*

Описанные выше теоретические направления отчасти отразились в лекционном курсе, который Мерло-Понти предложил своим слушателям в 1949 г. Публикуемый далее перевод фрагмента этих лекционных материалов, можно надеяться, позволит составить о нем общее впечатление.

Мерло-Понти известен как феноменолог восприятия, философ языка, автор работ о живописи и кинематографе. Вклад Мерло-Понти в феноменологию детства в целом и в дискуссии об освоении языка ребенком в частности не изучен в России. Интересно, что в тот же период, когда Мерло-Понти обращается к феноменологии детского языка, он переживает поворот в иной сфере – политической рефлексии. Об этом также сложно судить отечественному читателю ввиду того, что политические работы Мерло-Понти остаются непереуведенными на русский язык¹². Между тем сам Мерло-Понти рассматривал все сферы его проблематизации как глубоко взаимосвязанные¹³; особенно это заметно в его позднем «топологическом проекте» [Бражникова 2004]. В 1949 г. Мерло-Понти занимает кафедру детской психологии и педагогики в Сорбонне. Его волнуют вопросы языка и его происхождения, которые он надеется прояснить в исследовании становления языка у ребенка. В этот же период растет интерес к теме детства в социокультурном пространстве Европы [Dosse 2018].

¹² *Merleau-Ponty M.* Les Aventures de la dialectique. P.: Gallimard, 1955. 336 p.; *Idem.* Humanisme et terreur. P.: Gallimard, 1947. 212 p.

¹³ *Мерло-Понти М.* Знаки / Пер. с фр. И.С. Вдовина М.: Искусство, 2001. С. 6–43.

Лекции Мерло-Понти в Сорбонне 1949–1952 гг. формально можно отнести ко второму периоду истории изучения детской речи, однако они сочетают в себе обзор дневников и кросс-секционных исследований с обзором достижений, смежных этой области наук: не только лингвистики и психологии, но и философии, антропологии и социологии. Мерло-Понти пытается преодолеть оппозицию рационализм–эмпиризм с помощью феноменологического анализа языка, интегрировать различные подходы (идеи гештальтпсихологии, психоанализа) в некоторое целостное представление о языке, человеке и мире, называя свой подход диалектическим¹⁴; и эта целостность кажется сущностно-важной характеристикой человеческого сознания (и мира), она представлена в мире ребенка, к которому он обращается. Несмотря на то что исходной интуицией Мерло-Понти выступает сущностная целостность детского восприятия и языка, коррелирующая с искомым интегративным подходом, в своей работе он широко пользуется аналитическими инструментами. Подобные междисциплинарный и интегративный подходы характерны для более современных исследований. Можно предположительно говорить о прямом или косвенном влиянии разработок Мерло-Понти на последние. Перевод лекционных материалов М. Мерло-Понти призван, с одной стороны, осветить вклад французской феноменологии в исследования детского логогенеза, с другой – указать на сущностные связи этой проблематики с творчеством известного французского мыслителя.

Заключение

Некоторые исследователи [Манучарова 2012] определяют философию Мерло-Понти как прагматизм, схожий с современным ему американским прагматизмом – с Дж.Г. Мидом. Центральным в его подходе было понятие жеста, в трактовке которого он опирался на исследования В. Вундта. Жест обладает фундаментальным значением и для Мерло-Понти, который также был знаком с Вундтом, но для Мерло-Понти не только жест, но и тело и телесный человеческий опыт в целом – фундаментальное условие для образования значений. Язык же является продолжением тела, воплощением работы сознания, а процесс освоения ребенком родного языка демонстрирует как первичное, целостное восприятие, так и

¹⁴ *Merleau-Ponty M. Psychologie et pédagogie de l'enfant, cours de Sorbonne 1949–1952. Lagrasse: Verdier, 2001. P. 249.*

естественную работу психики по воссозданию воспринимаемых языковых структур в индивидуальном порядке.

В данном курсе Мерло-Понти стремится к воссоединению философии и психологии, которые были отделены друг от друга в начале XX в., он стремится к интегративности в исследовании мира ребенка. Нельзя сказать, что тема детства – что-то отдельное в его работах, образ ребенка – скорее объединяющая метафора: восприятие ребенка синкретично, он открыт, доверяет миру и стремится к диалогу. Данный курс приходится на переходный период между ранними («Структура поведения, Феноменология восприятия») и поздними его работами («Видимое и невидимое», «Око и дух»), от феноменологии к тому, что он назвал «косвенной онтологией», онтологией «плоти мира» (*la Chair du monde*) в незавершенной работе «Видимое и невидимое»¹⁵ – и его последнем опубликованном эссе «Око и дух»¹⁶.

В современных отечественных исследованиях идеи целостности восприятия ребенка и воссоздания языка на индивидуальном уровне можно найти у С.Н. Цейтлин¹⁷, которая ввела термин «онтолингвистика» в 1997 г. и развивает «синергетический» подход [Цейтлин 2019] к исследованию детской речи в России. Однако, насколько возможно судить, феноменологические исследования детской речи у Мерло-Понти не получили резонанса в актуальных работах на русском языке, да и за рубежом упоминаются нечасто. В англоязычной среде можно найти работы Е.М. Симмс [Simms 2008], Бр. Балера [Bahler 2015, 2016] и Р. Ройсевича [Rojcewicz 1987]. Несмотря на то что с 1952 г. появилось много разнообразных исследований детской речи, ключевые интуиции Мерло-Понти могут быть полезны в современных теоретических разработках в этой области.

¹⁵ *Мерло-Понти М.* Видимое и невидимое. Минск: И. Логвинов, 2006. 400 с.

¹⁶ *Мерло-Понти М.* Око и дух / Пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря, М.: Искусство, 1992. 63 с.

¹⁷ *Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие. М., 2000. 240 с.

*Приложение*Морис Мерло-Понти
Сознание и освоение языка¹*Введение*

Проблема языка находится на стыке двух наук – философии и психологии.

Согласно философской традиции, следующей за Декартом, Кантом и т. д., язык не имеет философского значения и является сугубо технической проблемой.

1. Рефлексивный подход

В картезианской традиции нет места для встречи сознания и языка. Если мы наделяем сознание собственным уникальным бытием, то язык оказывается вытесненным за пределы сознания и уподоблен вещам. Внутренней связи между сознанием и языком в этом случае не существует, поскольку для того, чтобы существовало сознание чего-либо, сознание прежде всего должно быть сознанием себя. Сознание в этом подходе полностью берет на себя всю синтезирующую деятельность. Тогда другой будет являться лишь проекцией того, что мы знаем о самих себе, – в самом основании этой философии встреча с другим невозможна. И все же этот подход избегает солипсизма, утверждая: нет причины считать, что мое сознание уникально, как живые существа мы отделены друг от друга, но мышление нас возвышает до всеобщего.

В такой перспективе язык относится к порядку вещей, а не к порядку субъекта. Слова сказанные или написанные – это физические феномены, связь между смыслом слова и предметом, который им именуется, становится случайной, непредвиденной и условной. Речь идет не о коммуникации на уровне сознания, мои слова просто позволяют разуму другого вспомнить что-то, что он уже знает. Язык – это просто передаваемое сообщение, не оставляющее места для реального взаимодействия. У слова нет собственной силы. Следовательно, чем язык нейтральнее, тем лучше. А наилучшим будет научный язык, алгоритм, в котором нет места двусмысленности.

¹ *Merleau-Ponty M. La conscience et l'acquisition du langage // Merleau-Ponty à la Sorbonne: résumé de cours, 1949–1952, Verdier, 2001 (Previously published as: Merleau-Ponty à la Sorbonne: résumé de cours, 1949–1952. Grenoble, Synara, 1988). P. 9–14. Пер. с фр. яз. и примеч. Е.В. Вечерниной, под ред. Я.Г. Янпольской.*

(Ср. с проектами универсального языка, словарем человеческой мысли, объединяющим все языки и все виды мышления².)

Такая точка зрения приводит нас к обесцениванию языка, мы его рассматриваем только как оболочку сознания, которое есть облаченные мысли. Даже для такого автора, как Сартр, который не обходит стороной проблему другого, язык не может привнести ничего в мышление: «силы» слова не существует, слово обобщает, резюмирует то, что уже существует. Мышление ничем не обязано слову.

2. Новая постановка проблемы

Этот подход соотносится с научным позитивизмом: он дает психологии полное право обращаться с языком как с объектом (ср. с известной концепцией афазии³: потеря образа слов).

а) Между тем развитие данной проблематики подрывает согласие рефлексивного подхода в философии и механистической психологии. Сартр говорит, что язык сам по себе не привносит дополнительную драму, однако высказывание может быть источником дальнейшего развития событий. (Пример «Пармской обители», где граф страшится первого слова любви, хотя пара уже давно испытывает взаимные чувства⁴.)

² Одним из проектов универсального языка является проект Лейбница, который Ж. Деррида детально разбирает в работе «О грамматиологии»:

Это так называемый китайский предрассудок: все философские проекты всеобщего письма и всеобщего языка, как-то: пазилалия, полиграфия, пазиграфия, – выдвинутые Декартом, а конкретно реализованные А. Кирхером, Уилкинсом, Лейбницем и др., побуждали видеть в открытом тогда китайском письме образец философского языка, изъятого из истории. Такова была, во всяком случае, роль китайского письма в проектах Лейбница

(см.: *Деррида Ж. О грамматиологии* / Пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. С. 207). *Здесь и далее – примеч. переводчика.*

³ Афазия – системное нарушение речи, которое характеризуется нарушением понимания или выражения слов или невербальных эквивалентов слов. Критика предшествующей концепции афазии была более подробно рассмотрена Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» на основании анализа работ К. Гольдштейна (см.: *Мерло-Понти М. Феноменология восприятия* / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб., 1999. С. 229–258). Позже об этом будет писать М. Фуко в работах «Психическая болезнь и личность», «Слова и вещи» (см.: *Фуко М. Психическая болезнь и личность* / Пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. 2-е изд. СПб.: Гуманит. акад., 2010. 320 с.).

⁴ *Бейль Мари-Анри, псевд. Стендаль* (1783–1842) – автор романа «Пармская обитель», 1839 г.

Итак: невозможно и далее основывать отношение с другим лишь на ценности истины, нельзя более избегать встречи с другим. И что касается языка, то именно он осуществляет взаимодействие между индивидами. Язык, таким образом, становится неопределенным элементом, поскольку он и ни я (soi), ни вещь. Психология приходит к тому, что слово – это не вещь, и афазия более не рассматривается как потеря вербальных образов. Большой афазией сохраняется способность использовать слова в связках. Он больше не может сказать «красный», но еще может сказать «красновато-вишневый». К. Гольдштейн⁵ утверждает, что это не потеря слова и не потеря идеи, но потеря того, что «дает возможность выразить верное слово»⁶. С его точки зрения, необходимо различать слово, наполненное смыслом, и слово, где смысл отсутствует (по-немецки “sinnvoll” и “sinnlos”): необходимо устанавливать наличие смысла у слова.

Данный анализ отражает существование в языке некоей силы означения.

б) *Со стороны лингвистики*: согласно Соссюру, язык с точки зрения говорящего, не является ни множеством слов или идей, ни суммой знаков, соответствующих сумме идей, но уникальным единством, в котором каждое слово получает свое значение в зависимости от других слов, это масса в процессе постоянного внутреннего дифференцирования⁷.

⁵ *Гольдштейн Курт* (1878–1965) – немецкий невролог и психиатр, пионер современной нейропсихологии. Двоюродный брат Эрнста Кассирера.

⁶ Ср.:

Несомненно, слова являются важным фактором применения категоризационной установки и регуляции концептов, но, как мы уже объяснили, наши пациенты на самом деле не утратили слова. Слова утратили возможность использоваться для обозначения абстрактных понятий. И лишь это изменение в языке отражает те изменения, которые произошли с нашими пациентами, а именно потерю способности мыслить абстрактно

(*Goldstein K. Human Nature in the Light of Psychopathology. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1951. P. 79*).

⁷ Ср.:

Но поскольку язык именно таков, то с какой бы стороны к нему ни подходить, в нем не найти ничего простого: всюду и всегда он предстает перед нами как сложное равновесие обуславливающих друг друга членов системы

(*Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 1999. С. 122*).

Для лингвиста Г. Гийома⁸ существует сублингвальная схема, которая, к примеру, позволяет нам обнаружить собственную архитектуру времени в том или ином языке. Однако же эта схема не *мыслится* индивидами: она не внутри сознания субъекта и не вне. Таким образом, нужно присвоить языку новый статус, так как он не является ни вещью, ни сознанием, его характер неясен и двойственен.

с) *Со стороны литературного опыта*: литературный опыт языка подтверждает эти характеристики. Для писателей язык вот уже сотню лет представляет собой нечто отличное от «облачения мысли». У классического писателя есть абсолютное доверие к словам (ср.: Лабрюйер⁹, который говорит, что хорошее выражение всегда есть, даже если писатель его не нашел¹⁰). По сути, классик постулирует, что язык уже присутствует в вещах. Жан Полан¹¹ анализирует

⁸ *Гийом Гюстав* (1883–1960) – французский лингвист, автор теории психосистематики языка, (антропологической лингвистики, феноменологии языка). Основные работы: *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Пер. с фр. Л.М. Скрединой. М.: Прогресс, 1992. 224 с.; *Guillaume G., Valin R.* Principes de linguistique théorique de Gustave Guillaume. Presses Univ. Laval, 1973. 276 p.; см. также: *Guillaume G.* Temps et verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps; suivi de L'Architectonique du temps dans les langues classiques. Honoré Champion. P., 1929. 200 p.

⁹ *Лабрюйер Жан де* (1645–1696) – французский моралист, писатель, единственное произведение – «Характеры, или Нравы нынешнего века» (1688), сборник афоризмов, размышлений и портретов. *La Bruyère J. de.* Les Caractères ou les Mœurs de ce siècle. P.: Poche, 1976. 633 p.

¹⁰ Ср.:

Среди множества выражений, передающих нашу мысль, по-настоящему удачным может быть только одно; хотя и в беседе или за работой его находишь не сразу, тем не менее оно существует, а все остальные неточны и не могут удовлетворить вдумчивого человека, который хочет, чтобы его поняли

(*Лабрюйер Ж. де.* Характеры, или Нравы нынешнего века. М.; Л., 1964. С. 207).

¹¹ *Полан Жан* (1884–1968) – французский писатель, эссеист. Полан пишет, что «террористы», критики упрекают литературу во власти слов, но эта власть иллюзорна. «Согласно общему закону выражения, слово, едва указав на вещь, сразу же отступает на задний план» (см.: *Полан Ж.* Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Пер. с фр. А. Шестакова, СПб.: Наука, 2002. С. 113). Слова не присутствуют в вещах. Если слово передает нам идею, то оно нам кажется тесно связанным с ней, незаметным, если же нет, то нам кажется, что дело в слове. «Так игрок в теннис, если он промахнулся, с изумлением смотрит на неожиданно *отделившуюся* от руки ракетку» (Там же. С. 117).

эту иллюзию: то, что сказано однажды, становится тем, что как будто звучало всегда. Слово воплощает идею и заставляет нас забыть об этом: как будто язык и выраженная мысль – идентичны (одно и то же). Язык в своей функции прояснения всего существующего сам остается неясным. Его нельзя наблюдать со стороны, его можно только практиковать, невозможно увидеть его напрямую.

3. Заключение

Язык – это не вещь и не сознание, одновременно имманентный и трансцендентный, его статус остается неопределенным. Эта двойственность всегда будет присутствовать в вопросе об освоении языка. Психологическое исследование языка приводит нас к его разясняющей функции, и от проблемы психологической мы переходим к проблеме философской.

Как мы увидели, язык непреодолимо сопротивляется всем нашим усилиям превратить его в объект. Но и со всей очевидностью он также отличается и от разума: он не сводится к различию знака-значения. Мы приходим к тому, что рефлексивное исследование языка оказывается бессильно. Возможно, индуктивный метод окажется эффективнее?

1. Индуктивный подход

Уточним сперва понятие индукции. Леон Брюншвик в работе «Человеческий опыт и физическая причинность»¹² анализирует метод индукции и оспаривает теорию Стюарта Милля, согласно которой индукция – это простое прочтение естественных корреляций. Однако критика Брюншвиком этой теории остается сомнительной в силу некоторого противоречия между двумя частями этой критики. В первой части он протестует против эмпирической концепции Стюарта Милля, поскольку, как он говорит, вопрос не в том, чтобы обнаружить корреляции между фактами. Речь идет прежде всего о том, чтобы определить границы вариаций, в рамках которых будет установлена причинная связь. Следовательно, это первичное усилие активно, требует составления гипотезы и является умственным процессом, поскольку факты мы не можем обнаружить в самой природе.

Во второй части критики Брюншвик исследует связи между гипотезами и существующими фактами и приходит к тому, что

¹² *Brunschvicg L. L'expérience humaine et la causalité physique. P.: Félix Alcan, 1922. 625 p. Брюншвик Леон (1869–1944) – французский философ и методолог науки.*

единственным точным элементом в индукции является сумма численных связей, которые существуют между различными переменными феномена. То есть, что точно известно, это не образ фактов, который представляет нам гипотеза, но только суммарное количество уравнений, установленных между фактами. Даже если теория (образ фактов) впоследствии будет опровергнута, уравнения останутся верными для того, чтобы быть переведенными на язык новой гипотезы.

Следовательно, Брюнsvик показывает, что индукция – это не соединение данных фактов, что это умственное усилие; но в той мере, в которой она нам представляет сущность изученных феноменов, она не поддается проверке.

Из всего сказанного можем ли мы надеяться на определение понятия структуры языка с помощью индуктивного метода? Кажется, едва ли отношения между переменными могут нам прояснить природу языка, а значит, индукция не сможет нам сказать ничего нового.

II. Феноменологический подход

Итак, никакой из предыдущих методов не оказался нам полезным. Однако на самом деле есть и третий возможный подход: речь идет о том, чтобы просто вступать в контакт с фактами, понимать из них самих, читать их и расшифровывать их, придавая тем самым смысл. Необходимо будет варьировать феномен для того, чтобы выделить из этих вариаций общее значение. Критериями этого метода будет не множество фактов, которое служит доказательством для выдвинутых гипотез: что будет доказательством, так это верность феноменам, их «схватывание» путем тесного контакта с наличными материалами и максимальная «близость» описания.

Мы находим пример такого метода в новой психологии животных.

Специалисты по поведению животных длительное время, наблюдая феномены, воспринимали их с точки зрения человеческого сознания, однако в своем методе были обязаны относиться к ним строго объективно. Но вскоре оказалось, что подобного объективного отношения недостаточно. Кёлер в своих строгих экспериментах над интеллектом обезьян¹³ использует определенный метод: он не довольствуется тем, что высчитывает все,

¹³ Кёлер Вольфганг (1887–1967) – немецко-американский психолог, один из основателей гештальт-психологии наряду с Максом Вертгеймером и Куртом Коффкой. См.: Кёлер К. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Гештальт-психология. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 5–279.

что измеримо (поскольку этого недостаточно для описания феномена целиком). Чтобы описать поведение обезьян, он использует термины, которые можно назвать антропоморфными, такие как «найти решение по случайности» или «благодаря ошибке», термины качественного различия. Поскольку объективный результат (количественный) одинаковый, вне зависимости от того, находит ли обезьяна решение путем понимания или по случайности, то мы больше не можем придерживаться одного лишь количественного аспекта. Говоря: «обезьяна решает проблему», Кёлер вводит своего рода антропоморфизм, который в данном случае необходим. Если мы выходим за рамки количественного анализа, говорит он, это потому, что действительно наблюдаются существенные различия в поведении (поведение, которое следует из решения на основе понимания, – это непрерывное «мелодичное» движение, а поведение, которое исходит из решения благодаря случайности, – это что-то обрывочное, прерывистое и т. д.). Таким образом, нам приходится быть субъективными, поскольку эта субъективность ситуативна, но это не значит, что она произвольна.

Действует ли Кёлер путем индукции? Да, в том смысле, что существует гипотеза и что он обращается к фактам, которые гипотеза не может объяснить. Но если вводить в описательный анализ внутренние (*intrinsèques*) характеристики наблюдаемого феномена, то это возможно только при условии проживания поведения наблюдаемого животного; мы не можем полностью абстрагироваться от картины, которую представляет нам наблюдаемое животное, мы не можем выйти за рамки нашего собственного, человеческого восприятия.

Другие, такие как Коффка, достаточно ясным образом представляют нам «описательные понятия»¹⁴, которые лежат в основе этого метода и которые теперь проясняют «функциональные понятия» в психологии. Коффка и Кёлер называют феноменологическим подобное обращение к нашему собственному опыту в изучаемом

¹⁴ *Коффка Курт* (1886–1941) – немецко-американский психолог. Изучал психологию под руководством Карла Штумпфа. В работе «Основы психического развития» (1921) применил методы гештальт-психологии для исследования психического развития ребенка. См.: *Коффка К. Основы психического развития // Гештальт-психология. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 359:*

Для того чтобы выделить реальные явления, мы пользовались функциональными понятиями; понятия, применяемые для установления переживаний, мы будем называть описательными (дескриптивными) понятиями.

поведении. Новизна данного метода заключается в том, что он устанавливает, что действительное знание – это не только измеримое знание, но также и качественное описание. Это качественное знание не субъективно, оно интерсубъективно: оно описывает то, что может быть наблюдаемо всеми.

Именно этот метод мы применим к изучению языка: изучать факты не для проверки гипотезы, которая выходит за их рамки, а для придания внутреннего смысла этим фактам. Единственное, что будет важным, – это строгость, с которой будет охватываться как совокупность, так и детали данных фактов.

Этот метод превосходно использовал К. Гольдштейн при изучении афазии и агнозии. Вместо того, чтобы изучать один и тот же симптом у многих пациентов, он сосредотачивается на комплексном анализе одного пациента, стремясь исследовать все оттенки поведения испытуемого. Этот метод, основанный на понимании, столь же строгий, как и другие, потому что если индукция стремится к анализу множества фактов, то метод Гольдштейна ограничивает исследование глубоким анализом одного случая.

Другими словами, мы предлагаем применить метод, который Бергсон определил¹⁵, но едва ли практиковал: философия должна раскрыть смысл феноменов, описанных ученым. Роль философа состоит в том, чтобы воссоздать мир таким, каким его видит физик, но с учетом того периферийного, что он обрезает, но которое обусловлено его контактом с качественным миром. Эта программа действительна и для нас – не будет никакого различия между психологией и философией: психология – это всегда неявная, начальная философия; философия же всегда сохраняла контакт с фактами.

Учитывая вышесказанное, мы сосредоточимся на следующих моментах, чтобы понять суть языка:

- 1 – психологические аспекты развития языка у ребенка;
- 2 – факты дезинтеграции языка;
- 3 – взгляд лингвистики на язык;
- 4 – опыт, представленный литературой, поскольку стать писателем – значит освоить личный язык, создать собственный язык и собственную аудиторию, а значит, воссоздать на новом уровне творение языка.

¹⁵ В тексте ссылка на: Bergson H. Introduction à la métaphysique // Œuvres, édition du centenaire. P.: P.U.F., 1963. P. 1392–1432, 1537–1539. См.: Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Минск: Харвест, 1999. С. 1172–1222.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность Т.В. Базжиной за подробное консультирование по исследованиям детской речи.

Acknowledgements

I express my deep gratitude to T.V. Bazzhina for detailed consulting in child language research.

Источники

- Бергсон А.* Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
- Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики / Пер. с фр. Л.М. Скрелиной. М.: Прогресс, 1992. 224 с.
- Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
- Кёлер К.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Гештальт-психология. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 5–279.
- Кюффа К.* Основы психического развития // Гештальт-психология. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 281–688.
- Лабрюйер Ж. де.* Характеры, или Нравы нынешнего века. М.; Л., 1964.
- Львов М.Р.* Основы теории речи. М.: Акад., 2000. 248 с.
- Мерло-Понти М.* Знаки / Пер. с фр. И.С. Вдовина. М.: Искусство, 2001. 429 с.
- Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб., 1999. 606 с.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. Тверь: Римис, 2008. 448 с.
- Полян Ж.* Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Пер. с фр. А. Шестакова, СПб.: Наука, 2002. 336 с.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 1999. 432 с.
- Фуко М.* Психическая болезнь и личность / Пер. с фр., предисл. и коммент. О.А. Власовой. 2-е изд. СПб.: Гуманит. акад., 2010. 320 с.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие. М., 2000. 240 с.
- Якобсон Р.О.* Детский язык, афазия и общие звуковые законы. Баку: Маариф, 1993. 96 с.
- Brunschvicg L.* L'expérience humaine et la causalité physique. P.: Félix Alcan, 1922. 625 p.
- Chomsky N.* Syntactic structures. The Hague: Mouton, 1972. 117 p.

- Goldstein K.* Human Nature in the Light of Psychopathology. Cambridge: Harvard Univ. Press, 195. 268 p.
- Ingram D.* First Language Acquisition. Method, Description and Explanation. Cambridge, 1989.
- Leopold W.F.* Bibliography of Child Language. Evanston, Illinois, 1952. 297 p.
- Merleau-Ponty M.* Psychologie et pédagogie de l'enfant: Cours de Sorbonne 1949–1952. Broché, Verdier, 2001. 570 p. (Previously published as: Merleau-Ponty à la Sorbonne: résumé de cours, 1949–1952. Grenoble, Cynara, 1988. 576 p.)
- Skinner B.F.* Verbal behavior. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957. 478 p.
- Thomas R.M.* Comparing theories of child development (6th edr.). Belmont, CA: Thomson/Wadsworth, 2005. 558 p.

Литература

- Бражникова 2004 – *Бражникова Я.Г.* Плоть и история. К идее архитектурного прошлого в философии М. Мерло-Понти // *Логос*. 2004. № 1 (41). С. 72–87.
- Манучарова 2012 – *Манучарова А.В.* Понятие жеста в работах Дж.Г. Мида и М. Мерло-Понти // *История философии и социокультурный контекст*. М.: РГГУ, 2012. С. 24–30.
- Цейтлин 2019 – *Цейтлин С.Н.* Освоение ребенком родного языка как синергетический процесс // *Росс. гуманит. журн.* 2019. № 4. С. 288–300.
- Bahler 2015 – *Bahler Br.* Merleau-Ponty on Children and Childhood // *Childhood and Philosophy*. 2015. № 11 (22). P. 203–221.
- Bahler 2016 – *Philosophy of Childhood Today: Exploring the Boundaries* / Ed. by Br. Bahler, D. Kennedy. Lanham: Lexington Books, 2016. 218 p.
- Dosse 2007 – *Dosse F.* Structuralism // *The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Philosophies*. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2007. 478 p.
- Dosse 2018 – *Dosse F.* La saga des intellectuels français. T. I. P.: Gallimard, 2018. 462 p.
- Rojcewicz 1987 – *Rojcewicz R.* Merleau-ponty and cognitive child psychology // *Journal of Phenomenological Psychology*. 1987. № 18 (1-2). P. 201–221.
- Shuttleworth 2005 – *Shuttleworth S.* Inventing a Discipline: Autobiography and the Science of Child Study in the 1890s // *Comparative Critical Studies*. 2005. № 2 (2). P. 143–163.
- Simms 2008 – *Simms E.M.* The child in the world: Embodiment, time, and language in early childhood. Wayne State Univ. Press, 2008. 264 p.

References

- Bahler, Br. (2015), Merleau-Ponty on Children and Childhood, *Childhood and Philosophy*, no. 11 (22), pp. 203–221.
- Bahler, Br. and Kennedy, D. (eds.) (2016), *Philosophy of Childhood Today: Exploring*

- the Boundaries*, Lexington Books, Lanham, USA.
- Brazhnikova, Ya. (2004), “*Flesh and history. On the idea of architectonic past in the philosophy of M. Merleau-Ponty*”, *Logos*, no. 1 (41), pp. 72–87.
- Dosse, F. (2007), “Structuralism”, *The Edinburgh Companion to Twentieth-Century Philosophies*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.
- Dosse, F. (2018), *La saga des intellectuels français*, T. I, Gallimard, Paris, France.
- Manucharova, A. (2012), “*The concept of gesture in works by G.H. Mead and M. Merleau-Ponty*”, *Istoriya filosofii i sotsiokul'turnyi kontekst [History of philosophy and socio-cultural context]*, RSUH, Moscow, Russia, pp. 24–30.
- Rojcewicz, R. (1987), “Merleau-Ponty and cognitive child psychology”, *Journal of Phenomenological Psychology*, no. 18 (1-2), pp. 201–221.
- Shuttleworth, S. (2005), “Inventing a Discipline: Autobiography and the Science of Child Study in the 1890s”, *Comparative Critical Studies*, no. 2 (2), pp. 143–163.
- Simms, E.M. (2008), *The child in the world: Embodiment, time, and language in early childhood*, Wayne State University Press, Detroit, USA.
- Tseytlin, S. (2019), “Child’s native language acquisition as a synergetic process”, *Liberal Arts in Russia*, no. 4, pp. 288–300.

Информация об авторе

Елена В. Вечернина, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; e_vechernina@mail.ru

Information about the author

Elena V. Vechernina, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; e_vechernina@mail.ru

УДК 327:930

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-74-101

К истории евразийства в Советской России:
письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого
и А.Н. Зелинского
Часть первая

Ксения Б. Ермишина

*Дом русского зарубежья им. А. Солженицына Москва, Россия,
xenia_ermishina@mail.ru*

Аннотация. Настоящая публикация посвящена малоизученным страницам истории евразийства после 1956 г., когда П.Н. Савицкий возвратился в Европу из СССР. Впервые в научный оборот вводятся архивные материалы, которые показывают рецепцию идей от первого поколения евразийцев (основоположника движения П.Н. Савицкого и первого евразийского историка Г.В. Вернадского) к советским евразийцам Л.Н. Гумилеву и его ученику А.Н. Зелинскому. В архиве А.Н. Зелинского сохранились его письма и ответы Г.В. Вернадского, с которым его, тогда начинающего ученого, заочно познакомил П.Н. Савицкий. После возвращения из мест заключения в СССР Савицкий начинает масштабную переписку, связывая ученых в Европе, СССР и в США, распространяя евразийские идеи, которые в позднее время выкристаллизовались в методологию междисциплинарных исследований, в центре которых – судьба России-Евразии, ритмы истории, архитектура, география, русская духовная культура. После кончины Савицкого Вернадский и Зелинский продолжили эпистолярное общение. Вернадский и Зелинский осмысливали вклад в науку Савицкого и саму его незаурядную личность.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция, пассионарность, А.Н. Зелинский, Л.Н. Гумилев, П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский, школа буддологии Ф.И. Щербатского, наследие Рерихов

Для цитирования: Ермишина К.Б. К истории евразийства в Советской России: письма Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского. Часть первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 74–101. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-74-101

© Ермишина К.Б., 2024

On the history of Eurasianism in Soviet Russia.
Letters of G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky
and A.N. Zelinsky
Part one

Kseniya B. Ermishina
Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates
Moscow, Russia, xenia_ermishina@mail.ru

Abstract. The publication deals with the little-studied pages of the history of Eurasianism after 1956, when P.N. Savitsky returned to Europe from the USSR. For the first time, archival materials are introduced into scientific circulation, which show the reception of ideas from the first generation of Eurasians (the founder of the movement P.N. Savitsky and the first Eurasian historian G.V. Vernadsky) to Soviet Eurasians L.N. Gumilev and his disciple A.N. Zelinsky. A.N. Zelinsky's archive includes his letters and answers of G.V. Vernadsky, with whom he, then a novice scientist, was introduced to in absentia by P.N. Savitsky. Having returned from imprisonment in the USSR, Savitsky begins a large-scale correspondence, connecting scientists in Europe, the USSR and in the United States, spreading Eurasian ideas, which later crystallized into a methodology of interdisciplinary researches, focused on the fate of Russia-Eurasia, the rhythms of history, architecture, geography, Russian spiritual culture. After Savitsky's death, G.V. Vernadsky and A.N. Zelinsky continued epistolary communication. Vernadsky and Zelinsky comprehended Savitsky's contribution to science and his extraordinary personality itself.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration, passionarity, A.N. Zelinsky, L.N. Gumilev, P.N. Savitsky, G.V. Vernadsky, F.I. Shcherbatsky's Buddhology's school, the Roerichs' legacy

For citation: Ermishina, K.B. (2024), "On the History of Eurasianism in Soviet Russia. Letters by G.V. Vernadsky, P.N. Savitsky and A.P. Zelinsky. Part one", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 74–101, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-74-101

Настоящая публикация писем Г.В. Вернадского, П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского открывает неизвестные ранее факты и показывает новый ракурс истории евразийского движения позднего, пока малоисследованного периода его существования – после 1956 г., когда вернувшийся из заключения Савицкий приходит к мысли о возрождении связей с прежними товарищами. П.Н. Савицкий был арестован органами СМЕРШ в Праге в 1945 г. по обвинению в участии в «белоэмигрантском» евразийском движении, которое,

по мнению органов НКВД, ставило своею основною целью свержение советской власти. Савицкий провел в заключении более 10 лет. Возобновить общение с Савицким желали и другие участники евразийского движения. Так, например, П.П. Сувчинский, узнав, что Савицкий вернулся из СССР, написал ему, надеясь на то, что старые обиды и недоразумения за давностью лет позабыты, а получив любезный ответ («Прошлое отошло, дружество остается»¹), начал переписку с лидером правого евразийства, с которым рассорился в период Клармарского раскола. Хроника Клармарского раскола, в результате которого евразийство распалось на Пражскую («правую») и Парижскую («левую») группы, а его основоположник Н.С. Трубецкой публично сообщил о своем выходе из движения, была составлена самим П.Н. Савицким². Опираясь на свидетельство Савицкого, а также на тот очевидный факт, что многие члены Парижской группы были завербованы органами ГПУ (П.С. Арапов, С.Я. Эфрон, А.Н. Клепинин, склонился к этому и сам лидер группы П.П. Сувчинский), исследователи в качестве основной причины раскола называют левый уклон евразийцев-парижан, их увлечение марксизмом и философией Н.Ф. Федорова, очарование советским проектом, страстное желание быть едиными с Советской Родиной, что не приняли пражские евразийцы. Между тем глубокого и всестороннего исследования причин и истории Клармарского раскола до сих пор проведено не было.

Так, стоит отметить, что сам П.Н. Савицкий увлекался Советской Россией не меньше, а едва ли не больше и даже обстоятельнее, изучал ее философию, культуру, науку. С огромным вниманием читал и анализировал все выпуски журнала «Под знаменем марксизма», изучал все ему доступные работы видных советских философов – от А.М. Деборина до А.Ф. Лосева. Знал до тонкостей развитие географической, ботанической, экономической и иных, интересных ему, научных областей в СССР. Глубочайшим образом изучал и знал советскую литературу и поэзию. Как и парижские евразийцы, он мечтал осуществить синтез советских и эмигрантских русских начал. Нелегально побывал в СССР в 1927 г. Многие современники и последующие исследователи обратили внимание на то, что конфликт парижан и пражан носил не идейный, а личный

¹ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. С. 521.

² См.: *Савицкий П.Н.* Клармарский раскол в евразийском движении // Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Б-ка-Фонд «Русское Зарубежье», 2008. С. 287–322.

характер, в основе которого лежали обиды (в том числе и финансового характера: евразийские группы финансировались весьма неравномерно, преимущество было отдано Парижу), недопонимания, претензии. Тема Клармарского раскола, как и многие другие сюжеты евразийской истории, ожидает своего внимательного и компетентного исследователя.

Постепенно собрав адреса старых товарищей (мало кто остался на старом месте после потрясений Второй мировой войны), Савицкий возобновил прежние связи, пользуясь любой возможностью расширить сеть знакомств. Он получал адреса от своих бывших товарищей по Политехническому институту, который окончил в 1917 г. (потом они же помогут издать сборник его стихов в 1960 г.), от своих бывших учеников по русской гимназии, в которой долгое время был директором. Искал он и тех, кто сделал себе имя в академических кругах (последних найти было не сложно посредством редакций газет и журналов, через университетские кафедры). К радости Савицкого, идею переписки поддержали многие корреспонденты, и его письма разошлись по всему свету – в США, по странам Европы, в Англию, в СССР... Так, например, он, разыскивая адрес Н.Н. Алексеева, первоначально получил сведения о его кончине:

Получив сведения о предполагаемой смерти Н.Н. Алексеева, он начал их проверять, расспрашивал востоковеда В.Ф. Минорского и историка А.В. Флоровского о судьбе своего друга... Когда эти сведения не подтвердились, Савицкий нашел адрес Алексеева и написал ему, получив долгожданный ответ [Назмутдинов 2017, с. 354].

Десять лет пребывания в Советской России для Савицкого в плане завязывания дружеских отношений (к этому у него был подлинный талант) также не прошли даром. Савицкий сердечно привязался к своим товарищам по заключению – еп. Афанасию (Сахарову), митр. Нестору (Анисимову), интересовался судьбой лагерных сидельцев, с которыми пересекался в заключении, – митр. Мануила (Лемешевского) и иером. Иеракса (Бочарова). Товарищем по несчастью Савицкого в заключении оказалась также и дочь М.И. Цветаевой, Ариадна Сергеевна Эфрон («Около двух лет я провел в живом общении с Ариадной Сергеевной»³). От нее Савицкий узнал подробности последних дней М.И. Цветаевой. О М.И. Цветаевой и обстоятельствах ее кончины, последних днях ее жизни (начиная с переезда из Москвы в Елабугу) Савицкий сообщил Г.П. Струве, который готовил к публикации некоторые ее произведения. Савицкий писал:

³ Савицкий П.Н. Научные задачи евразийства... С. 523.

Все это знаю на основании подлинных писем и от А<риадны> С<ергеевны>. Ни А С ни меня в этой связи, пожалуйста, нигде не упоминайте. Все мое желание, чтобы каждый стих М<арины> И<вановны> был издан. Но я опасаясь, как бы издание «Лебединого стана» в этот момент не повредило А С [Мелих 2010, с. 139].

Приведенный отрывок из письма к Глебу Струве от 20 октября 1957 г. весьма характерен. Савицкий становится хранителем, а затем и ретранслятором различных сведений о деятелях русской эмиграции, которые вольно (как евразийцы С.Я. Эфрон и Д.П. Святополк-Мирский) или невольно (Л.П. Карсавин, В.Э. Сеземан) оказались в СССР. Сведения о последних днях и обстоятельствах лагерной жизни Л.П. Карсавина дошли до Савицкого, судя по тому, как он рассказывал об этом своим корреспондентам в письмах, также из первых рук, т. е. или от живых свидетелей, или от их собеседников. Эти знания он передавал друзьям и знакомым, товарищам по научной переписке, которая постепенно становилась едва ли не важнейшим делом заключительного этапа его жизни.

Эпистолярное наследие Савицкого позднего периода опубликовано в различных изданиях. Изданы его письма к П.П. Сувчинскому⁴, к Г.П. Струве⁵, к Н.Н. Алексееву⁶, Л.Н. Гумилеву⁷, А.Н. Зелинскому⁸. Публиковались также отдельные письма П.С. Са-

⁴ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства... С. 253–543.

⁵ Письма П.Н. Савицкого к Г.П. Струве / Предисл., подгот. текста и коммент. Ю.Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 131–159.

⁶ *Назмутдинов Б.В., Ермишин О.Т.* «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961) / Предисл. Б.В. Назмутдинова; подгот. текста и коммент. О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–445.

⁷ Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год / Подгот. писем к публ., вступ. ст. и примеч. А.В. Воронович, М.Г. Козыревой // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 88–104; также отдельные письма к Гумилеву и Г.В. Вернадскому опубликованы в издании: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.

⁸ *Ермишина К.Б.* «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / Публ., подгот. текста К.Б. Ермишиной; вступ. статья и коммент. К.Б. Ермишиной и А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.

вицкого к разным лицам⁹, но поскольку эти последние появлялись в печати без определенной концепции, просто ради ознакомления с имеющимися материалами, научная ценность подобных публикаций все же невелика, что сказывается, например, в частоте (или, лучше сказать, в редкости) их цитирования в научных работах, исследованиях, диссертациях¹⁰. Судя по частоте цитируемых материалов, именно системно опубликованные письма (большая подборка или переписка с ответами корреспондента) пользуются заслуженным интересом и вниманием у исследователей. Эти письма публиковались по мере обнаружения их в различных архивах¹¹, и к настоящему времени, к сожалению, не существует их отдельного издания, хотя настоятельная необходимость в такой публикации очевидна. Подобный сборник мог бы существенно продвинуть евразийствоведение, показать истоки евразийского движения рельефно и отчетливо.

В поздних письмах и стихах Савицкий раскрывается порой с неожиданной стороны. Так, например, мы узнаем, что уже в возрасте семи лет он читал на русском и английском языках сложную научную литературу (в частности, исследования всемирно известного буддолога Ф.И. Щербатского¹²), глубоко изучал историю

⁹ Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. тр. евразийцев / Под ред. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. (Приложение: Переписка евразийцев. С. 412–435.)

¹⁰ Стоит отметить, что петербургский исследователь А.В. Воронович занимается архивом Л.Н. Гумилева, хотя и не в применении конкретно к его переписке с П.Н. Савицким (см.: *Воронович А.В.* Материалы личного архива Л.Н. Гумилева как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012).

¹¹ Архивы ГА РФ (Ф. 5783. Оп. 1), Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Коллекция В. Аллая), Архив Музея-квартиры Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург (не описано), Музей-квартира академика Н.Д. Зелинского (не описано), архив Славянской библиотеки в Праге, Особый архив Литвы (Ф. К.-1. Оп. 58, в. П.11972-ЛИ, и другие, относящиеся к Следственному делу Евразийского движения), Hoover Institution Archives.

¹² Я и сам им [Ф.И. Щербатским] увлекался. В библиотеке моего покойного дяди по матери, городского головы г. Чернигова – Георгия Андреевича Ходота была полная подборка работы молодых и раннесредних лет Ф<едо>ра Ип<политови>ча – и я «глотал» их чуть ли не с возраста семи лет, а позже и вполне сознательно (конечно, в пределах их русского и, кажется, английского – текстов)

[Ермишина 2023, с. 289].

России и русских географических открытий¹³, жил в Центральной России и путешествовал по ней, будучи подростком¹⁴, юношей, вместе с отцом, посещал Соловецкий монастырь¹⁵ и т. д. У исследователей, незнакомых с этой стороной биографии Савицкого, сложилось впечатление о нем как, скорее, об украинском мыслителе, внезапно попавшем в студенческие годы в Санкт-Петербург и чувствующем чуждость «глубинной России». Южный, пылкий темперамент Савицкого, который сыграл столь трагическую роль в период Кламарского раскола и кризиса евразийства, был его индивидуальной особенностью, не связанной прямо с его происхождением, – хотя он принадлежал, согласно собственным свидетельствам, к старинному южнорусскому роду, родословная которого, продолжительностью около 300 лет, хранилась в Чехословацких архивах. Последнее обстоятельство позволило ему при немецкой оккупации удержать пост директора Русской гимназии в Праге. Немцы видели в нем в первую очередь von Sawitzki, т. е. европейского аристократа.

¹³ Очень оценил я и фотоснимок часовни колонии Рос. Ее историей и историей русской Аляски я занимаюсь с детских лет (с первых годов XX века). Не скрою, что еще семи-восьмилетним мальчиком, в 1902–1903 гг., я *проклинал* Александра II за преступную ее продажу

[Мелих 2010, с. 147].

¹⁴ Невольно вспоминаются Петушки. Ведь я провел там все лето 1912 г. у дяди моего (ныне уже покойного) железнодорожного врача Сергея Дмитриевича Крестовникова и его жены – моей тети Марии. Петушки были моей базой в поездках по всем достопамятным местам Владимирско-Суздальской Руси. По железной дороге, на лошадях и пешком я побывал из Петушков во Владимире, Боголюбове, Суздале, Юрьеве Польском

(Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 277).

¹⁵ Соловки я посетил в бытность отца Главнначальствующим в Архангельске и во всем Северном крае – вместе с ним. Отца великий монастырь встретил крестным ходом – это был чуть ли не последний крестный ход такого рода в его истории. Яхта Главнначальствующего бросила якорь довольно далеко от берега, на внешнем рейде. Мы с отцом отстояли обедню в Спасо-Преображенском соборе, а затем архимандрит показывал нам святыни и древности обители. Хотя монастырь был на «военном положении» (германские подлодки проникали и в Белое море), но все, в общем, было в порядке. <...> Я не только внимательно слушал архимандрита, но позже, в 1920-х – 1930-х гг., изучал и акты Соловецкого архива, изданные проф<ессором> А. Савичем

[Ермишина 2023, с. 302].

Важно отметить, что пока еще не изданы и не изучены географические работы П.Н. Савицкого¹⁶, так что у исследователей нет перед глазами всей картины истоков евразийского движения. В основном указывают на геополитические и экономические истоки евразийства Савицкого, следуя опубликованным и доступным к настоящему времени материалам. Изучив корпус географических работ Савицкого, можно прийти к выводу о том, что он был едва ли не самым выдающимся знатоком России в эмиграции. Он знал тонкости географии и градостроительства России вплоть до названий самых незначительных притоков средних, региональных рек, знал не только города, но и небольшие села, административное деление, почвы, растительность, климат, промышленность, архитектуру, историю, литературу, живопись и т. д. Для его сознания Россия представляла именно как единое пространство во всем его географическом, геополитическом, культурном и историческом целом. Исходя из такого целостного видения, которое он ассоциировал с периодической системой Д. Менделеева (теория Савицкого «мира как единого целого»¹⁷), он и строил свою евразийскую концепцию. Следует отметить, что Савицкий обладал редким даром принятия жизненного опыта – лагерей, тюрем, различных мытарств и страданий, более того, он, чувствуя живую, исходную связь с Родиной, сумел передать русским в эмиграции, которые давно утратили это ощущение, неразрывность связи с родной стихией, понимание того, что большое многонародное тело, связанное тысячами нитей, родственных, дружеских, душевных (вспоминания, ностальгия, привязанность), остается единым даже в разрыве России советской и эмигрантской. Пожалуй, это последнее – главный, важнейший евразийский аккорд, итог жизни Петра Николаевича. И этот опыт единства не был в евразийстве бесплодным. В отличие от всех иных политических, культурных и многих других (за исключением религиозных) течений и направлений эмигрантской жизни, евразийство не только перекочевало на родину, но и укоренилось в России, породив как живую политическую традицию (неоевразийство), так и евразийствоведение как отдельную отрасль эмигрантоведения.

После того, как Савицкий был освобожден из мест заключения, он некоторое время жил в Зубово-Полянском доме инвалидов

¹⁶ К настоящему времени мною готовятся к изданию географические и философские работы П.Н. Савицкого, как изданные около 100 лет назад, так и никогда не публиковавшиеся на русском языке, а также подготовленные к изданию самим Савицким, но не вышедшие в свет при его жизни.

¹⁷ См.: *Савицкий П.Н.* Единство мироздания // Савицкий П.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 341–343.

(Мордовская АССР, поселок Явас), общался с бывшими заключенными, а также с простыми советскими обывателями. В письмах к свт. Афанасию (Сахарову) он описывает посещение деревенской церкви, куда он добирался больше часа пешком. Там, стоя среди простых женщин, русских и мордочек, он плакал о своих грехах и скорбел вместе с народом. Все эти женщины потеряли мужей, сыновей, детей во время Великой Отечественной войны и пришли за последним утешением и молитвой в храм. Сердобольные женщины кормили истощенного Петра Николаевича нехитрой снедью (возможно, принимая его за нищего, что, впрочем, было недалеко от истины), и тот с благодарностью принимал от них приношения, ощущая свое единство с исстрадавшимся русским, советским народом:

Священники молились об упокоении души воинов, павших в Великую Отечественную войну. Почти все молящиеся – вдовы, матери или сестры этих воинов. Пели все. Многие плакали. <...> Я благодарно брал все, что мне давали. Мне казалось, что это русский народ, а вместе с ним и мордва, меня питают¹⁸.

В Европу, к семье он вернуться не надеялся, поэтому, когда это чудом удалось, он был полон огромной благодарности и удивления перед неисповедимыми судьбами Промысла. Он ощущал себя частью большого тела русского народа, не разделяя Россию советскую и эмигрантскую. Это было не просто убеждение, но душевное состояние, глубинная уверенность – столь глубинная, что не нуждалась в рациональных обоснованиях и объяснениях. Этим Петр Николаевич был уникален: немногим удалось вернуться живыми после советских тюрем и лагерей в Европу, а те, кто вернулись, были, как правило, сломлены, подавлены, им было не до рефлексии, не говоря уже о восторгах или энтузиазме. Так, например, удалось вернуться евразийцу К.А. Чхеидзе, который посвятил последние годы жизни литературному творчеству и работе над архивом *Fedoroviana Pragensia* в Праге. Евразийской работой он не занимался, вспоминать Советскую Россию в положительном ключе у него не было сил:

Сибирский лагерь. Я встречался там с настоящими дьяволами, палачами, садистами. Однако, за редким исключением, и среди преступников находились люди, в которых жило нечто человеческое¹⁹.

¹⁸ Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. С. 276.

¹⁹ Чхеидзе К.А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой. М.: Рус. путь, 2011. С. 63.

У Савицкого впечатления от советских тюрем и лагерей, да и вообще от Советской России были иные:

Моя «Одиссея» продолжалась одиннадцать лет: 1945–1956. Это было опаснейшее и в то же время полное живейшего интереса исследовательское путешествие²⁰.

О людях, которых Савицкий встретил в эти «опаснейшие годы», он писал П.П. Сувчинскому в письме от 2 мая 1957 г.: «Видел и пережил многое, очень многое. И многих сверхзамечательных русских людей узнал лично»²¹. Своих товарищей по заключению, уголовников, он снисходительно именовал «ребятами», относясь к ним скорее как к неразумным детям, жертвам своей непутевой жизни и невежества:

...сдружился с ребятами-лесорубами. Это почти сплошь были урки (уголовники). Работали ребята замечательно. Любили слушать мои рассказы²².

Вероятно, именно этот настрой – полное принятие ситуации, безропотность, открытость к новому опыту, стремление во всем видеть только положительное – позволил Петру Николаевичу, обладавшему слабым здоровьем (во время Первой мировой войны он по состоянию здоровья был освобожден вопреки собственному желанию от службы в армии), выжить в нечеловеческих условиях, в которых погибали намного более молодые и здоровые люди.

Таким образом, Савицкий стал уникальным для русской эмиграции человеком, который знал и Россию в изгнании, и на Родине, знал не только простой народ, но и духовенство – новомучеников и исповедников российских, позже прославленных в лике святых, знал и русскую интеллигенцию, и интеллектуалов Запада. Желая в самом себе осуществить это единство многострадального разделенного русского народа, он и начинает переписку с прежними товарищами, а по ходу дела приобретает и новых знакомых, а затем и сердечных, близких друзей.

Так, познакомившись через историка, своего товарища по лагерным мытарствам, М.А. Гуковского с Л.Н. Гумилевым, он завязал переписку и с его учеником, Андреем Николаевичем Зелинским (род. в 1933 г.), сыном знаменитого химика Н.Д. Зелинского. Зе-

²⁰ *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства... С. 521.

²¹ Там же. С. 523.

²² *Востоков П. (Савицкий П.Н.)* Стихи. Париж, 1960. С. 36.

линский-старший был другом и соратником В.И. Вернадского, отца евразийца Г.В. Вернадского. В годы Великой Отечественной войны семья Зелинского (Андрею Зелинскому в то время было восемь лет) вместе с другими учеными эвакуировалась в Северный Казахстан. Одновременно в эвакуацию отправился и В.И. Вернадский. Причудливо переплелись судьбы Зелинских и Вернадских – старшее поколение, геохимик, ученый, мыслитель В.И. Вернадский и химик Н.Д. Зелинский своими трудами составили славу российской науки, были связаны узами дружбы. В 1958 г. под редакцией академика Н.Д. Зелинского вышла биографическая книга о В.И. Вернадском²³, скромное приношение от друга, ценившего его научный вклад и просто человеческие качества, характер, широту взглядов, высокогуманистическую направленность ума и самоотверженное служение своему делу. А их дети, А.Н. Зелинский и Г.В. Вернадский, уже не имели возможности непосредственного общения, но вступили в переписку через сложную посредническую цепь: М.А. Гуковский – Л.Н. Гумилев – П.Н. Савицкий.

Савицкий много способствовал тому, чтобы его тогда юный корреспондент А.Н. Зелинский вошел через переписку в круг европейских ученых, исследователей, мыслителей. Представлять сына Н.Д. Зелинского²⁴ не составляло труда: имя его отца, изобретателя противогАЗа, спасшего жизнь десяткам и даже сотням тысячам людей в Первую мировую войну, было всем известно. Тем не менее А.Н. Зелинский и сам хотел составить себе имя, но не в области химических исследований, а на поприще исторических и археологических изысканий, что ему с успехом удалось. Научный вклад А.Н. Зелинского в буддологию, исследование культур и религий Тибета, сравнение принципов религиозного календаря и самого понимания феномена времени в православии и на иноверном Востоке признаны наукой, многие его работы – прорывные, оригинальные, открывающие новые научные горизонты. Сам А.Н. Зелинский относит себя к евразийской исследовательской школе, поэтому его эпистолярная дружба с П.Н. Савицким и Г.В. Вернадским – ценное свидетельство сформировавшейся в СССР своеобразной евразийской историко-исследовательской традиции, о которой до последнего времени было мало известно.

²³ Владимир Иванович Вернадский / Под ред. акад. Н.Д. Зелинского. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1948.

²⁴ О биографии и научных трудах А.Н. Зелинского см. во вступительной статье к публикации переписки семьи П.Н. Савицкого и А.Н. Зелинского [Ермишина 2023, с. 248–257].

Исследователи ссылались на то, что сам Л.Н. Гумилев называл себя «последним евразийцем»²⁵, но откуда у него оказалась богатая евразийская литература, откуда он мог знать многие подробности евразийского учения и истории движения, было неизвестно. Оказалось, что его знания – от основоположника евразийского движения П.Н. Савицкого, который снабжал своих советских корреспондентов не только редкой евразийской литературой, но и обильной библиографией, фактами о евразийском движении, тонкими замечаниями о тех или иных новейших исследованиях, выполненных в евразийском духе. Савицкий делал копии своих писем и пересылал своим корреспондентам с пометками, чтобы они составили единый евразийский круг, в котором каждый знает о каждом в плане научных поисков, достижений, фактов, догадок и открытий.

Настоящая публикация иллюстрирует изобретенный Савицким метод создания нового, уже виртуального, или, лучше сказать, эпистолярного евразийства позднейшего периода – от 1956 г. до начала 1990-х гг., когда наступил следующий евразийский этап: научно-исследовательский, продолжающийся по сей день. В настоящую публикацию включены письма А.Н. Зелинского и Г.В. Вернадского, в которых тематически важное место занимают общие воспоминания о недавно почившем друге, П.Н. Савицком. В публикацию мы сочли нужным включить полный текст некролога о П.Н. Савицком, написанный Г.В. Вернадским, во-первых, потому, что это важный источник биографических данных, во-вторых, эта публикация (некролог, опубликованный в «Новом журнале» в 1968 г.) является библиографической редкостью; она показывает отношение Вернадского и к основоположнику движения, и к евразийству как таковому. А.Н. Зелинский настоятельно просил дать ему библиографическую справку о некрологе, чтобы найти номер журнала и ознакомиться с ним. В качестве приложения дана копия письма Савицкого Г.В. Вернадскому, которую он сделал для А.Н. Зелинского и, несомненно, для других участников переписки – Н.Н. Алексеева, Л.Н. Гумилева и других корреспондентов, для которых были бы важны сообщаемые в письме сведения. Это письмо Савицкого является также важным источником для характеристики его личности и особенностей его работы. Эти материалы, включая некролог, будут предложены читателю в следующих публикациях (настоящая является первой из указанной серии). В некрологе Г.В. Вернадский упоминает, что Савицкий обладал фе-

²⁵ *Гумилев Л.Н. Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31.*

номенальной памятью и способностью к скорочтению: «Память у него была феноменальная. Раз прочтя книгу (а читал он быстро), он мог цитировать, не заглядывая в нее вновь, целыми страницами»²⁶. Многие не могли понять этой особенности Савицкого, кто-то относился иронически, кто-то считал, что иметь столь разносторонние познания невозможно и Савицкий блефует. К. Чхеидзе вспоминал о Савицком:

Он обладал знаниями, которых хватило бы на полдюжины заурядных ученых, каких немало в университетах. Его мысль работала с неутомимостью, мощью и скоростью двигателя реактивного самолета. Для того, чтобы облегчить слушателям усвоение своих мыслей, он облекал их иногда в схематическую форму, распределял, классифицировал. На каком-то собрании он сказал, что хочет возразить докладчику, проф. А.А. Кизеветтеру, как историк, экономист и философ. По этому поводу тот насмешливо заметил, что, следовательно, ему будут возражать *три* оппонента. <...> ...оба они, Кизеветтер и Мейснер, своей шутливостью проявили свою несоизмеримость с Савицким, отличие своего формата от формата Савицкого. Впрочем, можно ли применять понятие «мера» по отношению к гению? – Гений потому и гений, что он безмерен...²⁷

Савицкий, как и Н.С. Трубецкой, были вундеркиндами, они начали серьезную научную работу в возрасте 13–15 лет, и эта особенность евразийства объясняет многие аспекты, которые без учета данного обстоятельства остаются неясными. Так, некоторые исследователи указывают на то, что евразийство было создано очень молодыми людьми в возрасте чуть за 20 лет (старше всех был Н.С. Трубецкой). Молодость основоположников не имела большого значения. И Трубецкой, и Савицкий уже к 25 годам были состоявшимися учеными мирового уровня.

Насколько быстро читал и усваивал информацию Савицкий, мы можем судить по письму в приложении. За пару недель он освоил буквально два десятка томов различной литературы по вопросам истории и археологии Востока, русской средневековой архитектуры, а также энциклопедические словари на украинском языке, которым владел без затруднения (как и английским, не-

²⁶ Вернадский Г.В. П.Н. Савицкий // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273.

²⁷ Чхеидзе К.А. События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы: Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2011. С. 76–77.

мецким, чешским, норвежским). Кроме того, все прочитанное и изученное он проанализировал и составил краткое описание (с выходящими данными) для своих корреспондентов. Стоит прибавить, что, вероятно, это не вся прочитанная и изученная им за указанное время литература. Скорее всего, названия других прочитанных им текстов (а он занимался переводами, написанием статей для чешских изданий) просто не вошли в указанное письмо как не представляющие интереса для его коллег.

Тексты публикуемых писем приведены с минимальными поправками с учетом норм современного русского языка. Письмо Г.В. Вернадского, вошедшее в настоящую публикацию, хорошо показывает его стиль, хотя, вероятно, нахождение в иноязычной среде все же сказалось не самым лучшим образом на внутреннем чувстве языка, особенно в плане пунктуации. Русский язык Г.В. Вернадского во многом копирует лаконичные конструкции английского, тяготеет к точности, даже скрупулезности, краткости. Вернадский избегает эмоций и литературных украшений своего текста.

Таким образом, настоящая публикация дает сведения о П.Н. Савицком, Г.В. Вернадском в его поздний период и о работе советско-русского евразийца А.Н. Зелинского, свидетельствует о том, что отдельные представители русского народа, подобно каплям ртути, стремились соединиться воедино. Их объединяла общность духовных и научных интересов, любовь к Родине и родной истории, стремление работать на стыке нескольких научных сфер (междисциплинарность), что в целом характерно для русской мысли. Подлинно русский ученый никогда не замыкался в узких рамках своей специальности, был открыт для новых знаний и иных научных областей. Эта черта ярко проявилась и в евразийстве, а Савицкий, самый характерный представитель движения, задал вектор междисциплинарных исследований.

* * *

Материалы настоящей публикации, относящиеся к истории позднего, «советского» евразийства, включают семь писем из Архива А.Н. Зелинского. Мы планируем осуществить три публикации, из которых настоящая – первая. В ней предлагается к ознакомлению два письма. Первое письмо А.Н. Зелинского Г.В. Вернадскому представляет собою машинописную копию с машинописного оригинала (сделано под копирку), которую А.Н. Зелинский оставлял для себя после отправления оригинала письма своему корреспонденту. Рукописные вставки – только подпись («Душевно Ваш А. Зелинский») и дата, сделаны разными чернилами: дата – синими, подпись – черными. Все машинописные копии

А.Н. Зелинский прикреплял к оригиналу ответа Г.В. Вернадского, сохраняя таким образом для самого себя (как оказалось, и для последующих исследователей) целостность переписки. К сожалению, значительная часть писем считается утраченной, но вполне возможно, что в последующем, при разборе многочисленных документов и книг библиотеки и архива академика Н.Д. Зелинского и его сына А.Н. Зелинского (что еще не было произведено), остальная часть переписки будет найдена.

Что касается второго, ответного, письма Г.В. Вернадского от 31 октября 1965 г., то оно написано на конверте для письма, характерном для США в указанный период. После написания текста письма бланк-конверт складывался по линиям отреза, запечатывался и отправлялся по авиапочте отправителю. Письмо представляет собой рукописный оригинал, выполненный черными чернилами с подчеркиванием красным карандашом важных для Вернадского моментов. Все подчеркивания сохранены в тексте публикации. Поскольку конверты для письма – довольно небольшие, открыточного типа бумажные прямоугольники, то пространство для написания писем использовалось Вернадским крайне экономно: бисерный почерк, записанные «крылья» конверта, краткие, почти афористичные высказывания автора показывают его тип мышления, который можно описать как сжатый, лаконичный и даже конспективный.

Выбор Вернадского именно этого типа сообщений отвечает стремлению автора к краткости и афористичному типу высказывания, в то время как, к примеру, П.Н. Савицкий, любивший пространное изложение, вряд ли стал бы пользоваться этим типом почтового сообщения. Все письма Савицкого – это почти статьи, часто с цитатами, подробным перечислением прочитанной литературы, философскими рассуждениями и т. д. Таким образом, в выборе типа письменного сообщения играли роль не только вопросы экономии – П.Н. Савицкий писал огромное количество писем, любил высылать бандероли и даже посылки в СССР, в США и в страны Европы, что существенно ударяло по его бюджету, учитывая тот печальный факт, что у него после 1956 г. не было ни пенсии, ни постоянной работы. В случае Савицкого мы имеем дело с гиперэмоциональным человеком, в случае с Г.В. Вернадским – с крайне организованной и системно мыслящей личностью. Текст писем дан с минимальными пунктуационными и стилистическими правками. Во всех письмах есть рукописные вставки и авторские примечания (отмечены в публикации). А.Н. Зелинский дал любезное разрешение ознакомиться с его личным архивом и опубликовать из него материалы для изучения евразийского движения.

*Приложение*Письмо № 1¹

А.Н. Зелинский – Г.В. Вернадскому

12.08.1965 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Владимирович!

Я очень рад, что монография о творчестве² Павла Корина³ дошла до Вас. Мне кажется, что этот художник действительно заслуживает внимания. К сожалению, портрет отца⁴ у него не совсем удался, но убежден, что портретная живопись вообще не является его призванием. Он очень удовлетворен своим пребыванием в Америке и успехом своей выставки в Нью-Йорке⁵. Это действительно было большим делом в развитии культурного сотрудничества обеих стран.

¹ Письма для публикации любезно предоставлены А.Н. Зелинским. Архив Музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского, Москва (не описано).

² В указанное время вышла монография [Михайлов 1965]. За четыре года до написания письма вышла другая книга [Павел Корин 1961], которая является не монографией, а иллюстрированным альбомом с комментариями.

³ *Корин Павел Дмитриевич (1892–1967)* – художник, реставратор, педагог. Центральной работой Корина считается «Реквием («Русь уходящая»), для которой он выполнил 29 подготовительных портретов.

⁴ В 1964 г. П.Д. Корин написал портрет академика Н.Д. Зелинского. На портрете Зелинский предстал как полноватый, утомленный человек. Складки одежды, неаккуратно сложенная папка бумаг на заднем фоне, землистый цвет лица и другие детали портрета подчеркивали немолодые года изображенного, лицо которого было грустным и задумчивым.

⁵ 12–29 мая 1965 г. в Hammer Galleries в Нью-Йорке прошла персональная выставка 72-летнего Павла Корина, на которую он привез 50 своих произведений, включая этюды к знаменитой серии «Реквием. Русь уходящая», а также пейзажи, эскизы витражей и мозаик для московского метро, портреты. На выставке продавали монографию о Корине с каталогом его работ (каталог самой выставки не был отпечатан), монография была мгновенно раскуплена. Судя по тексту письма, Вернадский посетил выставку Корина, купил монографию, увидел портрет академика Н.Д. Зелинского и поделился впечатлениями с его сыном, А.Н. Зелинским. С самим Коринным ему не удалось встретиться, поскольку все визиты художника были заранее согласованы, к нему стояли часовые очереди за автографом.

Я сейчас целиком поглощен работой над диссертацией⁶, надо в этом году все закончить, а то развивать и углублять тему можно до бесконечности. По ходу работы столкнулся с такой проблемой: кочевники и буддизм. Махаяна⁷ возникла в среде юечжей, когда они осели в Бактрии и приняли самоназвание кушан⁸. Далее, сяньбий-

⁶ В 1969 г. А.Н. Зелинский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Древние пути Памира» (см. автореферат: *Зелинский А.Н.* Древние пути Памира. М., 1969. Местонахождение: Российская государственная библиотека, Москва). Диссертацию Зелинский писал довольно долго – замысел родился в начале 1960-х гг., его корреспонденты (П.Н. Савицкий, Г.В. Вернадский) настойчиво убеждали поспешить и закончить работу, которая растянулась на годы.

⁷ *Махаяна* («большая колесница») – основное направление в буддизме, открытое «для всех», религия для мирян. Махаяна не предполагает аскезы вплоть до отказа от мира, от брака, от участия в социальной жизни и т. д., чего требовала *хияяна* («малая колесница») – строго-аскетическое, монашеское направление в буддизме (см. переведенную А.Н. Зелинским книгу: *Щербатский Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.). Зелинский придерживался толкования и понимания буддизма, которое дал Ф.И. Щербатской. Его концепция отличалась довольно яркой оригинальностью, контрастирующей с пониманием, которое сложилось в русской мысли во многом под влиянием Вл. Соловьева, – когда буддизм рассматривался как путь к аннигиляции личности, отрицания самого принципа воли к жизни (см., напр.: *Соловьев В.С.* Буддистское настроение в поэзии // Вестн. Европы. 1894. № 5. С. 329–346). Как «метафизическое самоубийство» буддизм рассматривал Н.С. Трубецкой (см.: *Трубецкой Н.С.* Религии Индии и Христианство // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 267–294). Щербатской, а вслед за ним А.Н. Зелинский полагали, опираясь на тексты традиции и полевые исследования, что буддизм есть открытие «подлинной личности». В конце духовного пути для избранных должна открываться не пустота небытия, но встреча с Богом. См. также: *Зелинский А.Н.* Кушаны и махаяна // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 223–236.

⁸ *Юечжи* – иранский народ Центральной Азии, языком которых был восточноиранский диалект северной подгруппы. Проживали в районе современного Синьцзян-Уйгурского автономного района, Ганьсу и Цзянь в Китае. Во II в. до н. э. часть этого народа (кушаны, эфталиты) перекочевала в Среднеазиатское междуречье, Бактрию и Восточную Индию, где они и столкнулись с буддизмом. В Индии они основали Кушанскую империю, официальным языком которой был древнегреческий, затем бактрийский. В Кушанской империи был распространен буддизм, а также зороастризм и индуизм. Кушанская империя существовала в I–III в. н. э.

цы (династия Тобы)⁹, которые ок. 400 г. н. э. овладели Северным Китаем, были очень благосклонны к буддизму. И оставили замечательные памятники этого искусства (в основном сохранившиеся в пещерных храмах). Затем тюрки, при которых буддизм в Китае достиг своего расцвета. Можно отметить такую закономерность: всякий раз, когда инородческая династия кочевников Севера (т. е. к северу от Великой стены) завоевывала Китай, то она оказывала особое покровительство буддизму. Всякий раз, когда в Китае вспыхивала национальная реакция, то она проходила, в основном, под флагом конфуцианства. Теперь в отношении буддизма и кочевого быта. Надо сказать, что на примере калмыков¹⁰ мы видим,

В письме Г.В. Вернадскому А.Н. Зелинский справедливо указывает на то, что самоназвание «кушаны» юечжи приняли в Бактрии, с этим именем они вошли в историю как народ-имперостроитель, покровитель буддизма и культуры поздней античности (когда влияние христианства уже отчасти сказывалось на индуизме, буддизме и восточной архитектуре, живописи, скульптуре и т. д.).

⁹ *Сяньбийцы (Сяньби, или Сянь бэй)* – племена кочевников, проживавшие на территории Внутренней Монголии (сейчас округ Ух Тохо, Китай). Участвовали в этногенезе монголов, выделились в отдельную группу около III в. н. э. Существует мнение, что этноним «сяньби» дал название Сибири. С I в. н. э. воевали с хунну в союзе с китайцами, часто – как наемники. С 54 г. приняли подданство Китая и охраняли пограничье (аналог русского казачества). С конца I в. начали занимать земли хунну, которые стали сливаться с сяньбийцами. Кочевники-сяньбийцы пасли скот в степи, жили в юртах и палатках, деление на территории и внутриплеменные разделы происходило на основании военного кодекса. Известия о языке сяньбийцев не сохранились. Одна из ветвей сяньбийцев – табо, создали Табосскую империю (304–439), которая распространилась на всю Монголию. В это время сяньбийцы табо постепенно переходили от кочевого быта к оседлому земледелию. Правитель Тоба Гуй принял буддизм, который получил распространение после 400 г. Другой конкурирующей религиозной системой был даосизм, который с переменным успехом удерживал у сяньбийцев табо свои позиции в течение III–IV вв. С 518 г. буддизм стал государственной религией Северной Вэй.

¹⁰ Калмыки исповедуют тибетскую форму буддизма. Среди предков калмыков – ойратов буддизм распространился с XIII в. Утверждение региона Калмыкии в составе России (затем Российской империи) состоялось около 1633 г., когда калмыцкий тайши (старейшина) Хо-Уклюк разгромил мусульман-ногайев в Нижнем Поволжье. В это время калмыки находились в постоянном культурном и религиозном общении с буддистскими монахами Тибета. В этих контактах особую роль играл ойратский монах школы гелуг Зая-Пандита (1599–1662), просветитель калмыков,

что одно другому не мешает нисколько. Как было дело с юечжами, сказать, конечно, трудно. Проблема так называемого понижения воинственности кочевников за счет буддизма кажется мне совершенно неправдоподобной. Между прочим, Л.Н. Гумилев¹¹ в своей статье «Легенда и действительность в <древней> истории Тибета» (Вестник <истории> мировой культуры, № <3>)¹² убедительно показал, как буддистская доктрина непротивления могла уживаться с идеологией воинственных тибетцев.

Посылаю Вам на память пригласительный билет на открытие памятника Юрию Николаевичу Рериху на Ново-Девичьем кладбище в Москве¹³. Обращаю Ваше внимание на то, что проект памятника

создатель калмыцкого алфавита. Таким образом, просвещение и религиозная практика шли рука об руку с военными победами и этногенезом.

¹¹ *Гумилев Лев Николаевич* (1912–1992) – ученый, историк-археолог, основоположник этнологии, автор теории пассионарности, сын поэтов Н.С. Гумилева и А.А. Ахматовой. В 1956 г. вступил в переписку с П.Н. Савицким, впервые встретился с ним в 1966 г. на археологическом конгрессе в Праге. Общим у Савицкого и Гумилева была не только евразийская направленность работы, но и основной подход к изучению истории – сочетание географии и истории как фактологии, а также поиск аналогий, синхорологий (см.: *Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 180 с.), исторических ритмов (см.: *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.; *Савицкий П.Н.* Ритмы монгольского века // *Евразийская хроника*. [Б. м.,] 1937. Вып. 12. С. 104–155) и внеисторических причин происходящих событий в настоящем и прошлом. Для Гумилева, как и для Савицкого, движущей силой истории было понятие энергии и пассионарности (см. [Ермишина 2018]). Зелинский возражал против термина Гумилева «пассионарность» с точки зрения христианской антропологии, поскольку «страсть», лежащая в основе пассионарности, имеет греховный источник, но Гумилев не принял критики. Также Гумилев не использовал центральное понятие истории и историософии Савицкого «месторазвитие», в то время как Г.В. Вернадский принял его термин и использовал в своих работах, в частности в «Начертании русской истории» (Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 263 с.).

¹² *Гумилев Л.Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета // *Вестн. истории мировой культуры*. 1960. № 3. С. 103–113.

¹³ 17 августа 1965 г. в Москве на Новодевичьем кладбище был открыт памятник Ю.Н. Рериху, автором которого был его брат С.Н. Рерих. Памятные билеты на открытие памятника Зелинский выслал как Савицкому, так и Вернадскому. Биографию Ю.Н. Рериха и все обстоятельства, связанные с данным памятником, А.Н. Зелинский описал в своей статье: *Зелинский А.Н.* Открытие памятника Ю.Н. Рериху в Москве (17 августа

сделан его братом, Святославом Рерихом¹⁴, выставки которого с таким успехом прошли в Москве и Ленинграде весной и летом 1960 года¹⁵. Скоро заканчивается работа над тибетским словарем, который составлял Юрий Николаевич¹⁶, но не успел довести до конца. Кроме того, подготавливается издание его избранных тру-

1965 г.) // Страны и народы Востока. Вып. V. Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 258–264.

¹⁴ *Рерих Святослав Николаевич (1904–1993)* – художник, коллекционер, общественный деятель, сын Н.К. Рериха. См. [Беликов 2004]. См. работу А.Н. Зелинского о семье Рерихов, по преимуществу о своем научном наставнике Ю.Н. Рерихе: *Зелинский А.Н. Сквозь пространство и время // Культура и время. 2002. № 3. С. 6–17; Он же. «Настоящий аристократ духа» // Восход. 2017. № 8 (280). С. 4–8.*

¹⁵ В феврале 1960 г. Н.С. Хрущев посетил Индию и пригласил С.Н. Рериха в СССР для устройства персональной выставки. 11–28 мая 1960 г. в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина открылась первая персональная выставка С.Н. Рериха. Выставка вызвала огромный интерес публики, по воспоминаниям посетителей, народу на ней было как в общественном транспорте в час пик. Экспонировался ряд картин, которые показывали творчество С.Н. Рериха во всем его разнообразии – от портретной живописи до духовно-эзотерического жанра. Выставку открыла министр культуры СССР Е.А. Фурцева. На выставку С.Н. Рерих прибыл с супругой, актрисой Девикой Рани, которая очаровала советскую публику своей утонченной восточной красотой. В июне 1960 г. в Государственном Эрмитаже Ленинграда открылась вторая персональная выставка Святослава Рериха. Выставка работала с 12 июня по 2 июля 1960 г.

¹⁶ В СССР выходил целый ряд словарей подобного рода, напр.: *Рерих Ю.Н. Тибетско-санскритско-русско-английский словарь*. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 377 с. Позже на основе подготовленного Рерихом материала вышел самый известный многотомник: *Рерих Ю.Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дальковой. Вып. 1. М.: Наука, 1983. 173 с. До 1987 г. вышло 10 выпусков серии. Сам А.Н. Зелинский в статьях о Ю.Н. Рерихе ссылаясь на издание «Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями» (Вып. 1–10. М., 1983–1988):*

Опубликованная посмертно книга Ю.Н. Рериха «Тибетский язык» появилась 120 лет спустя после «Грамматики тибетского языка» академика Я. Шмидта и почти полвека спустя после «Пособия по изучению тибетского языка» профессора Г. Цыбикова и стала таким образом третьей работой на русском языке, посвященной языку Тибета

(*Зелинский А.Н. Сквозь пространство и время // Культура и время. 2002. № 3. С. 16.*)

дов в одном томе, куда войдут как работы на русском языке, так и его многочисленные исследования, вышедшие за границей.

Из юбилейных дат надо отметить, что осенью этого года будет отмечаться юбилей Минаева¹⁷, а в 1966 г. будет 100-летие со дня рождения Федора Ипполитовича Щербатского¹⁸, которого я даже немного помню. Он умер в эвакуации в 1942 г. Без его исследований я не смог бы разобраться в ряде важнейших вопросов, связанных с историей индийской мысли. Думаю, что его юбилей будет отмечен широко как в Москве, так и в Ленинграде, где протекала его исключительно плодотворная деятельность.

¹⁷ *Минаев Иван Павлович* (1840–1890) – основатель школы отечественной индологии, ученик В.П. Васильева, основоположника российской буддологии. Совершил три научно-практические экспедиции в Индию, привез огромное количество рукописей, предметов искусства, быта, религиозного культа. Коллекция Минаева до настоящего времени остается важнейшим ресурсом для изучения буддистской культуры и индуизма в целом (см.: Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки: Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Пг.: Изд-во Росс. акад. наук, 1918. 288 с.).

¹⁸ *Щербатской Федор Ипполитович* (1866–1942) – востоковед, буддолог, тибетолог, один из основоположников русской школы буддологии. Окончил историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета, стажировался в Германии и Австрии. Профессор Петербургского, затем Ленинградского университета (1909–1930). Работал в Индии и в Тибете, после британского вторжения в Тибет в 1904 г. вел переговоры с далай-ламой XIII в 1905 г., который поддерживал Россию в противостоянии с Великобританией в регионе. Речь шла о том, что далай-лама может устроить резиденцию в России. Переговоры Щербатского не завершились успехом, поскольку российское правительство того времени с оглядкой на Запад не предоставило далай-ламе политического убежища. В 1937 г. Щербатской и его ученики подверглись гонениям. С началом войны с группой ученых был эвакуирован в Казахстан, где и скончался. Семья Зелинских также эвакуировались в годы войны в Казахстан (поселок Боровое, Северный Казахстан), где А.Н. Зелинский, будучи мальчиком восьми лет, познакомился с ученым (они были соседями по комнате) и присутствовал на прениях и во время разговоров Щербатского с его отцом и другими эвакуировавшимися членами научного сообщества. См. работы Зелинского о Щербатском: *Семичов Б.В., Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской / Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. С. 15–41; *Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан (К 100-летию со дня рождения Ф.И. Щербатского, 1866–1966) // Страны и народы Востока. Вып. V: Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 236–257).

Чувствую себя несколько смущенным перед Вами, так как очень давно ничего не писал. Это было вызвано очень напряженной зимой, частыми отъездами и, вообще, несколько нарушенным ритмом жизни. Все мы очень ценим Ваши письма и внимание к нам.

Очень интересует и круг проблем, над которыми Вы сейчас работаете. Между прочим, могу сообщить, что Л.Н. Гумилев собирается обобщить свои исследования Хазарии¹⁹, в которых и я принял свое посильное участие. Основной его вывод заключается в том, что хазары не кочевники, а жители дельты Волги (торговцы и земледельцы). Окончательную их судьбу решила трансгрессия Каспия в XI–XII вв.²⁰

Из новых интересных работ надо отметить трехтомную историю Таджикистана (а фактически всей Средней Азии)²¹. Первый том посвящен почти целиком доарабскому периоду²². Кроме того, вышла в свет двухтомная история Афганистана (авторы В.А. Массон и В.А. Ромодин)²³. Что касается истории Руси, то, насколько знаю, пока ничего нового монографического характера не выходило. Во всяком случае, если Вас интересует какая-либо книга, то я с удовольствием пришлю ее Вам.

Посылаю Вам бандеролью две работы Ю.Н. Рериха, которые вышли у нас в Москве уже после его кончины²⁴. Думаю, что они представляют для Вас интерес.

¹⁹ См.: *Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1966. 192 с.

²⁰ Трансгрессия Каспия в XI–XII вв. – экстремальный подъем воды в Каспийском море. См.: *Гумилев Л.Н., Алексин А.А.* Каспий, климат и кочевники // Тр. о-ва истории и этнографии. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 1963. Т. I (36). С. 41–55. Согласно выводам Гумилева, в IV–II в. до н. э. уровень Каспийского моря был довольно низок (не выше минус 36 м). Хунны пасли огромные стада в низинах, климат был с повышенной влажностью, земли – густонаселенными. После II в. н. э. климат меняется, население сокращается. Народы прикаспийских областей рассеиваются от горного Тянь-Шаня до Тарбагатая. В указанной работе Гумилев применил смешение историко-географического и археологического методов. Междисциплинарный подход был популярен у евразийцев, Савицкий полагал, что он является краеугольным евразийским научным методом (см.: *Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 53–63).

²¹ См. [Гафуров, Литвинский 1963–1965, I–III].

²² См. [Гафуров, Литвинский 1963, I].

²³ См. [Массон, Ромодин 1964–1965].

²⁴ При жизни и сразу после кончины Ю.Н. Рерих не получил в СССР должного признания и понимания масштаба его личности и его работ.

Мама²⁵ и брат²⁶ шлют Вам сердечный привет. Наш общий поклон Нине Владимировне²⁷.

Ваш <нрзб.>

А.Н. Зелинский

После кончины, в 1960–1964 гг., вышли издания: *Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. М.: Вост. лит., 1961. 154 с.; Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 160 с.; *Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123; *Он же.* Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщения Института народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143 и др. Судя по содержанию письма, А.Н. Зелинский выслал Вернадскому одну из посмертно изданных статей Ю.Н. Рериха. Основные работы Ю.Н. Рериха были изданы намного позже, начиная с конца 1970-х гг.

²⁵ *Зелинская Нина Евгеньевна* (урожд. Жуковская; 1898–1989) – художник, супруга Николая Дмитриевича Зелинского, мать А.Н. Зелинского. Ученица Д.Н. Кардовского и М.В. Нестерова. После заключения брака с Н.Д. Зелинским оставила занятия живописью, посвятив себя семье. Бессменный секретарь-референт своего супруга, сохранила его научное наследие, которое стало ядром коллекции Музея-квартиры им. Н.Д. Зелинского в Москве.

²⁶ *Зелинский Николай Николаевич* (1940–2015) – младший сын академика Н.Д. Зелинского, брат А.Н. Зелинского. Окончил филологический факультет Московского государственного университета, преподавал на кафедре филологии при Президиуме Академии наук СССР английский язык. Имея блестящие дарования, талант художника, тем не менее не реализовал себя в науке, жил скромной жизнью советского, затем российского преподавателя высшего научного заведения. Миссию хранения многочисленных семейных реликвий и сохранения памяти об отце взял на себя его старший (на семь лет) брат – А.Н. Зелинский.

²⁷ *Вернадская Нина Владимировна* (урожд. Ильинская, 1884–1971) – супруга Г.В. Вернадского, приходилась ему троюродной сестрой. В браке детей не было. В 1908 г. окончила историко-филологическое отделение Высших женских курсов. Первый директор Научной библиотеки Таврического университета (1918 г.). Вместе с мужем эвакуировалась в 1920 г. из Крыма. Устроилась в Константинополе кухаркой, пока муж не нашел работу по специальности. С 1927 г. вместе с мужем уезжает в США. Родная сестра Г.В. Вернадского – тоже Нина Владимировна (1898–1986), была замужем за евразийцем, археологом Н.П. Толлем. Вместе с мужем также проживала в США с 1939 г. Очевидно, здесь речь идет именно о супруге Г.В. Вернадского.

Письмо № 2

Г.В. Вернадский – А.Н. Зелинскому

31 октября <19>65

Дорогой Андрей Николаевич,

Спасибо за две интересные посмертные работы Ю.Н. Рериха (получил бандеролью 27 сент<ября>) и за Ваше письмо от 12 августа (простой почтой – не авиа), которое дошло до меня только 29 сентября (хотя штемпель московской почты 14 августа). Проблема: кочевники и буддизм – очень важная. Говоря в общей форме, для изучения культурной истории необходимо вдумываться в историю религий. То, что на первый взгляд может казаться парадоксом – как буддистская доктрина непротивления могла уживаться с идеологией воинственных народов, по крайней мере, некоторых, и в известные периоды могло быть сочетанием различных оттенков и фаз психологии различных этнических и социальных кругов и различных типов религиозности в составе той же самой (догматически) религии. Напр<имер>, в культурной истории Московской Руси XV – нач. XVI в. разница «внутреннего» христианства (Нил Сорский) и, т<ак> ск<азать>, «внешнего» (Иосиф Волоцкий)²⁸.

Но, конечно, как Вы сами пишете, развивать и углублять шкалу можно до бесконечности, и Вам нужно прежде всего закончить диссертацию. Желаю Вам успеха!

Всего хорошего. Сердечный привет Вам, Вашей маме и брату от Нины Владимировны и меня.

Душевно Ваш Г. Вернадский

Большое спасибо за пригласительный билет на открытие памятника Ю.Н. Рериху художественной работы.

²⁸ «Внутреннего» христианства (Нил Сорский) и, т<ак> ск<азать>, «внешнего» (Иосиф Волоцкий)» – речь идет о двух направлениях русской религиозной жизни XV в. Первое, «внутреннее», направление ассоциируют с именем воспитанника Святой Горы Афон, преп. Нила Сорского (1433–1508), ученика преп. Кирилла Белозерского и Сергия Радонежского. Второе направление связывают с именем преп. Иосифа Волоцкого (1439–1515), ученика преп. Пафнутия Боровского. Преп. Иосиф был настоятелем крепкого хозяйственного Волоцкого монастыря в Волоколамске. Преп. Нил Сорский познакомился с практикой исихастов на Афоне и стремился насадить умное делание в России, говорил о пользе не больших монастырей, а маленьких скитов, удаленных от города (см. [Громов 2001]).

Источники

- Архив Музея-квартиры академика Н.Д. Зелинского, Москва (не описано).
- Архив Музея-квартиры Л.Н. Гумилева, Санкт-Петербург (не описано).
- Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 263 с.
- Вернадский Г.В.* П.Н. Савицкий // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 273–277.
- Владимир Иванович Вернадский / Под ред. акад. Н.Д. Зелинского. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1948. 103 с.
- Воронович А.В., Козырева М.Г.* Письма П.Н. Савицкого Л.Н. Гумилеву. 1956 год / Подгот. писем к публ., вступ. ст. и примеч. А.В. Воронович, М.Г. Козыревой // Геополитика и безопасность. 2008. № 4. С. 88–104.
- Востоков П. (Савицкий П.Н.)*. Стихи. Париж, 1960. 294 с.
- Гумилев Л.Н.* Историко-философские сочинения князя Н.С. Трубецкого (заметки последнего евразийца) // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 31–54.
- Гумилев Л.Н.* Легенда и действительность в древней истории Тибета // Вестн. истории мировой культуры. 1960. № 3. С. 103–113.
- Гумилев Л.Н.* Открытие Хазарии (историко-географический этюд). М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1966. 192 с.
- Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М.: Прогресс, 1993. 575 с.
- Гумилев Л.Н., Алексин А.А.* Каспий, климат и кочевники // Тр. о-ва истории и этнографии. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им В.И. Ульянова-Ленина, 1963. Т. I (36). С. 41–55.
- «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961) / Предисл. Б.В. Назмутдинова; подгот. текста и коммент. О.Т. Ермишина и Б.В. Назмутдинова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–445.
- Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова; отв. ред. Ю.Н. Рерих. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 160 с.
- Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культурной истории кушан (к 100-летию со дня рождения Ф.И. Щербатского, 1866–1966) Страны и народы Востока. Вып. V: Индия – страна и народ. М.: Наука, 1967. С. 236–257.
- Зелинский А.Н.* Открытие памятника Ю.Н. Рериху в Москве (17 августа 1965 г.) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1967. Вып. V: Индия – страна и народ. С. 258–264.
- Зелинский А.Н.* Древние пути Памира. М., 1969. Местонахождение: Российская государственная библиотека, Москва.
- Зелинский А.Н.* Кушаны и махаяна. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1975. С. 223–236.

- Зелинский А.Н.* Сквозь пространство и время // Культура и время. 2002. № 3. С. 6–17.
- Зелинский А.Н.* «Настоящий аристократ духа» // Восход. 2017. № 8 (280). С. 4–8.
- Каталог индийских рукописей Российской публичной библиотеки: Собрание И.П. Минаева и некоторые другие. Пг.: Изд-во Росс. акад. наук, 1918. 288 с.
- «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими / Публ., подгот. текста К.Б. Ермишиной; Вступ. ст. и коммент. К.Б. Ермишиной и А.Н. Зелинского // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Письма П.Н. Савицкого к Г.П. Струве / Предисл., подгот. текста и коммент. Ю.Б. Мелих // Россия XXI. 2010. № 2. С. 131–159.
- Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову): В 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 792 с.
- Рерих Ю.Н.* Тибетско-санскритско-русско-английский словарь. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 377 с.
- Рерих Ю.Н.* Тибетский язык. М.: Вост. лит., 1961. 154 с.
- Рерих Ю.Н.* Тохарская проблема // Народы Азии и Африки. 1963. № 6. С. 118–123.
- Рерих Ю.Н.* Память о тохарах в Тибете // Краткие сообщ. Ин-та народов Азии. 1964. № 65. С. 140–143.
- Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями / Под общ. ред. Ю. Парфионовича, В. Дальковой. Вып. 1. М.: Наука, 1983. 173 с.
- Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сб. тр. евразийцев / Под ред. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. 525 с.
- Савицкий П.Н.* Географические особенности России. Прага: Евразийское книгоизд-во, 1927. 180 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Кн. VII. Париж, 1931. С. 53–57.
- Савицкий П.Н.* Ритмы монгольского века // Евразийская хроника. [Б. м.], 1937. Вып. 12. С. 104–155.
- Савицкий П.Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
- Савицкий П.Н.* Научные задачи евразийства: Статьи и письма. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018.
- Семичов Б.В., Зелинский А.Н.* Академик Федор Ипполитович Щербатской / Щербатской Ф.И. Избр. тр. по буддизму. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1988. С. 15–41.
- Соловьев В.С.* Буддистское настроение в поэзии // Вестн. Европы. 1894. № 5. С. 329–346.
- Трубецкой Н.С.* Религии Индии и Христианство // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 267–294.
- Чхеидзе К.А.* Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой. М.: Рус. путь, 2011. 536 с.

- Чхеидзе К.А.* События, встречи, мысли // Воспоминания. Дневники. Беседы: Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / Сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2011. 671 с.
- Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму. М.: Наука, 1988. 426 с.

Литература

- Беликов 2004 – *Беликов П.Ф.* Святослав Рерих. Жизнь и творчество. М.: Международный центр Рерихов, 2004. 326 с.
- Гафуров, Литвинский 1963–1965 – *Гафуров Б.Г., Литвинский Б.А.* История таджикского народа. Т. I–III. М.: Изд-во вост. лит., 1963–1965.
- Громов 2001 – *Громов М.Н.* Идеиные течения древнерусской мысли. М.: РАН. Ин-т философии, СПб.: РХГИ, 2001. 959 с.
- Ермишина 2018 – *Ермишина К.Б.* Философия пространства и времени П.Н. Савицкого и Л.Н. Гумилева // Экон. стратегии. 2018. № 5. С. 72–77.
- Ермишина 2023 – *Ермишина К.Б.* «Однако сердце и мысль не умолкают»: переписка П.Н. и И.П. Савицких с А.Н. и Н.Е. Зелинскими. Предисловие // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2023. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2023. С. 248–313.
- Массон, Ромодин 1964–1965 – *Массон В.М., Ромодин В.А.* История Афганистана. Т. I–II. М.: Наука, 1964–1965.
- Мелих 2010 – *Мелих Ю.Б.* Старый патриотизм, «переориентированный на новую Россию»: евразийство П.Н. Савицкого // Россия XXI. 2010. № 2. С. 124–159.
- Михайлов 1965 – *Михайлов А.И.* Павел Корин. М.: Сов. художник, 1965. 231 с.
- Назмутдинов 2017 – *Назмутдинов Б.В.* «Дорогой мой друг Петр Николаевич»: Письма Н.Н. Алексеева к П.Н. Савицкому (1957–1961). Предисловие // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2017. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2017. С. 351–358.
- Павел Корин 1961 – Павел Корин. Избранные произведения. М.: Акад. художеств СССР, 1961. 92 с.

References

- Belikov, P. (2004), *Svyatoslav Rerikh. Zhizn' i tvorchestvo* [Svyatoslav Roerich. Life and work], Mezhdunarodnyi tsentr Rerikhov, Moscow, Russia.
- Ermishina, K.B. (2018), “The Philosophy of Space and Time by P.N. Savitsky and L.N. Gumilev”, *Economic Strategies*, no. 5, pp. 72–77.
- Ermishina, K.B. (2023), “However, the heart and thought are unceasing’. Correspondence of P.N. and I.P. Savitsky with A.N. and N.E. Zelinsky. Foreword.”, *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2023* [Yearbook of

- A. Solzhenitsyn House of Russian Expatriates], Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, Moscow, Russia.
- Gafurov, B. and Litvinskii, B. (1963–1965), *Istoriya tadzhikskogo naroda* [The history of the Tajik people], vols. I–III, Moscow, USSR.
- Gromov, M. (2001), *Ideinye techeniya drevnerusskoi mysli* [Ideological currents of Old Russian thought], Institut filosofii, RAN, Moscow, Russia.
- Masson, V. and Romodin, V. (1964–1965), *Istoriya Afganistana* [The history of Afghanistan], vols. I–II, Nauka, Moscow, USSR.
- Melikh, Yu.B. (2010), “Old patriotism, ‘reorientated to a new Russia’. P.N. Savitsky’s Eurasianism”, *Russia XXI*, no. 2, pp. 124–131.
- Mikhailov, A. (1965), Pavel Korin [Pavel Korin], Sovetskii khudozhnik, Moscow, USSR.
- Nazmutdinov, B.V. (2017), “‘My dear friend Pyotr Nikolaevich’: Letters of N.N. Alekseev to P.N. Savitsky (1957–1961)”, *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna. 2023* [Yearbook of A.Solzhenitsyn House of Russian Expatriates], Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, Moscow, Russia.
- Pavel Korin (1961), Selected works, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Ксения Б. Ермишина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2; xenia_ermishina@mail.ru

Information about the author

Kseniya B. Ermishina, Cand. of Sci. (Philosophy), senior researcher, Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates, Moscow, Russia; bld. 2, Nizhnaya Radishchevskaya Street, Moscow, Russia, 109240; xenia_ermishina@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 378:63-051

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-102-114

Молодые специалисты сельскохозяйственных профессий на рынке труда

Ирина О. Шевченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. На основе статистических данных рассматривается проблема выхода на рынок труда выпускников сельскохозяйственных вузов. Выявлено, что работают 76,8% молодых специалистов, безработных – 11,6%, 11,6% не входят в состав рабочей силы. Из работающих выпускников только 25,1% заняты в сельском хозяйстве и у менее 60% работа связана с полученным образованием. Только 5,3% занятых выпускников сельскохозяйственных вузов относятся к руководителям, 37,6% – к специалистам высшего уровня квалификации (т. е. большинство остальных занимаются менее квалифицированным трудом, нежели номинально предполагается в соответствии с их образованием, – это лица, не реализовавшие потенциал своего образования). 56% пришедших в сельское хозяйство и еще 5,9% в другие сферы указали на достаточный уровень полученного образования. Были обозначены трудности при поиске работы: отсутствие или недостаточный опыт работы – 23,3%, недостаток или отсутствие подходящих вакансий – 23,3%, низкий уровень предлагаемой заработной платы – 22,6%. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в России за январь–декабрь 2023 г. составила 54 636 руб. Зафиксирован большой разброс зарплат по специальностям и разница между руководителями (78 225 руб.) и специалистами (47 802 руб.).

Ключевые слова: выпускники, молодые специалисты, сельское хозяйство, сельскохозяйственные (аграрные) вузы, трудоустройство

Для цитирования: Шевченко И.О. Молодые специалисты сельскохозяйственных профессий на рынке труда // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 102–114. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-102-114

© Шевченко И.О., 2024

Young specialists of agricultural professions in the labor market

Irina O. Shevchenko

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia; sheviren@yandex.ru

Abstract. Based on statistical data the author considers the issue of agricultural university graduates entering the labor market. It is revealed that 76,8% of young specialists are working, 11,6% are unemployed, 11,6% are not part of the labor force. Of the working graduates, only 25,1% are employed in agriculture, and less than 60% have work related to their education. Only 5,3% of employed graduates from agricultural universities are managers, 37,6% are specialists of the highest qualification level (thus, the majority of the rest are engaged in less skilled work than is nominally expected in accordance with their education – they are persons who have not realized the potential of their education). 56% of those who came to agriculture and another 5% to other areas indicated a sufficient level of education received. Difficulties in finding a job are identified: lack or insufficient work experience – 23,3%, lack or absence of suitable vacancies – 23,3%, low level of offered wages – 22,6%. Average monthly wages of agricultural workers in Russia in January–December 2023 amounted to 54,636 rubles. A wide range of salaries by specialty and a difference between managers (RUB 78,225) and specialists (RUB 47,802) are recorded.

Keywords: graduates, young specialists, agriculture, agricultural (agrarian) universities, employment

For citation: Shevchenko, I.O. (2024), “Young specialists of agricultural professions in the labor market”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 102–114, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-102-114

Введение. Постановка проблемы

Проблема трудоустройства выпускников вузов как молодых специалистов давно привлекает внимание и работников сферы образования, и работодателей, и социологов. Исследования показали, что многие выпускники не работают по полученной в вузе специальности [Зубок, Чупров 2015], а работодатели имеют претензии к качеству их подготовки [Бондаренко, Лысова 2016]. Обучение и профессиональная социализация специалистов с высшим образованием была в фокусе исследований ученых ФНИСЦ РАН, в ре-

зультате были выявлены противоречия. «Руководители предприятий и бизнес-структур делают акцент на *аналитических способностях специалиста* и его организационно-управленческих навыках» [Горшков и др. 2023, с. 334]. Важны личные качества выпускников: «порядочность, целеустремленность, стрессоустойчивость, уверенность в себе, умение вести деловые переговоры, креативность» [Горшков и др. 2023, с. 334]. Но «наиболее часто звучащая претензия работодателей к выпускникам вузов – оторванность полученных знаний от практики» [Горшков и др. 2023, с. 335]. Отмечается также низкая трудовая мотивация выпускников. У молодых специалистов свои претензии к рынку труда и работодателям, прежде всего к уровню заработной платы. Между тем дефицит специалистов на предприятиях и в организациях составляет 30% [Горшков и др. 2023, с. 336].

Сельское хозяйство нашей страны также испытывает серьезную нехватку кадров. Согласно данным исследований¹, нехватка специалистов является второй по значимости проблемой отрасли (первая – рост себестоимости производства). Вместе с тем выпускники сельскохозяйственных вузов не стремятся работать по полученной профессии. Социологи отмечают, что существует «разрыв» между образованием и рынком труда [Дежина, Ключарев 2018; Ключарев 2015; Тощенко 2024], выражающийся в том, что высшие учебные заведения недостаточно качественно готовят специалистов, а работодатели, с одной стороны, предъявляют претензии к выпускникам и вузам, с другой – не всегда хотят вкладываться в подготовку необходимых им профессионалов².

Автором были поставлены следующие исследовательские вопросы: где и как происходит трудоустройство выпускников, какие трудности они испытывают и какие места занимают на рынке труда? Для поиска ответов использованы базы данных Росстата. Из всего массива выпускников отфильтрованы выпускники группы специальностей «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» только высших учебных заведений (группировки по полученным профессиям или специальностям).

Эмпирическую базу исследования составили:

¹ Кадровый голод – когда АПК насытится кадрами // Бизнес-портал «Эксперт». URL: <https://sdexpert.ru/news/project/kadrovyu-golod-kogda-ark-nasytitsya-kadrami/> (дата обращения 10 марта 2024).

² *Шереги Ф.Э., Ключарев Г.А.* Партнерское взаимодействие компаний, вузов и научно-исследовательских организаций: Методическое пособие по прикладной социологии для социологических факультетов университетов. М.: ИС РАН, 2013. 211 с.

1. Итоги обследования рабочей силы 2022 г. (ОРС–2022)³. Массив содержит 456 респондентов – выпускников агровузов⁴. Анализируется следующий диапазон – выпускники с 2017 по 2021 г. В число выпускников, вероятно, включены как те, кто окончил только бакалавриат/специалитет/магистратуру, так и те, кто окончил несколько из этих этапов.

2. Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников (ВТР–2021)⁵. Массив содержит 270 респондентов, закончивших сельскохозяйственные вузы. Анализируется диапазон 2016–2020 гг. Массив обоих источников обработан посредством SPSS.

3. Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам (ОЗПП Росстат–2021)⁶.

Основную часть выпускников с/х вузов составляют выпускники бакалавриата – 55,0%, специалистов – 27,9%, магистров – 16,7%.

Из выборки в 456 агровыпускников 53 человека (11,6%) – безработные, еще столько же – не входящие в состав рабочей силы. Поэтому проценты в дальнейшем будут считаться не от 456, а от 403.

Где работают выпускники?

Как показано в табл. 1, основная часть агровыпускников – первые две строки – 35% связаны с сельхозобразованием, но из «обрабатывающих производств» больше половины не связаны с агропрофессией: специалисты технических профилей могли пойти в деревообрабатывающую отрасль. В остальных сферах есть агровыпускники, которые отвечают «да», т. е. видят связь с профессией, полученной в вузе, но сама сфера деятельности далека от с/х. По всем видам экономической деятельности, вместе взятым, найдутся 42%, которые ответят «да» и «скорее да», – немного в науке и здравоохранении, управлении и образовании.

³ Итоги обследования рабочей силы 2022 г. (ОРС–2022). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/bd_ors-2022-%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.rar (дата обращения 12 мая 2024).

⁴ Термины «сельскохозяйственные вузы», «аграрные вузы» и «агровузы» в данном тексте используются как синонимы.

⁵ Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr_2021/index.html (дата обращения 14 мая 2024).

⁶ Сведения о заработной плате работников в организациях по категориям персонала и профессиональным группам. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/60671> (дата обращения 15 мая 2024).

Таблица 1

Связь работы выпускников сельскохозяйственных вузов с полученной профессией (*относящиеся к рабочей силе*)

Виды экономической деятельности	Работающие выпускники, %	Связь работы с полученной профессией (ответы «да» и «скорее, да»)
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	25,1	75,2
Обрабатывающие производства	9,9	45,0
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	10,9	27,3
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	9,2	18,9
Транспортировка и хранение	4,2	35,3
Деятельность профессиональная, научная и техническая	3,7	66,7
Образование	3,7	46,7
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,2	84,6
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	3,0	50,0
Строительство	2,5	10,0
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	2,2	11,1
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	2,0	75,0
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	2,0	62,5

Окончание табл. 1

Виды экономической деятельности	Работающие выпускники, %	Связь работы с полученной профессией (ответы «да» и «скорее, да»)
Добыча полезных ископаемых	1,0	50,0
Предоставление прочих видов услуг	1,0	25,0
Деятельность в области информации и связи	1,0	0
Деятельность финансовая и страховая	1,0	0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	0,7	33,3
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0
Безработные	13,2	0
Итого	100	

Источник: ОРС–2022.

Среди агровыпускников 2020–2022 гг. тех, у кого основная работа связана с полученной профессией (специальностью), всего 59%⁷. А среди агровыпускников 2019–2021 гг. – 52,6%⁸. Поэтому ясно, что со временем из с/х уходят специалисты с высшим образованием.

В табл. 2 отражены позиции агровыпускников в соответствии с уровнем их квалификации и специализацией. Обращает на себя внимание тот факт, что 13,8% работают специалистами среднего уровня квалификации, хотя в массиве фильтр стоит на выпускников только высших учебных заведений.

⁷ Обследование рабочей силы 2023. Табл. 2.75. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения 15 мая 2024).

⁸ Обследование рабочей силы 2022. Табл. 2.75.

Таблица 2

Распределение выпускников сельскохозяйственных вузов
по группам занятий (ОКЗ–2014)

Укрупненные группы занятий для занятого населения на основной работе (ОКЗ-2014) среди агровыпускников	Процент от занятых
Руководители	5,3
Специалисты высшего уровня квалификации	37,6
Специалисты среднего уровня квалификации	13,8
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	2,5
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	13,5
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	6,5
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	5,6
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	9,8
Неквалифицированные рабочие	3,7

Источник: ОРС–2022.

Все перечисленные группы занятий ниже специалистов высшего уровня квалификации – это лица, не реализовавшие потенциал своего образования. Цифра получилась достаточно тревожная – лишь 43% занятых агровыпускников относятся к руководителям (5,3%) или специалистам высшего уровня квалификации (37,6%), т. е. абсолютное большинство остальных занимаются менее квалифицированным трудом, нежели номинально предполагается в соответствии с их образованием. Это, в принципе, понятно. Если большинство не доехало до села или разбежалось из него, то и работу нашли – какую получилось. Как же они искали такую работу?

Поиск работы и трудоустройство

В целом трудоустройство агровыпускников незначительно отличается от средней по России картины: всего трудоустроились 9,1% (в целом по высшему образованию – 92,3%)⁹. 42,6% студентов

⁹ Обследование рабочей силы 2022. Табл. 2.3.

работали во время обучения. Искать работу сразу после окончания вуза начали 40,7% выпускников, не начали – 15,2%. Остальные 44,1% не отвечали на такой вопрос. В их число, вероятнее всего, входят уже работавшие, которым это было уже не нужно.

Среди выпускников агровузов на 8% больше тех, кто нашел работу раньше других профессий, т. е. искал ее менее месяца и от одного до трех месяцев. 80% выпускников трудоустроились в первые полгода. Но только 52,1% выпускников, которые трудоустроились на первую работу после окончания образовательной организации, пошли работать в сельское хозяйство и 56,5% из них – заняли позицию, связанную с полученной профессией¹⁰.

Какие *трудности испытывали молодые специалисты?* На отсутствие или недостаточный опыт работы указали 23,3%, недостаток или отсутствие подходящих вакансий – 23,3%, низкий уровень предлагаемой заработной платы – 22,6%. Если с недостатком опыта или невысокой заработной платой можно согласиться, то «отсутствие подходящих вакансий» – это, скорее, замаскированный ответ, речь идет о том, что нет вакансий, которые устроили бы выпускников (рис. 1).

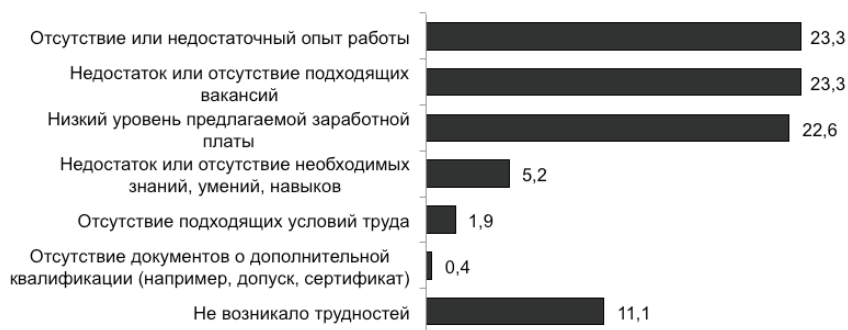

Рис. 1. Трудности при поиске работы после окончания вуза

Источник: ВТР–2021

В основном молодые специалисты искали работу сами. 17,4% обращались к друзьям, родственникам и знакомым, 16,3% – непосредственно к работодателю. 9,3% просматривали вакансии, 4,8% подавали объявления или резюме. Нашли работу с помо-

¹⁰ По данным выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование, 2021 г.

щью образовательной организации или государственной службы занятости всего 1,9% (см. рис. 2). Службы занятости явно не дорабатывают, или/и молодые люди им не доверяют. Обращение к социальным связям оказалось самым действенным способом. Вероятно, это еще специфика сферы деятельности – на работу в сельское хозяйство идут те, кто вырос в семье сельских жителей или сам жил в селе.

Рис. 2. Способы поиска работы
Источник: ВТР-2021

Важный вопрос, который освещает проблему качества подготовки выпускников, – насколько выпускникам достаточно для работы профессиональных знаний, полученных в процессе обучения в вузе. 56% пришедших на работу в сельское хозяйство и еще 5,9% – в другие сферы ответили, что полученного уровня образования хватило для занятой позиции. Тех, кому не хватило, всего 4,8%. 23,3% сказали, что на их позиции требовался более низкий уровень образования, – вероятно, это как раз те выпускники, которые заняли позиции, не соответствующие их уровню квалификации.

Где работают агровыпускники? 89,1% выпускников работают на предприятиях и в организациях, в фермерском хозяйстве – всего 2% (это подтверждает, что фермерство у нас не укоренилось или хозяйства небольшие, которые не могут себе позволить нанимать на работу высококвалифицированных профессионалов). 2,6% как место работы указали свое жилое помещение или приусадебный

участок, 1,7% – дом, участок работодателя, 1,4% – участок, на который направил заказчик.

Основным контингентом среди занятых являются наемные работники (92%). Самозанятые и «в доле от прибыли» – 7,7%. Имеют дополнительную работу всего 2%. Работают в неформальном секторе 18,8% выпускников, из них 0,8% заняты в нем как на дополнительной работе, а остальные 18% – как на основной работе (работают только в нем): ради прибыли – 7% и 11% – как наёмные работники.

Постоянные наемные работники, имеющие трудовой контракт, составляют 84,9%, договор ГПХ – 3,1%. 4% работников имеют устную договоренность с работодателем без оформления документов. «Нет данных» – 8%, и это только про занятых. Прекариат кроется тут, а не только в договорах ГПХ или устных договоренностях.

Удовлетворенность текущей работой достаточно высока, если брать сумму ответов «да» и «скорее, да», – 87,5%. Но твердое «да» – только 63,9%. «Скорее, да» – это может быть просто констатация факта, что «работа есть – уже хорошо». Ответы на вопрос о намерениях сменить работу подтверждают нашу мысль, что наличие работы – ценность сама по себе даже для молодых людей (сумма ответов «нет» и «скорее, нет» составляет 82,4%¹¹). В принципе, неудивительно, предыдущие наши исследования показывают, что за работу в нашей стране держатся.

При этом *оплата труда* в сельском хозяйстве невысока, это одна из причин нежелания выпускников работать по профессии. На сайте Росстата объединение агрономов и рыболовов нивелирует всю разницу. Приходится обращаться к другим источникам. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства (без субъектов малого предпринимательства) в РФ¹² за январь–декабрь 2023 г. составила 54 636 руб. Заметна разница по субъектам. В Тыве, на Алтае, в Дагестане и Чечне не достигает и 30 тыс. руб., в Москве – 120 777 руб. Большинство (две трети) значений в пределах 52±7 тыс. руб. По данным VDEx.ru¹³ (расчет средней зарплаты в сельском хозяйстве в России на основе вакансий, размещенных в свободном доступе на сайтах и сервисах для поиска работы и информации от пользователей, проживающих

¹¹ Процент от тех, кто ответил, а ответили не все, только 86% от всех агровыпускников). *Источник:* ВТР–2021.

¹² ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43008> (дата обращения 15 мая 2024).

¹³ Зарплаты агрономов в России. URL: <https://bdex.ru/russia/?type=agro> (дата обращения 15 мая 2024).

в сельском хозяйстве в России), существует большой разрыв в оплате по профессиям и в зависимости от размера и формы организации. Средняя зарплата агрономов в России составляет от 42 930 и до 54 700 руб.

Основные выводы

Работают 76,8% молодых специалистов сельскохозяйственных вузов, безработных – 11,6%, столько же не входят в состав рабочей силы; занятость достаточно высока, на фоне представителей других профессий чуть меньше. Из работающих выпускников только 25,1% заняты в сельском хозяйстве и у менее 60% работа связана с полученным образованием. Только 5,3% занятых выпускников сельскохозяйственных вузов относятся к руководителям и 37,6% – к специалистам высшего уровня квалификации. Большинство остальных выпускников занимают менее квалифицированным трудом, нежели номинально предполагается в соответствии с их образованием, – это лица, не реализовавшие потенциал своего образования. 56% пришедших в сельское хозяйство и еще 5,9% в другие сферы указали на достаточный уровень полученного образования, 23,3% сказали, что требовался более низкий уровень образования (скорее всего, это как раз те, чьи позиции ниже полученной квалификации). Были обозначены трудности при поиске работы: отсутствие или недостаточный опыт работы – 23,3%, недостаток или отсутствие подходящих вакансий – 23,3%, низкий уровень предлагаемой заработной платы – 22,6%. Среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства в России за январь–декабрь 2023 г. составила 54 636 руб. Зафиксирован большой разброс зарплат по специальностям и разница между руководителями (78 225 руб.) и специалистами (47 802 руб.). Мы предполагаем, что низкий уровень заработной платы – одна из важнейших причин, почему выпускники не работают по специальности. За ответом «отсутствие или недостаточный опыт работы», вероятнее всего, стоит не отсутствие вакансий вообще, а отсутствие вакансий, параметры которых устраивают выпускников.

Если исходить из полученных данных, получается, что сельскохозяйственные вузы в значительной степени работают впустую, а сфера сельского хозяйства продолжает испытывать дефицит кадров. Вероятно, система профориентации и подготовки молодых специалистов требует коррекции.

Благодарности

Статья выполнена в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)».

Acknowledgments

The article is carried out within the framework of State Assignment No. 1021091313151-0-5.4.1 “Social Factors of Labor Productivity: Status, Issues, Solutions (FSZG-2022-0001)”.

Литература

- Бондаренко, Лысова 2016 – *Бондаренко Н.В., Лысова Т.С.* Модели поиска, критериев найма, оценка профессиональных качеств и навыков выпускников основных профессиональных образовательных программ: мнение работодателей // Мониторинг экономики образования. Информац.-аналит. материалы по результатам социол. обследований. 2016. № 1 (27).
- Горшков и др. 2023 – *Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Тюрина И.О.* Воспроизводство специалистов интеллектуального труда: Социол. анализ. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 383 с.
- Дежина, Ключарев 2018 – *Дежина И.Г., Ключарев Г.А.* Российское образование для инновационной экономики: «болевые точки» // Социол. исслед. 2018. № 9. С. 40–48.
- Зубок, Чупров 2015 – *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 114–122.
- Ключарев 2015 – *Ключарев Г.А.* «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социол. исслед. 2015. № 11. С. 49–56.
- Тощенко 2024 – *Тощенко Ж.Т.* Формы участия высшего образования в решении проблем производительности труда // Вестн. РУДН. Сер. «Социология». 2024. № 1. С. 28–42.

References

- Bondarenko, N.V. and Lysova, T.S. (2016), “Search models, hiring criteria, assessment of professional qualities and skills of graduates of basic professional educational programs: Employers’ opinion”, *Monitoring of education markets and organizations (MEMO)*, no. 1 (27).

- Dezhina, I.G. and Klyucharev, G.A. (2018), “Russian education for innovative economy. ‘The pressure points’”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 9, pp. 40–48.
- Gorshkov, M.K., Sheregi, F.E. and Tyurina, I.O. (2023), *Vosproizvodstvo spetsialistov intellektualnogo truda: sotsiologicheskii analiz* [Reproduction of Intellectual Labor Specialists. A Sociological Analysis], FNISTS RAN, Moscow, Russia.
- Klyucharev, G.A. (2015), “The ‘gap’ between education and the labor market: expert opinions”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 49–56.
- Toshchenko, Zh.T. (2024), “Forms of the higher education participation in ensuring labor productivity”, *RUDN Journal of Sociology*, no. 1, pp. 28–42.
- Zubok, Yu.A. and Chuprov, V.I. (2015), “Young specialists: the problem of training and the situation on the labor market”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 114–122.

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sheviren@yandex.ru

Политические взгляды студенческой молодежи как основание для участия в различных формах гражданской активности

Елена А. Ирсетская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Москва, Россия, e.irs@rggi.ru*

Ольга В. Китайцева

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olga_kitaitseva@mail.ru*

Аннотация. В статье содержится обоснование актуализации обращения к теме участия современной российской студенческой молодежи в общественно-политической жизни общества. Отмечается, что сегодня проблема обеспечения участия студенческой молодежи в политической жизни страны является одной из значимых задач, в рамках которой должны быть приложены силы государственного управления. Участие в общественно политических инициативах открывает для молодых людей большие возможности по обсуждению и влиянию на принятие значимых политических и управленческих решений относительно острых вопросов, стоящих на повестке дня.

Авторами исследуется вовлеченность студентов в разнообразные формы гражданской активности, посредством которых возможно ее эффективное участие в политических процессах. Политические предпочтения молодежи как наиболее активной и прогрессивно мыслящей социальной группы определяют векторы ее гражданской активности, что, в свою очередь, формирует особенности и направления становления современного правового государства и гражданского общества.

Сделан вывод о том, что наиболее популярными мировоззренческими ориентирами молодежи в вопросах социально-политического устройства государства являются демократические и социал-демократические идейные взгляды. Отмечена тенденция увеличения вовлеченности молодежи в такую форму гражданской активности, как выборы.

© Ирсетская Е.А., Китайцева О.В., 2024

Ключевые слова: политические взгляды молодежи, гражданская активность, идеология, участие в политических процессах

Для цитирования: Ирсетская Е.А., Китайцева О.В. Политические взгляды студенческой молодежи, как основание для участия в различных формах гражданской активности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 115–125. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-115-125

Political views of student youth as the basis for participation in various forms of civic activity

Elena A. Irsetskaya
*Russian State University for the Humanities,
Institute of Socio-Political Studies of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia, e.irs@rggu.ru*

Olga V. Kitaitseva
*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, olga_kitaitseva@mail.ru*

Abstract. The article contains a rationale for the relevance of addressing the topic of participation of modern Russian student youth in the socio-political life of society. It is noted that today the issue of ensuring the participation of student youth in the political life of the country is one of the significant tasks within which the efforts of public administration should be applied. Participation in social and political initiatives opens up great opportunities for young people to discuss and influence the adoption of significant political and management decisions regarding pressing issues on the agenda.

The authors study the involvement of students in various forms of civic activity through which their effective participation in political processes is possible. The political preferences of young people, as the most active and progressively thinking social group, determine the vectors of their civic activity, which in turn shapes the features and directions of the formation of a modern rule of law state and civil society.

It is concluded that the most popular ideological guidelines for young people in matters of the socio-political structure of the state are democratic and social-democratic ideological views. The authors also noted a trend of increasing youth involvement in such a form of civic activity as elections.

Keywords: political views of young people, civil activity, ideology, participation in political processes

For citation: Irsetskaya, E.A., Kitaitseva, O.V. (2024), “Political views of student youth as the basis for participation in various forms of civic activity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 115–125, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-115-125

Введение

Проблема повышения политической культуры молодежи, обеспечение возможностей ее вовлечения и участия в современных социально-политических процессах как на муниципальном, так и на государственном уровне сегодня становится одной из значимых задач, стоящих перед органами государственного управления в рамках развития и укрепления основ гражданского общества и сознания молодежи России в целом.

Сегодня многие эксперты отмечают, что у молодежи растет запрос на участие в политических процессах, на получение знаний, каким образом можно включаться в политическую дискуссию и оказывать на нее социально значимое влияние¹. Данные опроса ФОМ продемонстрировали: 83% россиян полагают, что молодежь должна принимать участие в политической жизни страны². Эксперты заявляют о необходимости развития таких актуальных методов вовлечения молодежи в политику, как общественное наблюдение за выборами и референдумами, что позволит в значительной степени повысить уровень не только политической, но и правовой культуры молодых людей³.

¹ Разговоры о главном // Коммерсантъ. 2023. 2 авг. № 139. С. 3. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6136861> (дата обращения 12 августа 2024).

² Опрос ФОМ: Более 80 процентов россиян считают, что молодым людям надо участвовать в политической жизни страны // Официальный сайт Российской газеты. 2023. 1 марта. URL: <https://rg.ru/2023/03/01/opros-fom-bolee-80-procentov-rossiian-schitaiut-cto-molodym-liudiam-nado-uchastvovat-v-politicheskoy-zhizni-strany.html> (дата обращения 14 августа 2024).

³ О вовлеченности молодежи в наблюдение за выборами рассказали на Международном юридическом форуме // Межпарламентская ассамблея государств – участников содружества независимых государств. 2023. 10 мая. URL: https://iacis.ru/novosti/institut_monitoringa_razvitiya_demokratii_mpa_sng/o_vovlechennosti_molodyozhi_v_nablyudenie_za_viborami_rasskazali_na_mezhdunarodnom_yuridicheskom_forume (дата обращения 8 августа 2024).

Характер, степень и формы участия современной молодежи в общественно-политической жизни России имеют свою специфику. Для анализа данной проблематики обратимся к исследованию, проведенному ИСПИ ФНИСЦ РАН в апреле–мае 2023 г. по общероссийской выборке в 30 субъектах Федерации всех федеральных округов «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии»⁴.

Целью данной статьи является анализ взаимосвязи политических предпочтений молодежи и степени готовности ее участия в различных формах гражданской активности с целью выражения и защиты своих интересов, проявления своего отношения и позиции к проводимым социально-политическим реформам и преобразованиям, реализуемым органами государственного управления, которые оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности современных российских граждан.

Обзор литературы

Феномену изучения политической культуры современной российской молодежи посвящен большой пласт работ отечественных ученых. Исследователи обращаются к рассмотрению молодежи как особой социальной группы, поколенческой общности, формирование политической культуры которой происходит под влиянием различных факторов, обусловленных характером протекания процесса социализации человека в конкретных социально-исторических условиях. Например, авторы описывают молодежь как особую социальную группу, отмечая, что на формирование политической культуры молодежи повлиял тот факт, что в условиях постсоветских реалий большое влияние на молодежь имели традиционные институты и ценности [Евгеньева и др. 2021]. В работе А.Н. Котляревич содержится интересное исследование, в котором представлены особенности изменения духовных ценностей и ориентаций российской молодежи с 2008

⁴ Исследовательский коллектив: д-р полит. наук. Н.М. Великая (руководитель), канд. социол. наук Е.А. Ирсетская, канд. социол. наук И.С. Шушпанова, ст. науч. сотр. О.П. Новоженина. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6757 респондентов.

по 2022 г. [Котляревич 2023]. Автор отмечает, что трансформация политических ценностей молодежи в данный период носила неолиберальную направленность. Делается вывод о том, что наряду с признанием ведущими политическими деятелями значимости сохранения и трансляции традиционных ценностей для молодого поколения в течение рассматриваемого периода наблюдались актуализация и усиление пропаганды неолиберальных ценностей и ценностей псевдолиберальной направленности, что в значительной мере характерно для современного российского общества.

Отметим значимый блок работ, в которых содержатся исследования влияния ценностных ориентаций молодежи на их политический выбор и политическую идентификацию. Среди таких исследований труды М.К. Горшкова, Ф.Э. Шереги, Ю.А. Зубок, Н.М. Великой, В.И. Чупрова, Я.В. Волобуева, Т.К. Ростовской, В.А. Федотовой, В.В. Радаева, М.С. Яницкого, И.А. Коха, Т.С. Бирюковой, А.С. Скутина, С. Kluckhohn и других.

Представляют интерес исследования, в которых анализируются политические взгляды молодежи, и они характеризуются как неустойчивые, подверженные сильному влиянию со стороны различных социальных институтов: семьи, образования, СМИ, государства и др. Такой взгляд представлен в работах В.А. Колобродова, Т.С. Мельниковой, Е.Э. Кудрявцевой, Л.А. Погосян.

Вопросы активизации политического участия молодежи, ее гражданской активности и ответственности представлены в работах В.В. Петухова, Ю.В. Латова, В.В. Радаева, Д.В. Руденкина. Анализ потенциала молодежи проявлять политическую активность, степени влияния на данный процесс современных СМИ содержится в работах М. Медведевой, Ю.О. Обуховой В.А. Соловьева, С.С. Пястолова, А.О. Ланцева.

Обращаясь к исследованию идейных представлений современной молодежи, делает ряд значимых выводов о ее восприятии текущего положения внутренней и внешней государственной политики А.А. Вилков. Отмечено, что это позволяет выявить настроения и предпочтения относительно поддержки молодыми людьми тех или иных акторов в электорально-политическом пространстве страны [Вилков 2023].

Гражданская активность молодежи

Для того чтобы упорядочить неопределенность окружающей среды, человек стремится сформулировать различные системы социальных убеждений. Современная молодежь отнюдь не является

исключением. Принимая во внимание тот факт, что молодежь – это особая социальная группа, можно описать особенности, присущие молодым людям как акторам социально-политического процесса, которые имеют различные ценностные ориентации и установки, стремления и паттерны поведения. Все это становится объектом изучения социологов и исследователей с точки зрения социальной общности, обладающей значительным потенциалом в деле социальных изменений и трансформаций; способной оказать серьезное влияние на характер и динамику общественного политического процесса в целом, на различные политические решения, принимаемые и проводимые в жизнь современным государственным управлением.

При этом социально-политические убеждения молодежи могут носить различный характер, т. е. составлять различные системы норм и ценностей, на которые молодые люди опираются и к которым они обращаются в своей повседневной деятельности. Среди современной студенческой молодежи можно наблюдать определенный разброс идентификации себя по политическим взглядам. 70% молодых людей определяют свои политические взгляды как демократические и социал-демократические. Оставшиеся 30% разделились практически поровну: 15,5% определяют свои взгляды как социалистические или коммунистические, 14,4% – как либеральные.

Виды политической активности, которые выбирают студенты как наиболее эффективные формы участия и влияния на социально-политический процесс, варьируются в зависимости от того, каких политических взглядов придерживаются респонденты (рис. 1).

Выявлено, что независимо от того, каких взглядов придерживается студенческая молодежь, участие в выборах как форму гражданской активности практикуют чуть более половины. Чаще всего принимают участие в выборах представители демократических и либерально-политических взглядов (58,7 и 57,3% соответственно). Среди представителей коммунистических и социалистических взглядов только 53,2% принимают участие в этой форме гражданской активности (рис. 1).

Были выявлены следующие особенности мотивации участия в выборах студенческой молодежи, придерживающейся различных политических взглядов. Представители социалистических и коммунистических взглядов чаще всего принимают участие в выборах, потому что хотят поддержать понравившихся кандидатов (30,3%) либо поддержать одну из партий (18,5%). Среди молодежи, придерживающейся данных политических взглядов, наблюдается наименьший процент опрошенных, которые ответили, что не при-

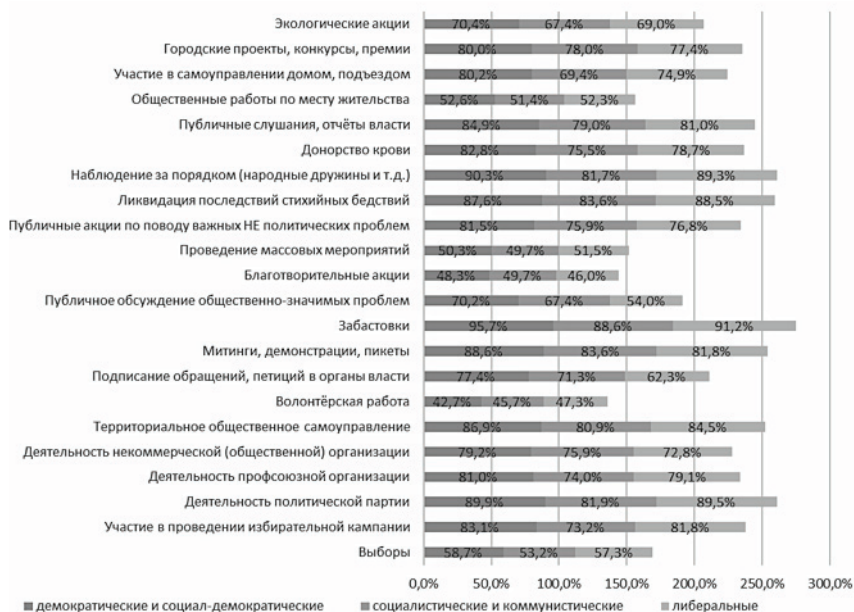

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «В каких формах гражданской активности, мероприятиях вы принимали участие за последний год?», в %, множественный ответ

Источник: Исследование ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

нимают участия в выборах (34,9%). Среди представителей демократических, социал-демократических взглядов и либеральных взглядов доля респондентов, не принимающих участие в выборах, выше и составляет 42,2 и 41,5% соответственно. Мотивация участия в выборах среди представителей демократических и социал-демократических взглядов сильно размыта и не четко обозначена по сравнению с другими группами. Преимущественно она заключается в желании поддержки понравившихся кандидатов (22,9%), в желании заявить о своем отношении к тому, что происходит в стране (15,3%), и уменьшить возможность фальсификации своего голоса (15,4%) (табл. 1). Представители либеральных политических взглядов своим участием в выборах чаще всего хотят уменьшить возможности фальсификации своего

голоса (25,2%), заявить о своем отношении к тому, что происходит в стране/регионе (21,4%), выразить своей протест (18,5%) и поддержать понравившихся кандидатов (17,7%) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответа на вопрос
«Принимал(а) участие в выборах, потому что...»
в зависимости от политических взглядов опрошиваемых,
в %, множественный ответ

Причины участия в выборах	Демократические и социал-демократические взгляды	Социалистические и коммунистические взгляды	Либеральные взгляды
Хотел(а) поддержать понравившихся кандидатов	22,9	30,3	17,7
Хотел(а) поддержать одну из партий	12,3	18,5	10,9
Хотел(а) заявить о своем отношении к тому, что происходит в стране/регионе	15,3	16,4	21,4
Хотел(а) поддержать власть	7,3	9,6	4,4
Хотел(а) выразить свой протест	5,6	8,5	18,5
Хотел(а) уменьшить возможность фальсификации своего голоса	15,4	17,0	25,2
Вознаграждение в виде денег и/или подарков	2,4	7,2	4,2
Просьба со стороны руководства	5,0	6,3	2,8
Другая причина	0,4	0,4	0,8
Не принимал(а) участие в выборах	42,2	34,9	41,5

Источники: Исследование ИСПИ ФНИСЦ РАН «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии», 2023 г.

Деятельность политических партий и участие в ней как эффективную форму гражданской активности чаще всего рассматривают представители демократических и либеральных взглядов (89,9 и 89,5%), среди представителей социалистических и коммунистических взглядов такого мнения придерживаются 81,9% (рис. 1).

Участие в таких формах, как публичное обсуждение общественно значимых проблем, подписание обращений и петиций в органы государственной власти, деятельность профсоюзных организаций, экологические акции, территориальное и общественное самоуправление, митинги и демонстрации, публичные акции по поводу неполитических проблем, наблюдение за порядком, публичные слушания и отчеты власти, в наибольшей степени присущи представителям демократических и социал-демократических политических взглядов, социалистических и коммунистических взглядов. Представители либеральных взглядов предпочитают в большей степени обращаться к волонтерской работе и проведению массовых мероприятий как основным формам гражданской активности при участии в общественно-политической жизни страны (рис. 1).

Заключение

Таким образом, было выявлено, что в политико-идеологическом плане студенческая молодежь чаще всего определяет свои политические взгляды как демократические и социал-демократические. Такие направления, как либеральная, коммунистическая и социалистическая идеология, на сегодняшний день менее популярны среди студентов.

Независимо от политических взглядов более половины представителей студенческой молодежи участвует в такой форме гражданской активности, как выборы. При этом представители социалистических и коммунистических взглядов демонстрируют наибольшую степень вовлеченности.

Мотивацию участия студенческой молодежи всех политических ориентаций определяет важность таких аспектов, как желание поддержать понравившегося кандидата; стремление заявить о своем отношении к тому, что происходит в стране/регионе; желание уменьшить возможность фальсификации своего голоса. При этом для представителей социалистических и коммунистических политических взглядов, для приверженцев демократических и социално-демократических взглядов наиболее значимым мотивом

является желание поддержки понравившегося кандидата (30,3 и 22,9% соответственно); для представителей либерально настроенной молодежи – желание уменьшить возможность фальсификации своего голоса (25,2%).

Для представителей либеральных политических взглядов в наибольшей степени важны политические формы гражданской активности, соответственно в них они видят наибольший потенциал участия воздействия на социальные процессы. Странники социалистических, коммунистических, демократических и социал-демократических политических взглядов востребованными направлениями гражданской активности считают существующие инструменты общественного управления и социальные структуры по взаимодействию власти и общества.

Литература

- Вилков 2023 – *Вилков А.А.* Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. «Социология. Политология». 2023. № 1. С. 12–19.
- Евгеньева и др. 2021 – *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Антонов Д.Е.* Политическая культура российской студенческой молодежи: ценностные, образно-символические и поведенческие аспекты // Гуманитарные науки. Вестн. Финанс. ун-та. 2021. Т. 11. № 2. С. 63–71.
- Котляревич 2023 – *Котляревич А.Н.* Ценности современной российской молодежи: неолиберальный тренд // Культура и безопасность. 2023. № 1. С. 5–15.

References

- Evgenieva, T.V., Selezneva, A.V. and Antonov, D.E. (2021), “Political culture of the Russian students: value-based, figurative-symbolic and behavioural aspects”, *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, no. 2 (11), pp. 63–71.
- Kotlyarevich, A.N. (2023), “Modern Russian youth values: neoliberal trend”, *Culture and Security*, no. 1, pp. 5–15.
- Vilkov, A.A. (2023), “Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia”, *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, no. 1, pp. 12–19.

Информация об авторах

Елена А. Ирсетская, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Борисоглебский пер., д. 13, стр. 3;

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49/2; e.irs@rggu.ru

Ольга В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga_kitaitseva@mail.ru

Information about the authors

Elena A. Irsetskaya, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047;

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 13, Borisoglebsky Lane, Moscow, Russia, 121069;

Financial University Under the Government of RF, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125167; e.irs@rggu.ru

Olga V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga_kitaitseva@mail.ru

УДК 316.75-053.6

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-126-136

Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ

Жанна В. Жираткова

Российский государственный социальный университет

Москва, Россия, zanna_z@mail.ru

Татьяна Э. Петрова

Государственный университет управления

Москва, Россия, peta-63@mail.ru

Сергей И. Янин

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Саранск, Россия, sergey.yanin2011@yandex.ru

Аннотация. Проблема формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в современном российском обществе остается актуальной, ее решение зависит не только от социальной политики государства, но и от внутренней культуры каждого человека, уровня его образования и толерантности.

Материалами исследования послужили данные онлайн-опросов, проведенных в 2023 и 2012 гг. [Ростовская, Петрова 2017; Шкурова, Карасева 2014]. Сравнительный анализ показал, что такие качества, как трудолюбие, верность семье, доброта, чуткость, по-прежнему важны для современных студентов. Было выявлено, что в приоритетах у студенческой молодежи находятся семья, здоровье, образование и работа. Анализ результатов опроса показал, что студенты интересуются историей своей страны, чувствуют ответственность за ее будущее и настроены на сотрудничество и взаимодействие с представителями других национальностей.

Ключевые слова: студенчество, ценностные ориентации, ценность, межнациональное общение, культура безопасности, потенциал, ответственность

Для цитирования: Жираткова Ж.В., Петрова Т.Э., Янин С.И. Ценностные ориентации студентов: сравнительный анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 126–136. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-126-136

© Жираткова Ж.В., Петрова Т.Э., Янин С.И., 2024

Research into students' value orientations. A comparative analysis

Zhanna V. Zhiratkova

*Russian State Social University, Moscow, Russia,
zanna_z@mail.ru*

Tatyana E. Petrova

*State University of Management, Moscow, Russia,
peta-63@mail.ru*

Sergei I. Ianin

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russia, sergey.yanin2011@yandex.ru*

Abstract. The issue of shaping value orientations among students in modern Russian society continues to be as ever topical and finding a proper solution to it depends not only on the social policy pursued by the state, but also on the internal culture of each individual, on the level of his/her education and tolerance. The research materials were data from an online survey conducted in 2023 and a survey conducted in 2012. The completed comparative analysis showed that such qualities as hard-working nature, devotion to family, humanity, kindness, empathy are still of importance for today's students. It was also revealed that students place a priority on and favour "family", "health", "education" and "work". The analysis of the survey results further showed that students are interested in the history of their country, valued the feeling of responsibility for its future and were positively disposed to cooperate and interact with representatives of other nationalities.

Keywords: student community, value orientations, value, interethnic communication, safety culture, potential, responsibility

For citation: Zhiratkova, Zh.V., Petrova, T.E., Ianin, S.I. (2024), "Research into students' value orientations. A comparative analysis" // RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series, vol. 4, pp. 126–136, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-126-136

Введение

В отечественной социологии исследование ценностных установок началось с середины 1960-х гг., с появления теоретических работ А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, Г.М. Андреевой и других. По мнению В.С. Степина,

...важно осмыслить перемены, происходящие в различных сферах современной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития [Степин 2019, с. 737].

В сложившихся условиях без прочной опоры на социальные и групповые ценности, существующие в коллективных представлениях людей, молодежи трудно обрести личностный смысл своего существования, поставить цели, рассчитанные на ближайшую и отдаленные перспективы, выбрать адекватные действия, направленные на осуществление этих целей. Только опираясь на исторический опыт народа, традиционную культуру, можно сформировать у молодежи такие важнейшие нравственные качества, как трудолюбие, преданность семье, гуманность, доброту, чуткость и т. д. Не теряет своей актуальности вопрос о необходимости повышения уровня культуры межнационального общения в молодежной и, в частности, студенческой среде [Ростовская, Петрова 2017, с. 160].

Эмпирическая база исследования представлена результатами опроса, проведенного при помощи анкеты «Культура безопасности в студенческой среде». Опрос был проведен в период с сентября по декабрь 2023 г. среди студентов, обучающихся в вузах Москвы, Пензы, Саранска, Твери, Уфы и Казани, $n = 737$. Такие же опросы были проведены в 2012 и в 2021 гг. (см. [Ростовская, Петрова 2017; Шкурова, Карасева 2014; Жираткова и др. 2021]).

Социально-демографический состав участников опроса. Возраст: до 20 лет – 58,2%; свыше 22 лет – 4,9%; до 25 лет – 36,9%. Мужчины – 24,1%, женщины – 75,9%.

В 2012 г. по инициативе РУДН было опрошено 506 студентов вузов Москвы, Приморского края и Тверской области [Ростовская, Петрова 2017, с. 161], 500 студентов, обучающихся в Минске, и 253 студента из Республики Польша [Шкурова, Карасева 2014, с. 126–127].

Качества, присущие современной молодежи

Анализ результатов исследования показал, что среди приоритетных ценностей у студентов были и остаются «семья», «здоровье», «образование» и «работа». Все это свидетельствует о прочности традиционных ценностей в российском обществе. Здоровье относится к высшим жизненным ценностям и провозглашается

безусловной нормой нашей жизни [Жираткова и др. 2021, с. 50]. А что касается «работы», то мотивация к труду у российской молодежи связана прежде всего со стратегиями самореализации, получения материального достатка, построения профессиональной карьеры [Ревитина 2019; Лапишинова, Панявин 2021].

Таблица 1

Жизненные ценности студенческой молодежи

2012 г.*			2023 г.		
Ценность	%	Ранг	Ценность	%	Ранг
Образование	21,05	3	Образование	4,5	6
Семья	49,01	1	Семья	60,1	1
Работа	18,63	4	Работа	8,4	3
Творчество	12,99	6	Творчество	5,3	4
Здоровье	21,29	2	Здоровье	9,2	2
Друзья	14,06	5	Друзья	2,9	8
Духовная жизнь (религия)	4,2	7	Духовная жизнь (религия)	1,5	9
Другое	1,3	9	Другое	5	5
Затрудняюсь ответить	1,81	8	Затрудняюсь ответить	3,1	7

* Общее число ответов больше 100%, так как можно было указать несколько вариантов

Источник: [Шкурова, Карасева 2014, с. 128].

При решении возникающих проблем студенты руководствуются «позицией близких им людей» – 30,17 и 13,3% соответственно; «стремлением приносить пользу людям, готовностью к милосердию, состраданию» (22,45 и 34,8%) и «стремлением к карьерному росту» (12,12 и 23,8%). Таким образом, это еще раз подтверждает сделанный нами ранее вывод о том, что семейное окружение в решении тех или иных жизненных вопросов остается центром безопасности и поддержки в любой жизненной ситуации [Малолетнева и др. 2018].

Таблица 2

Чем руководствуются студенты
при решении жизненных задач?

2012 г. (%)			2023 г. (%)		
Ценность	%	Ранг	Ценность	%	Ранг
Стремление принести пользу людям	22,45	2	Стремление принести пользу людям	34,8	1
Стремление к карьерному росту	12,12	3	Стремление к карьерному росту	23,8	2
Желание завоевать уважение окружающих	10,85	4	Желание завоевать уважение окружающих	4,8	6
Стремление «быть не хуже других»	6,87	6	Стремление «быть не хуже других»	3,9	7
Принцип «каждый за себя»	7,42	5	Принцип «каждый за себя»	5,3	5
Позиция близких мне людей (семьи, друзей)	30,17	1	Позиция близких мне людей (семьи, друзей)	13,3	3
Религиозные установки	1,58	9	Религиозные установки	1,6	9
Другое	3,39	8	Другое	8,8	4
Затрудняюсь ответить	3,82	7	Затрудняюсь ответить	3,5	8

Источник: [Шкурова, Карасева 2014, с. 128–129].

*Патриотические ценности
современной молодежи*

Что касается патриотических ценностей, то они являются эффективным способом борьбы с межэтническими конфликтами, выступают факторами обмена духовным опытом и противодействуют преступности [Головань 2020]. В 2023 г. по сравнению с 2012 г. практически в два раза повысился интерес к истории своей страны. Наши данные подтверждаются результатами социологического исследования, проведенного З.К. Селивановой и А.Л. Андреевым, в ходе которого было выявлено, что потребность в знании и понимании истории достаточно высока [Селиванова, Андреев 2017, с. 142].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос:
«Интересуется ли студенческая молодежь
историей своей страны?»

2012 г. (%)		2023 г. (%)	
Да	36,06	Да	66,5
Только в рамках учебной программы	46,91	Только в рамках учебной программы	25,7
Нет	9,86	Нет	3,1
Другое	2,01	Другое	3,0
Затрудняюсь ответить	3,84	Затрудняюсь ответить	1,6

Источник: составлена авторами.

Молодежь 2020-х гг. испытывает чувство гордости за историю своей страны (70,1%). В 2012 г. только 34,72% респондентов было присуще это чувство. Полученные нами данные подтверждаются результатами исследования, проведенного среди студентов московских вузов. Было выявлено, что респонденты больше всего гордятся победой нашего народа в Великой Отечественной войне и отменой крепостного права¹.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос:
«Гордитесь ли Вы историей своей страны?»

2012 г. (%)		2023 г. (%)	
Да	34,72	Да	70,1
В зависимости от ситуации	50,25	В зависимости от ситуации	22,8
Нет	5,85	Нет	2,0
Другое	3,17	Другое	2,3
Затрудняюсь ответить	4,68	Затрудняюсь ответить	2,7

Источник: составлена авторами.

¹ Студенты рассказали, какими событиями истории России больше всего гордятся. URL: <https://ria.ru/20230118/pobeda-1845792764.html?ysclid=ls6hzijt859714174> (дата обращения 27 апреля 2024).

Также возросло практически в два раза по сравнению в 2023 г. количество студентов, осознающих свою ответственность за судьбу страны.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос:
«Чувствуете ли вы ответственность
за судьбу своей страны?»

2012 г. (%)		2023 г. (%)	
Да	34,06	Да	61,8
Нет	31,24	Нет	13,5
Другое	3,85	Другое	6,3
Затрудняюсь ответить	29,52	Затрудняюсь ответить	18,4

Источник: составлена авторами.

Культура безопасности в студенческой среде

Полученные данные свидетельствуют о том, что в 2012 и в 2023 гг. каждый второй опрошенный (49,79 и 54,4% соответственно) ощущал себя комфортно в социуме. В то же время в 2023 г. велика доля тех (18,9%), кто комфортно чувствует себя только в кругу близких людей. Можно предположить, что причинами такого душевного состояния стали короновирусная инфекция, локдаун, специальная военная операция, состояние нестабильности и неопределенности, финансовый кризис, которые привели к психологическому напряжению в обществе в целом [Малолетнева и др. 2018].

С выявленными ценностями (семья, здоровье, работа и образование), присущими студенческой молодежи, в определенной мере согласуется и степень комфортности в социуме (табл. 6).

Студенческая молодежь в рассматриваемые периоды не испытывает неприязни к представителям других национальностей, и связано это с тем, что российское общество многонационально и многоконфессионально [Ростовская, Петрова 2017, с. 165]. Вырос интерес к культуре народов, населяющих территорию России (табл. 7).

Таблица 6

Как Вы себя чувствуете в обществе?

2012 г. (%)		2023 г. (%)	
Ощущаю себя комфортно	49,79	Ощущаю себя комфортно	54,4
Чувствую себя незащищенным	5,26	Чувствую себя незащищенным	2,6
Чувствую себя лишним, никому не нужным	3,47	Чувствую себя лишним, никому не нужным	4,1
Постоянно конфликтую с окружающими	0,51	Постоянно конфликтую с окружающими	0,5
Комфортно чувствую себя только в кругу близких мне людей	16,92	Комфортно чувствую себя только в кругу близких мне людей	18,9
Несмотря на имеющиеся сложности, стараюсь быть оптимистом	20,14	Несмотря на имеющиеся сложности, стараюсь быть оптимистом	16,1
Другое	1,94	Другое	1,8
Затрудняюсь ответить	0,98	Затрудняюсь ответить	1,6

Источник: [Шкурова, Карасева 2014, с. 136].

Таблица 7

Интересуетесь ли вы культурой и традициями других народов, населяющих вашу страну?

2012 г. (%)		2023 г. (%)	
Да, интересуюсь	17,37	Да, интересуюсь	31,7
Немного	51,06	Немного	51,8
Нет, не интересуюсь	26,39	Нет, не интересуюсь	13,9
Другое	1,17	Другое	1,1
Затрудняюсь ответить	3,01	Затрудняюсь ответить	1,5

Источник: [Ростовская, Петрова 2017, с. 166].

Основным источником получения необходимой информации о культуре и истории других народов в 2012 и в 2023 гг. является Интернет и СМИ (41,93 и 76,1% соответственно). Респонденты также высоко оценивают роль преподавателей (23,7 и 30,5%) и семьи (14,48 и 33,1% соответственно) в формировании культуры межнационального общения.

Заключение

Для студенческой молодежи характерны особенности формирования, неповторимость и уникальность ценностных ориентаций. Студенты становятся более полярными в отношении гуманизма, порядочности, гордости за свою страну, чувства долга и дружбы. Особого внимания заслуживает детальное изучение семьи, которая формирует ценностные ориентиры, взгляды, воспитывает людей на начальном этапе жизненного пути и закладывает основы дальнейшего существования людей в российском обществе. Среди основных жизненных ценностей в приоритете находятся семья, здоровье, образование и работа. В условиях многонациональности студенческих контингентов создается благоприятное поле для межэтнического взаимодействия и общения, перед вузами стоит задача развития личности молодого человека, осознающего ценность этносов, населяющих территорию России, и важность толерантного межнационального общения.

Литература

- Головань 2020 – Головань С.А. Формирование патриотических ценностей в сознании современной молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 9. С. 30–34.
- Жираткова и др. 2021 – Жираткова Ж.В., Малолетнева И.В., Козловская Л.В. Новый ценностный мир современной студенческой молодежи – «до», «в период» и «после» локдауна // Вестн. РМАТ. 2021. № 2. С. 46–52.
- Лапшинова, Панявин 2021 – Лапшинова К.В., Панявин А.В. Профессионально-трудовые ценности современной молодежи // Социально-гуманитарные технологии. 2021. № 2 (18). С. 12–20. URL: <https://ies.unitech-mo.ru/files/upload/publications/23323/0f59fe288030af12c14d70cc5bb6fac1.pdf#page=13> (дата обращения 27 февраля 2024).
- Малолетнева и др. 2018 – Малолетнева И.В., Жираткова Ж.В., Элиарова Т.С. Трансформация ценностей студенческой молодежи: миф или реальность // Вестн. ун-та. 2018. № 4. С. 150–155.

- Ревитина 2019 – *Ревитина В.В.* Трудовые ценности и установки современной студенческой молодежи // Высшее образование в России. 2019. Т. 29. № 1. С. 57–63.
- Ростовская, Петрова 2017 – *Ростовская Т.К., Петрова Т.Э.* Культура межнационального общения в студенческой среде (анализ социологического исследования) // Вопр. управления. 2017. № 2 (45). С. 159–169.
- Селиванова, Андреев 2017 – *Селиванова З.К., Андреев А.Л.* Роль преподавания истории в формировании духовного мира студентов вузов (по материалам социологических исследований) // Социодинамика. 2017. № 9. С. 135–144. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21472 (дата обращения 30 апреля 2024).
- Степин 2019 – *Степин В.С.* Человек. Деятельность. Культура. СПб.: СПбГУП, 2019. 800 с.
- Шкурова, Карасева 2014 – *Шкурова Е.В., Карасева С.Г.* Некоторые аспекты самоопределения белорусской молодежи (на примере студентов минских вузов, в сравнении со студентами из России и Польши) // Социология. 2014. № 1. С. 125–138.

References

- Golovan, S.A. (2020), “Formation of patriotic values in the minds of modern youth”, *Humanities, social-economic and social sciences*, no. 9, pp. 30–34.
- Lapshinova, K.V. and Paniavin, A.V. (2021), “Professional and labor values of the youth”, *Social and Humanitarian Technologies*, no. 2 (18), pp. 12–20, URL: <https://ies.unitechmo.ru/files/upload/publications/23323/0f59fe288030af12c14d70cc5b66fac1.pdf#page=13> (Accessed 27 February 2024).
- Maloletneva, I.V., Zhiratkova, Zh.V. and Eliarova, T.S. (2018), “Transformation of students’ values. Myth or reality”, *Vestnik Universiteta*, no. 4, pp. 150–155.
- Revitina, V.V. (2019), “Labor values and attitudes of modern students”, *Higher Education in Russia*, vol. 29, no. 1, pp. 57–63.
- Rostovskaya, T.K. and Petrova, T.E. (2017) “Culture of interethnic communication among students (analysis of the sociological research)”, *Management Issues*, no. 2 (45), pp. 159–169.
- Selivanova Z.K., Andreev A.L. (2017), “The role of teaching history in the formation of students’ spiritual world (on materials of sociological research)”, *Sociodynamics*, no. 9, pp. 135–144. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=21472 (Accessed 30 April 2024).
- Shkurova E.V., Karaseva S.G. (2014), “Some aspects of personal identity among Belarusian youth (case of students from Minsk universities in comparison with those from Russia and Poland)”, *Sociology*, no. 1, pp. 125–138.
- Stepin V.S. (2019), *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [The man. Activity. Culture], SPbGUP, St. Petersburg, Russia.

Zhiratkova, Zh.V., Maloletneva, I.V. and Kozlovskaya, L.V. (2021), "The new value world of modern students – 'before', 'during' and 'after' lockdown", *Vestnik RIAT*, no. 2, pp. 46–52.

Информация об авторах

Жанна В. Жираткова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Москва, Россия; 129226, Россия, Москва, ул. В. Пика, д. 4, стр. 1; zanna_z@mail.ru

Татьяна Э. Петрова, доктор социологических наук, профессор, Государственный университет управления, Москва, Россия; 109542, Россия, Москва, Рязанский пр-т, д. 99; peta-63@mail.ru

Сергей И. Янин, кандидат философских наук, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск, Россия; 430005, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; sergey.yanin2011@yandex.ru

Information about the authors

Zhanna V. Zhiratkova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State Social University, Moscow, Russia; bld. 1, W. Pika Street, Moscow, Russia, 129226, zanna_z@mail.ru

Tatyana E. Petrova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, State University of Management, Moscow, Russia; bld. 99, Ryazanskii Avenue, Moscow, Russia, 109542; peta-63@mail.ru

Sergey I. Ianin, Cand. of Sci. (Philosophy), National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia; bld. 68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005; sergey.yanin2011@yandex.ru

Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства

Надежда А. Бальбот

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, 4454508@gmail.com*

Ольга В. Крыштановская

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, olgakrysht@ya.ru*

Аннотация. Целью данного исследования является выявление степени укорененности женщин в современной российской политической элите как одного из факторов их содержательного представительства. Методом ретроспективного биографического анализа были выделены особенности укоренения женщин отдельно для каждой из ветвей власти. База данных исследования содержала всех женщин-политиков, входящих в действующую элиту на 1 октября 2022 г. Выявлен пул укорененных в политику женщин, набирающих политический вес и опыт. Они не имеют признаков маргинального положения и символического представительства, занимают значимое положение в иерархии политических должностей, обладают высоким уровнем образования и профессиональных компетенций, имеют обширный бэкграунд в системе государственного управления и возможности накопления весомого социального капитала. Также выявлено, что для потенциально укорененных женщин-политиков карьерные траектории, проходящие через участие в деятельности общественных организаций, позволяют осуществлять быстрый подъем на высшие политические уровни власти. Актуальность работы состоит в том, что анализ показателя укорененности женщин в политической системе был использован для оценки степени символического представительства.

Ключевые слова: политическая элита, гендерное равенство, социальный капитал, государственное управление, символическое представительство, власть, российская политика, парламент

Для цитирования: Бальбот Н.А., Крыштановская О.В. Женщины в политике: укорененность как фактор гендерного представительства // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 137–149. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-137-149

Women in politics. Rootedness as a factor of gender representation

Nadezhda A. Balbot

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshtanovskaya

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, olgakrysh@ya.ru

Abstract. The purpose of the study is to identify the degree of women's rootedness in the modern Russian political elite as one of the factors of their meaningful representation. By the method of retrospective biographic analysis, the specifics of women's rooting were identified separately for each of the branches of government. The database of the study contained all female politicians included in the current elite on October 1, 2022. The results of the work revealed a pool of women rooted in politics, gaining political weight and experience. They have no signs of marginal position and symbolic representation, occupy a significant position in the hierarchy of political positions, have a high level of education and professional competencies, have an extensive background in the system of public administration and the possibility of accumulating significant social capital. It was also revealed that for potentially rooted female politicians, career trajectories passing through participation in the activities of public organizations allow for a rapid rise to the highest political levels of government. The relevance of the work lies in the fact that the analysis of the indicator of women's rootedness in the political system was used to assess the degree of symbolic representation.

Keywords: political elite, gender equality, social capital, public administration, symbolic representation, government, Russian politics, parliament

For citation: Balbot, N.A. and Kryshtanovskaya, O.V. (2024), "Women in politics. Rootedness as a factor of gender representation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 137–149, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-137-149

Введение

Низкий уровень участия женщин на высших политических уровнях власти является ключевой проблемой гендерной асимметрии во многих странах мира. Еще в 2016 г. в Совете Европы звучали выводы о том, что степень представленности женщин

в политике – показатель реализации ими прав человека, гендерного равенства, социальной справедливости и истинной демократии¹. Множество исследований в области гендерного равноправия и представительств миноритарных групп в политике проводятся с целью обоснования значимости присутствия женщин в политических процессах. При увеличении доли любой группы меньшинств в той или иной сфере встает вопрос об их численном представительстве, качественных особенностях деятельности и взаимосвязи этих факторов.

В соответствии с теорией «критической массы» женщины могут заявлять о себе, только добившись существенного количественного представительства на политическом поле. Женщины как меньшинство могут быть настолько ограничены в своих возможностях, что встает вопрос о их «символическом» представительстве и слабом влиянии на принятие политических решений [Beckwith, Cowell-Meyers 2007]. Исследования показали, что в случае, когда в законодательных органах доля присутствия женщин находится на отметке ниже 15%, законодательные инициативы в интересах женщин не принимаются. В то же время ряд исследователей вместо акцента на количественном присутствии женщин сосредоточены на анализе качественных факторов, которые могут позволить женщинам иметь достаточное влияние. Они приходят к выводам, что значимые изменения в политике могут быть достигнуты и влиятельным меньшинством, которое обладает ресурсами, позволяющими им действовать в своих интересах. Женщины могут быть более активны и успешны, чем мужчины, несмотря на численное доминирование мужчин в политике [McDonald et al. 2004; Bratton 2005].

Среди возможных причин низкого представительства женщин в политических кругах называют слабую поддержку партий, недостаток политического опыта и социального капитала, укоренившиеся стереотипы общественного сознания, институциональные нормы. Насколько существенное представительство интересов женщин в политике зависит от количественного большинства и помогает избежать «символического» присутствия?

¹ Third round of monitoring on the implementation of CM Recommendation Rec (2003)3 on balanced participation of women and men in political and public decision-making; Analytical report – 2016 data. URL: <https://rm.coe.int/analytical-report-data-2016-/1680751a3e> (дата обращения 15 сентября 2024).

Гендерные исследования о роли женщин в политике

Исследуя гендерное представительство в органах власти СССР, ряд ученых приходили к выводу о «символическом» участии женщин в политическом процессе при достаточно значимом количественном представительстве. Г. Силласте фиксировала высокую интеграцию женщин в политику: к 1990 г. женщины занимали около трети руководящих постов в правящей партии [Силласте 1994]. Они достигли максимальной доли, необходимой для создания «критической массы», призванной повлиять на положение женщин. Однако подобная интеграция, действующая благодаря гендерным квотам, не позволяла наблюдать перелом в роли женщин в политическом процессе. По мнению О. Хасбулатовой, участие женщин в управлении государством носило в то время больше декларативный, чем практический характер [Хасбулатова 2018]. Е. Кочкина, анализируя советские гендерные образцы представленности в политике, отмечала признаки маргинального положения женщин, среди которых – рекрутация из рабочих и крестьян, молодой возраст, не титульная национальность, редкое переизбрание на второй и последующие сроки, отсутствие влияния в Верховном Совете СССР. Она утверждала, что представленность женщин носила декоративный характер и не могла рассматриваться как характеристика доступа женщин к власти [Кочкина 2003]. Вышеперечисленные факторы плюс высокая ротация не позволяли женщинам укорениться в политической системе и накопить социальный капитал.

В современной России, по данным на 2022 г., во всей совокупности федеральных органов власти женщины занимают 16% мест, причем в аппарате правительства РФ их всего 8,4% [Крыштановская 2018]. Как мы видим, гендерная асимметрия стала значительно более очевидной по сравнению с показателями советского периода. Почему так произошло? Неужели и сегодня женщины играют в политике лишь декоративную роль?

Показатель укорененности. Методология исследования

Для того чтобы понять, как изменилось положение женщин в политике, в данной статье мы рассмотрим показатель *укорененности* (*embeddedness*). Этот показатель был введен в научный оборот М. Грановеттером [Грановеттер 2004] и широко используется эко-

номистами [Уцци 2007] и социологами [Радаев 1998] для анализа влияния социальных связей на экономическое поведение.

Мы будем понимать под *укорененностью* наличие социальных связей, значимых для принятия политических решений, которое является производной от количества лет, проведенных женщиной на высокостатусных позициях в истеблишменте. Конечно, сама по себе длительность пребывания в политическом поле не говорит об обширных связях прямо, но является их следствием, так как, не будучи включенным в сеть внутриэлитных взаимодействий, политик не может сохранять свои позиции.

В исследовании мы использовали биографические данные 139 женщин-политиков, входящих в действующую элиту РФ на 1 октября 2024 г. Из них 28 занимают высокие посты в органах исполнительной власти, а 111 – в законодательных. Всего в настоящее время политическая элита состоит из 891 чел., выделенных согласно позиционному подходу, и объединяет депутатов обеих палат Федерального Собрания РФ, членов Правительства РФ, руководящих сотрудников Администрации Президента РФ, аппаратов и секретариатов федеральных органов власти, судей Верховного и Конституционного судов. Соотношение мужчин и женщин в элите составляет 84,4 и 15,6% соответственно.

Для оценки степени укорененности были выделены три категории лиц по количеству лет, проведенных на высших политических должностях: а) укорененные (более 10 лет во власти); б) потенциально укорененные (на высоких должностях от семи до десяти лет); в) не укорененные (менее семи лет стажа в элите).

Кроме того, были рассмотрены и учтены годы, проведенные женщиной-политиком в системе государственного управления страной (кратко «Системе»), и ее карьерные траектории. Первоначальная гипотеза заключалась в том, что в электократии доля женщин-новичков, не укорененных во власти, больше, чем в бюрократии, что будет косвенным свидетельством символической роли парламента.

Шкала укорененности

Проанализировав стаж пребывания в элите для женщин-политиков, мы видим, что стаж пребывания на высших государственных постах более десяти лет имеют 34,6% (табл. 1). Причем эта группа состоит из самых возрастных женщин, что вполне логично. Укорененные женщины концентрируются в органах исполнительной власти значительно больше, чем в парламенте. Там их почти в три раза больше, чем среди депутатов.

Таблица 1

Укорененность во власти женщин
в зависимости от ветви власти²

Степень укорененности	Итого в элите, % (n = 139)	В том числе (%)		Средний возраст, лет
		в бюрократии	в электрократии	
Укорененные	34,6	60,0	28,8	63,3
Потенциально укорененные	11,8	4,0	13,5	58,5
Не укорененные	53,7	36,0	57,7	49,0

Однако в ближайшем будущем стабильного роста числа укорененных женщин в этом сегменте ожидать не приходится, так как доля потенциально укорененных женщин составляет лишь 4% от общего числа женщин в бюрократических институтах власти. Более трети женщин пока не укоренились в бюрократической элите, находятся в ней менее семи лет и только начали наращивать свой политический вес.

В электрократии распределение женщин по вертикали укорененности является более равномерным, обновление корпуса здесь более заметно: более половины из них не укоренились, но процент потенциально укорененных несколько выше, чем в бюрократии, и составляет 13,5%. Однако в отличие от бюрократических институтов укорениться женщинам в парламенте будет сложнее. Они больше подвержены угрозе ротации, на которую значительно влияет электоральный потенциал, который они вынуждены подтверждать, регулярно проходя процедуру выборов. Доля тех, кому удалось сохранить за собой посты и наращивать свой потенциал, составляет менее трети от общего числа женщин – членов российского парламента (28,8%).

В среднем женщине удается укорениться в политической элите за чуть более девяти лет. Медианное значение составляют 5,5 лет, что говорит о неравномерности процесса. Средний возраст женщин-политиков в целом увеличивается пропорционально степени укорененности, что говорит о необходимости накапливать потенциал для наращивания связей, что требует длительных усилий.

Средний возраст входа в политическую элиту для женщин-политиков составляет на сегодня 49,5 лет. Однако есть группа

² Таблицы 1–4 составлены авторами.

молодых женщины, которые получили элитный статус, не имея за спиной весомого опыта работы в системе власти. Самой молодой из группы укорененных является депутат Госдумы Алена Аршинова (38 лет). В пятерку также входят Ольга Тимофеева (46) из ГД и Елена Афанасьева (48) из СФ, члены правительства Виктория Абрамченко (48) и Светлана Родионова (46) (табл. 2).

Таблица 2

Рейтинг укорененных женщин-политиков
по возрасту входа в политическую элиту

ФИО	Орган власти	Возраст (лет)	Возраст входа в элиту (лет)	Количество лет в системе власти
1. Аршинова Алена Игоревна	ГД	38	26	2
2. Афанасьева Елена Владимировна	СФ	48	28	5
3. Голикова Татьяна Алексеевна	Правительство	57	32	8
4. Родионова Светлана Геннадьевна	Правительство	46	32	1
5. Журова Светлана Сергеевна	ГД	51	34	0
6. Тимофеева Ольга Викторовна	ГД	46	34	4
7. Абрамченко Виктория Валериевна	Правительство	48	38	9
8. Глебова Любовь Николаевна	СФ	63	38	2
9. Отке Анна Ивановна	СФ	49	38	5

Опыт в системе государственной власти

Для того чтобы понять, с каким багажом политического опыта и влияния попадают женщины в политическую элиту страны, необходимо подробнее рассмотреть их путь наверх. Для этого проанализируем накопленный до входа в элиту потенциал. Накопить

его можно, имея весомый стаж работы в государственной системе власти³, который позволяет получить не только необходимые знания и управленческий опыт, но и полезные связи (табл. 3).

Таблица 3

Средний стаж пребывания женщин
в системе государственного управления

Показатель	Всего женщин в элите (n = 136)	В том числе (%)	
		в бюрократии	в электократии
Средний возраст женщин (лет)	55,0	55,9	54,8
Средний стаж пребы- вания в системе (лет)	18,1	20,1	17,6
Средний стаж пребы- вания в элите (лет)	9,1	12,8	8,3

У женщин-чиновниц путь укоренения в системе власти занимает более 20 лет, в то время как депутатам нужен меньший стаж работы – 17,6 лет. Это демонстрирует необходимость приобретения связей в политическом мире до того, как она займет элитную позицию. Но есть и другие кейсы: некоторым женщинам удается занять высокий пост, минуя опыт работы в системе государственной власти (табл. 4).

Быстрый вход удался трем чиновницам: Вероника Скворцова с руководящих должностей в РГМУ сразу заняла должность заместителя министра здравоохранения в правительстве; Лариса Красавчикова до назначения судьей Конституционного суда РФ была профессором кафедры гражданского права Уральской государственной юридической академии; Александра Левицкая, которая вслед за А. Волошиным возглавила ОАО «Федеральная фондовая корпорация», затем перешла на элитную должность помощника руководителя Администрации Президента РФ, которую возглавил на тот момент ее бывший шеф.

Если рассматривать представительниц бюрократии с небольшим стажем в системе, то в четырех случаях из пяти это жен-

³ Здесь мы имеем в виду занятие должностей, которые не относятся к элитному статусу, например, заместители министров или начальники управления министерств, работа в региональных администрациях или членство в региональных легислатурах.

щины, которые постепенно поднимались до федерального уровня по так называемым эскалаторам в рамках одного ведомства. Примером такого типа бэкграунда может служить карьера Светланы Родионовой, главы Росприроднадзора, которая двигалась по линии силовых структур, или Светланы Андрущенко, поднявшейся по «эскалатору» Федеральной налоговой службы.

Таблица 4

Бэкграунд укорененных женщин-политиков,
предшествующий входу в политическую элиту

Стаж пребывания в системе власти	Всего, % (n = 47)	В том числе (%)	
		в бюрократии (n = 15)	в электократии (n = 32)
Стаж работы в системе до 5 лет	40,4	33,3	40,6
Стаж работы в системе менее 5 лет	46,8	46,7	46,8
Вошла в элиту без опыта работы в системе	12,8	20,0	12,5

Среди женщин-бюрократок с большим стажем пребывания в системе государственной власти можно выделить два типа карьер: это либо те, кто продолжительное время находились на федеральном уровне экономических или силовых ведомств прежде, чем занять элитные посты, либо те, кто продвигались вверх постепенно, начиная с муниципального или регионального уровня системы власти.

Несколько иная картина у представительниц электократии. Избраться в федеральный парламент удается женщинам публичным, которые имели значимые заслуги до начала политической карьеры. Примером служат известная космонавтка С. Савицкая, спортсменка С. Журова, супруга А. Собчака Л. Нарусова и другие.

Небольшое время пребывания в системе власти перед вхождением в элиту отличает тех женщин-политиков, которым удалось подняться в элиту из региональных парламентов. Примером служит карьерный путь Г. Кареловой, О. Тимофеевой, О. Епифановой, В. Пивненко и В. Терешковой. Еще трем женщинам удалось войти в элиту, занимая должности в аппаратах политических партий. Это А. Аршинова (МГЕР) и Е. Афанасьева (ЛДПР). Л. Глебова при этом совмещала работу в партии с должностью советника председателя правительства.

Среди тех, кто пребывал в системе более пяти лет, до того как попасть в элиту, можно выделить пул женщин, которые имеют опыт работы еще в советской номенклатуре (46%), обросли связями в годы перестройки. Практически все они прошли долгий путь от муниципальных и региональных чиновников или депутатов до избрания на федеральный уровень. Так, Г. Хованская, И. Яровая, Р. Кармазина, Т. Гигель, И. Белых, О. Алимова имели электоральный опыт в регионах. Е. Бибикова, Л. Гумерова, О. Казакова, А. Когогина, Е. Перминова занимали долгое время должности муниципальных и региональных чиновников.

Рейтинг депутатов парламента по стажу пребывания в элите показывает, что в российской политике сформировался пул женщин, которые набрали политический вес, имеют богатый политический опыт, поддержку политических партий, успешно переизбираются на протяжении нескольких созывов и не имеют признаков маргинального положения женщин в политике, что опровергает представление тех аналитиков, которые говорят о декоративной роли представительниц слабого пола. Можно выделить следующие закономерности процесса укоренения женщин в политике: их карьеры отличаются долгим (более восьми лет) пребыванием в системе власти, часто их бэкграунд предполагает работу в общественных организациях, что позволяет им проявить свои деловые качества и приобрести полезные связи в мире политики.

Заключение

По итогам исследования выявился пул укорененных в политическую элиту женщин, который составляет 34,6% – они успешно укоренились и накапливают социальный капитал. Они отличаются определенными чертами: это женщины, которым удалось достаточно рано и быстро внедриться в систему благодаря непотическим и клиентелистским связям. Большинству женщин приходится проходить долгий путь укоренения в государственной системе. Им помогало стать частью элиты построение карьеры внутри одного ведомства. Путь в бюрократическую элиту сложнее и занимает больше времени, чем депутатский трек, но тем, кому это удалось, легче закрепиться и наращивать политический вес. Для успеха на выборах женщинам помогает поддержка партии или влиятельных общественных организаций, которые с каждым годом становятся все более эффективными лифтами в политику.

Можно констатировать что в обеих ветвях власти сформировалась группа женщин, набирающих политический вес и опыт

и имеющих перспективы развития. Очевидно, что они не могут считаться «символическими» представительницами слабого пола, а претендуют на полноценное участие в процессе принятия решений. Эти женщины-политики не уступают коллегам мужчинам в уровне образования и профессиональных компетенциях, имеют богатый предшествующий опыт и социальный капитал. Остается только удивляться, почему женщины составляют всего лишь 15% российского истеблишмента и масштаб их представительства не имеет тенденции к росту.

Литература

- Грановеттер 2004 – *Грановеттер М.* Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 131–158.
- Кочкина 2003 – *Кочкина Е.В.* Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем / Под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ-Алегея, 2003.
- Крыштановская 2018 – *Крыштановская О.В.* Женщины в российском парламенте // Тетради по консерватизму. 2018. № 4. С. 274–290.
- Радаев 1998 – *Радаев В.В.* Формирование новых российских рынков: Трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр полит. технологий, 1998. 328 с.
- Силласте 1994 – *Силласте Г.Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 112–121.
- Уцци 2007 – *Уцци Б.* Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей // Экон. социология. 2007. Т. 8. № 3. С. 44–60.
- Хасбулатова 2018 – *Хасбулатова О.А.* Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018. № 4 (89). С. 49–59.
- Beckwith, Cowell-Meyers 2007 – *Beckwith K., Cowell-Meyers K.* Sheer Numbers: Critical Representation Thresholds and Women’s Political Representation // Perspectives on Politics. 2007. Vol. 5. No 3. С. 553–565.
- Bratton 2005 – *Bratton K.A.* Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures // Politics & Gender. 2005. № 1 (1). P. 97–125.
- McDonald et al. 2004 – *McDonald T.W., Toussaint L.L. & Schweiger J.A.* The Influence of Social Status on Token Women Leaders’ Expectations About Leading Male-Dominated Groups // Sex Roles. 2004. № 50. P. 401–409.

References

- Beckwith, K. and Cowell-Meyers, K. (2007), "Sheer Numbers: Critical Representation Thresholds and Women's Political Representation", *Perspectives on Politics*, vol. 5, no. 3, pp. 553–565.
- Bratton, K.A. (2005), "Critical Mass Theory Revisited: The Behavior and Success of Token Women in State Legislatures", *Politics & Gender*, no. 1 (1), pp. 97–125.
- Granovetter, M. (2004), "Economic action and social structure. An issue of embeddedness", Radaev, V.V. and Dobryakova, M.S. et al. (eds.), *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology. A chrestomathy of modern classics], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 131–158.
- Khasbulatova, O.A. (2018), "Technologies of gender equality myth creation: Soviet practices", *Woman in Russian Society*, no. 4 (89), pp. 49–59.
- Kochkina, E.V. (2003), "Women's representation in the structures of power in Russia, 1917–2002.", Stepanov, N.M., Kirichenko, M.M. and Kochkina, E.V. (eds.), *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems] ISPG–Aletheya St. Petersburg, pp. 975–982.
- Kryshchanovskaya, O.V. (2018), "Women in the Russian parliament", *Tetrady po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], no. 4, pp. 274–290.
- McDonald, T.W., Toussaint, L.L. and Schweiger, J.A. (2004), "The Influence of Social Status on Token Women Leaders' Expectations About Leading Male-Dominated Groups", *Sex Roles*, no. 50, pp. 401–409.
- Radaev, V.V. (1998), *Formirovanie novykh rossiiskikh rynkov: Transaktsionnye izderzhki, formy kontrolya i delovaya etika* [Formation of New Russian Markets. Transaction Costs, Forms of Control and Business Ethics], Tsentr politicheskikh tekhnologii, Moscow, Russia.
- Sillaste, G.G. (1994), "Women's elites in Russia and their specifics", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 112–121.
- Uzzi, B. (2007), "The sources and consequences of embeddedness for the economic performance of organizations: the network effect", *Economic sociology*, vol. 8, no. 3, pp. 44–60.

Информация об авторах

Надежда А. Бальбот, Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; 4454508@gmail.com

Ольга В. Крыштановская, доктор социологических наук, профессор, Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olgakryshht@ya.ru

Information about the authors

Nadezhda A. Balbot, Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; 4454508@gmail.com

Olga V. Kryshchanovskaya, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Scientific Center for Digital Sociology “Yadov Center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olgakryshcht@ya.ru

УДК 304-053.2

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-150-159

Социальная политика в сфере детства (1919–1945 гг.) как проявление общественного договора

Елена А. Колосова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, the_shmiga@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена вопросам реализации социальной политики в сфере детства в период политических, экономических и социальных преобразований российского общества с 1919 до 1945 г. В ходе анализа рассмотрены два временных периода – с 1919 по 1929 г. и с 1930 по 1945 г. Основные группы детей, на которых была направлена социальная политика государства в рассматриваемый период, включала беспризорников, сирот, детей, лишенных возможности учиться в школе, детей-беженцев, т. е. так называемые депривированные группы. Показано, какие решения советской власти имели решающее значение для поддержки наиболее социально незащищенных групп.

Ключевые слова: общественный договор, дети, подростки, беспризорники, сироты, советская власть

Для цитирования: Колосова Е.А. Социальная политика в сфере детства (1919–1945 гг.) как проявление общественного договора // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 150–159. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-150-159

Social policy in the field of childhood (1919–1945) as a manifestation of the social contract

Elena A. Kolosova

*Russian State University for the Humanities, Москва, Россия,
the_shmiga@mail.ru*

Abstract. The article deals with the implementation of social policy in the field of childhood during the period of political, economic and social transformations of Russian society from 1919 to 1945. The analysis considers two time periods – from 1919 to 1929 and from 1930 to 1945. The main groups of children targeted by the State's social policy during the period under review included street children, orphans, children deprived of the opportunity to

© Колосова Е.А., 2024

study at school, refugee children, i. e. the so-called deprived groups. It is shown which decisions of the Soviet government were crucial for supporting the most socially vulnerable groups.

Keywords: social compact, children, teenagers, street children, orphans, Soviet authority

For citation: Kolosova, E.A. (2024), “Social policy in the field of childhood (1919–1945) as a manifestation of the social contract”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 150–159, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-150-159

Введение

Социальная политика, и в том числе политика, направленная на защиту детей, начала складываться в XIX и XX столетиях.

В советский период на разных этапах были сформированы разные политические подходы в отношении детей. Исследователи подчеркивают постоянное присутствие в политической риторике и общественном отношении дискурса социальной опасности детей без попечения родителей [Социальная политика... 2009].

Кроме того, для советского периода была характерна патерналистская модель отношений между государством и обществом, ориентированная на заботу о социальном воспроизводстве и ответственность за будущие поколения.

Представленный в статье период сопровождался кардинальными политическими, экономическими и социальными изменениями, которые предполагали слом прежних отношений между обществом и властью [Воробьева 2024].

Беспризорность, на которую были направлены меры государства на протяжении рассмотренного исторического периода, была следствием политических и экономических трансформаций, затронувших страну в конце второго десятилетия XX столетия, и являлась доказательством распада тех ценностей, которые были актуальны для дореволюционной России.

Первый этап реализации социальной политики в сфере детства: 1919–1929 гг.

Всероссийский съезд деятелей по охране детства, состоявшийся 2–8 февраля 1919 г. в Москве, впервые с момента образования

Советского государства сконцентрировал свое внимание на охране детей в переломный момент истории. Отмечались два фактора, подчеркивающих значимость такой охраны и защиты детства. Во-первых, происходившая ломка капиталистических отношений, которая привела к вытеснению женщины из семьи на арену общественного производства, разрушению частного семейного воспитания детей и выдвиганию проблемы социального, государственного воспитания. Во-вторых, Гражданская война, которая неизбежно оставляет государству осиротевших и брошенных детей, которых необходимо обеспечить¹.

Советское государство ставит своим приоритетом снабжение детей, расширение кредитов на нужды охраны детей и создание льготных условий для снабжения детских учреждений необходимыми предметами. С этой целью создается особый орган – Совет защиты детей.

Общее число несовершеннолетних, по данным статистики на начало 1923 г., нуждавшихся в заботах о них государства, составляло 2–3% от общего населения в Федерации, т. е. от 2 700 000 до 4 000 000 детей и подростков².

Сюда лишь частично вошла обширная группа детей и подростков, занятых на улице тем или другим трудом, а также так называемые сироты или полусироты. Ярким показателем «уличности» служит подавляющее обилие детей и подростков, лишенных школы. К середине 1923 г. в РСФСР (без автономных республик) из 6 836 180 подростков обоего пола ходили в школу лишь 558 020³.

Сиротство определялось как предтеча беспризорности и требовало обязательного вмешательства государства для обеспечения опеки над теми, кто лишился по тем или иным причинам родителей.

Обнаружена корреляция между сиротством и беспризорностью благодаря соотношению между правонарушениями и семейным положением подростка. Показательны данные по воспитанникам детских домов Петрограда в 1920 г. «Оба родителя были живы только у 22%, один отец у 12%, одна мать у 37%, круглых сирот было 305. По сравнению с данными 1911–1915 гг. число

¹ Всероссийский съезд деятелей по охране детства (1; 1919; Москва). Первый Всероссийский съезд деятелей по охране детства, 2–8 февраля 1919 г. в Москве: [стеногр. отчет]. [М.: 3-я гос. тип.,] 1920. 74 с.

² *Василевский Л.М.* Голгофа ребенка. Беспризорность и дети улицы. Л.; М.: Книга, 1924. 99 с.

³ Там же.

круглых сирот увеличилось почти вдвое⁴. По данным за 1921 г., среди несовершеннолетних рецидивистов 70% являлись сиротами и полусиротами⁵.

На II Всероссийском съезде по охране детства в ноябре 1924 г. были поставлены задачи по организации идеологического воспитания детей, включающего трудовое и общественно-политическое воспитание. Итогом обсуждения стало

...принятие мер по улучшению работы государственных воспитательных учреждений для детей, лишившихся родителей или потерявших связь с ними, детей одиноких матерей, а также детей, нуждающихся в помощи и защите государства вследствие объективных причин⁶.

Анализ архивных документов показывает, что в первое десятилетие советской власти работа детских учреждений была подчинена главной задаче – борьбе с детской беспризорностью и выработке новых методик воспитательной работы в изменившихся социальных условиях, кроме того, уточнялось юридическое определение терминов «беспризорность» и «безнадзорность», поскольку из-за их отсутствия были неоднозначными границы государственного вмешательства в сферу воспитания ребенка.

20 июня 1927 г. Президиумом Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР утвержден трехлетний план по борьбе с детской беспризорностью на 1927–1929 гг.

План включал:

...организацию и содержание трудовых коммун Народного комиссариата просвещения; улучшение содержания беспризорных, находящихся в уже существующих учреждениях; усиление трудовой подготовки; организованный выпуск воспитанников детских домов на фабрики, заводы, в крестьянские семьи; профилактическую работу по предупреждению беспризорности; профилактические мероприятия по охране материнства и младенчества; организацию

⁴ Там же.

⁵ *Люблинский П.И.* Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. 300 с.

⁶ Всероссийский съезд по вопросам детской беспризорности, детского дома и правовой охраны детей и подростков (2; 1924): Материалы ко второму Всероссийскому съезду социально-правовой охраны детей и подростков и детских домов 26 ноября 1924 г. М. [: б. и.], 1924. 176 с.

специальных детских учреждения Народного комиссариата здравоохранения⁷.

Однако государство столкнулось с целым рядом проблем, затруднявших реализацию планов, намеченных советской властью в отношении детей и подростков: недостаточная подготовленность воспитательного состава к работе в условиях детских домов; материальная необеспеченность детских домов, нехватка оборудования; низкая оплата труда педагогического и технического персонала; сокращение сети детских учреждений в городах, перевод в сельскую местность; отдаленность от культурных центров производственной базы.

Второй этап социальной политики в сфере детства (1930–1945-х гг.)

В 1930 г. начинается второй этап реализации социальной политики государства в отношении детей. III Всероссийский съезд по охране детства (май 1930 г.) указал на

...необходимость прикрепления каждого детского учреждения к производству или колхозу/совхозу/деревне с целью улучшения трудовой подготовки воспитанников детских домов⁸.

Основной упор делался на широком привлечении общественности к борьбе за ликвидацию беспризорности – профсоюзов, комсомола, пионерии, женсоветов, депутатов местных советов.

Согласно справке Деткомиссии ВЦИК о детской беспризорности⁹, в 1931 г. в РСФСР насчитывалось 1475 детдомов со

⁷ РСФСР. Центральный исполнительный комитет. Комиссия по улучшению жизни детей. Трехлетний план борьбы с детской беспризорностью. М.: Деткомиссия при ВЦИК, 1927 (тип. «Рабочий ленинец»).

⁸ Всероссийская конференция по охране детства (3; 1930; Москва). Резолюции 3-го Всероссийского съезда по охране детства 25–30 мая 1930 г. и 1-го Всероссийского совещания по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью 7 декабря 1930 г. [Москва]: Огиз: Наркомпрос РСФСР, 1931 (типо-лит. им. Воровского). 62 с.

⁹ Из справки ДТК ВЦИК о детской беспризорности. 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5207. Оп. 3. Д. 49. Л. 188–190. Копия. Машинопись. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371495-iz-spravki-dtk-vtsik-o-detskoj-besprizornosti-1935-g#mode/inspect/page/2/zoom/4> (дата обращения 20 мая 2024).

105 561 воспитанником. В 1933 г. количество детских домов выросло до 2045, а воспитанников стало уже 241 744.

31 мая 1935 г. вышло специальное постановление Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». При каждом детском доме работали Наблюдательные советы, состоящие из рабочих и колхозников шефствующих предприятий и колхозов. Наблюдательные советы должны были контролировать состояние детдомов, условия, в которых осуществляется воспитание детей, и помогать по мере сил. В 1936 г. Деткомиссия ВЦИК возложила обязанности по патронированию и оказанию материальной помощи детдомовцам, проживающим в сельской местности, на колхозные кассы взаимопомощи.

В ходе проверок были выявлены следующие нарушения: низкое качество воспитателей; неудовлетворительное материально-хозяйственное положение детдомов; частые перебои в снабжении детей продуктами питания; слабое снабжение детей обувью, одеждой и постельными принадлежностями; несвоевременная и неполная передача Районным исполнительным комитетам кредитов, предусмотренных бюджетом, на содержание детдомов. Указанное положение создалось из-за «оппортунистического руководства» органов народного образования (воровство, нерациональное использование ресурсов, сокрытие сведений о реальном положении дел, неисполнение взятых обязательств), крайне слабого внимания к задачам воспитания детей в детдомах со стороны районных, партийных и комсомольских организаций, недопустимого отношения областных и районных снабжающих организаций к снабжению продуктами питания и промышленными товарами детей детдомов и слабого контроля со стороны органов Рабоче-крестьянской инспекции на местах за работой указанных детдомов¹⁰.

С начала 1930-х гг. воспитанники детских домов столкнулись с целым рядом трудностей. И несмотря на постоянное внимание к проблемам улучшения работы детских домов, государство на протяжении второго десятилетия советской власти не смогло полностью побороть проблему беспризорничества.

¹⁰ Постановление объединенного заседания президиума областной КК и коллегии областной РКП «О состоянии детских домов на Урале». 2 сентября 1932 г. // ГАСО. Ф. р-245. Оп. 1. Д. 2106. Л. 1, 1 об., 2. Машинопись. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/89562#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 20 мая 2024).

*Детская беспризорность в годы
Великой Отечественной войны
(1941–1945 гг.)*

Один из пиков роста количества детей, оставшихся без попечения родителей, пришелся на годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Государство в лице Народного комиссариата просвещения и Народного комиссариата здравоохранения поставило задачу по размещению эвакуированных детских учреждений, сохранению и расширению сети уже существующих детских домов. 23 января 1942 г. Совнарком СССР принял решение «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей».

В том же 1942 г. Центральный комитет ВЛКСМ издал постановление «О мерах комсомольских организаций по борьбе с детской безнадзорностью, по предупреждению детской беспризорности». Таким образом, к задачам государства по выявлению беспризорных детей и определению их в детские дома подключились активисты комсомольских организаций.

Постановление Совнаркома СССР и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» (от 23 августа 1943 г.) предусматривало для устройства, обучения и воспитания детей воинов Красной армии, партизан Отечественной войны, а также детей советских и партийных работников, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов, организовать в Краснодарском, Ставропольском краях, Ростовской, Сталинградской, Ворошиловградской, Воронежской, Харьковской, Курской, Орловской, Смоленской и Калининской областях, наиболее пострадавших в годы ВОВ, суворовские военные училища с закрытым пансионом для воспитанников; специальные ремесленные училища; специальные детские дома; детские приемники-распределители, необходимые для помощи тем детям, кто остался без попечения и нуждался в профориентации и поддержке для вступления во взрослую жизнь.

С апреля 1943 г. участие общественности в судьбе детей-сирот было широко реализовано через патронатное воспитание, которое осуществлялось на основании договора, заключенного между одним из членов семьи и представителем отдела народного образования. Ребенок передавался на воспитание в семью трудящихся, а государство полностью его обеспечивало и осуществляло контроль за воспитанием таких детей через отделы народного образования.

Позже был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» (8 сентября 1943 г.), который давал

усыновителям возможность взять ребенка в семью и дать ему свою фамилию (что, безусловно, способствовало укреплению взаимоотношений в семье с приемным ребенком, который уже не чувствовал себя чужим).

С середины 1944 г. появляется новая административная структура, которая берет на себя обязанности по поиску, отлову беспризорников и правонарушителей, и решает профилактические задачи по выявлению семей, где родители не справились с воспитанием детей (детская комната милиции). Представители этой структуры также брали на себя руководство работой представителей общест-венности по данным вопросам.

Заключение

Общественный договор –

...продукт осознанного и стихийного согласования действий двух основных сил – государства в лице политической власти и народа в лице общественных объединений, движений, эффективность и резуль-тативность которых проявляется не только на открытом, но и на латентном уровне в виде доверия, согласия, стремления построить «общую судьбу [Тощенко 2023, с. 170].

В отношении детства общественный договор в первые годы со-ветской власти был организован на самом высоком уровне, однако целый ряд факторов мешал его исполнению в полной мере.

Поскольку государство в лице политической власти вырабаты-вает свои цели, претендующие не только на решение неотложных, текущих задач, но и на перспективу, особое внимание было уделено идеологическому воспитанию детей, особенно содержащихся в дет-ских домах. К процессу ликвидации беспризорности привлекалась общественность в лице лидеров комсомола, пионерии, депутатов местных советов. Использовалась шефская помощь колхозов, сов-хозов, деревень.

К основным формам общественной помощи в системе охраны детства и борьбы с детской беспризорностью в военные годы отно-силась передача детей, оставшихся без попечения родителей, под опеку, на патронатное воспитание или усыновление.

Суть общественного договора представлена целью, которая объединяет базовые, основные устремления народа и намерения го-сударства. ...в ней находят отражение чаяния народа, которые питают

убеждения большинства людей по желаемому устройству общества, достижению группового и личного благополучия [Тощенко 2023, с. 170].

Отсюда желание советского государства избавиться от беспризорных и безнадзорных детей и улучшить состояние тех учреждений, которые были призваны обеспечить нормальное существование детей, оставшихся без попечения родителей и находившихся в сложных условиях существования.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации» Российского научного фонда, грант № 23-18-00093.

Acknowledgements

The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant “The Fates of the Social Contract in Russia. The evolution of ideas and lessons of implementation”, no. 23-18-00093

Литература

- Воробьева 2024 – *Воробьева И.В.* Ученые как субъект «общественного договора» в предвоенный период // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 3. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23.
- Социальная политика 2009 – Социальная политика и мир детства в современной России: Коллектив. моногр. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и Е.П. Антоновой. М.: ООО «Вариант», 2009. 272 с.
- Тощенко 2023 – *Тощенко Ж.Т.* Общественный договор в российском исполнении: реальность и уроки // Вестн. РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 3. Ч. 2. С. 168–183. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183.

References

- Toshchenko, Zh.T. (2023), “Social contract in Russian version: reality and lessons”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, part 2, pp. 168–183, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-3-168-183.

- Vorobyova, I.V. (2024), "Scientists as a subject of the 'social contract' in the pre-war period", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 3, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-3-12-23.
- Yarskaya-Smirnova, E.R. and Antonova, E.P. (eds.) (2009), *Sotsial'naya politika i mir detstva v sovremennoi Rossii* [Social policy and the world of childhood in modern Russia. Collective monograph], Variant, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена А. Колосова, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; the_shmiga@mail.ru

Information about the author

Elena A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; the_shmiga@mail.ru

УДК 316.4(4)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-160-170

Общественное одобрение
как индикатор успешности общественного договора
в странах Евросоюза

Евгений В. Зверев

*Федеральный научно-исследовательский социологический
центр РАН, Аналитический центр при Правительстве РФ,
Москва, Россия, zverevgeniyy@rambler.ru*

Аннотация. В данной статье исследуются концепция общественного договора и ее эволюция в контексте современных демократических государств. Особое внимание уделено взглядам Джона Ролза и его Теории справедливости, которая предлагает новый подход к принципам равенства и справедливости в общественном договоре. Анализируются социологические индикаторы, позволяющие оценить состояние общественного договора, такие как уровень доверия и т. п. Для изучения динамики этих индикаторов в странах Европейского союза используется исследование Евробарометр, предоставляющее актуальные данные для анализа изменений в восприятии гражданами общественного договора.

Ключевые слова: равенство, социальная справедливость, доверие к государственным институтам, демократические государства, социологический анализ

Для цитирования: Зверев Е.В. Общественное одобрение как индикатор успешности общественного договора в странах Евросоюза // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 160–170. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-160-170

Public approval
as an indicator of the success of the social contract
in the EU countries

Evgeniy V. Zverev

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS
Analytical Center for the Government of the Russian Federation?
Moscow, Russia, zverevgeniyy@rambler.ru*

Abstract. This article studies the concept of social contract and its evolution in the context of modern democracies. Special attention is paid to the

© Зверев Е.В., 2024

views of John Rawls and his Theory of Justice, which offers a new approach to the principles of equality and justice in the social contract. It analyzes sociological indicators that allow to assess the state of the social contract, such as the level of trust, etc. To study the dynamics of those indicators in the European Union countries, the Eurobarometer survey is used, which provides relevant data for analyzing changes in citizens' perception of the social contract.

Keywords: equality, social justice, trust in state institutions, democratic states, sociological analysis

For citation: Zverev, E.V. (2024), "Public approval as an indicator of the success of the social contract in the EU countries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 160–170, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-160-170

Введение

При изучении организации и функционирования государства исследователи неизбежно обращаются к теории общественного договора. Эффективное и стабильное функционирование демократической системы невозможно без налаженной договорной системы между государством и гражданами. Через договорные отношения регулируются важные аспекты, такие как политическое участие, влияние населения на политические и управленческие решения, права и свободы граждан, а также регулирование применения силы и другие вопросы. Изменения в мире и в отдельных странах требуют адаптации форм общественного договора, поскольку недостаточная гибкость и динамичность этого соглашения могут привести к разрушению устоявшейся системы.

Современный мир сталкивается с беспрецедентными кризисами как в международной политике, так и в экономике. Сложная международная политическая обстановка, экономический кризис, вызванный множеством факторов, и значительные экономические последствия пандемии COVID-19 – все эти потрясения затронули и страны Европейского союза. Возникшие проблемы ставят под сомнение устойчивость существующего политического и социального порядка в Европе. В связи с этим возникает важный вопрос: насколько договорная система в европейских странах эффективна в поддержании стабильности государственных институтов и насколько она соответствует современным общественным трансформациям? Сложившаяся ситуация требует от европейских государств пересмотра и адаптации своих политических и экономических стратегий для сохранения баланса между интересами

государства и потребностями граждан. Общественные и политические институты должны демонстрировать гибкость и способность к быстрой адаптации, чтобы эффективно реагировать на новые вызовы. Это может включать в себя пересмотр законодательных и политических механизмов, усиление институтов гражданского общества, а также внедрение инноваций.

В различные эпохи и в разных культурных контекстах общественный договор воспринимался и интерпретировался по-разному, что связано с развитием социальных и политических идей [Балацкий, Екимова 2022]. В нашем анализе мы будем опираться на Теорию справедливости Джона Ролза [Ролз 1995]. Эта теоретическая модель представляет собой современное понимание общественного договора и предлагает глубокое осмысление принципов справедливости, на которых должны основываться социальные институты и правовые нормы. Ролз формулирует концепцию справедливости как честность и равенство, предлагая при этом идеи, которые имеют большое значение для современных подходов к общественному договору и его реализации в условиях демократического общества. Ролз утверждает, что принципы справедливости должны обеспечивать равный доступ всех граждан к возможностям и ресурсам, независимо от их исходного социального и экономического положения. Это предполагает необходимость устранения барьеров, которые могут ограничивать способности и потенциал отдельных людей. Кроме того, социальные и экономические неравенства допустимы лишь в случае, если они способствуют улучшению положения наиболее незащищенных членов общества. То есть любое существующее неравенство должно приносить пользу и улучшать жизнь тех, кто находится в наиболее уязвимом положении.

В условиях современных демократий акцент смещается на обеспечение индивидуальных прав и свобод, а также на признание уникальности и достоинства каждого человека. Это отражает более сложное и многослойное понимание общественного договора, в котором государственные институты должны учитывать не только коллективные интересы, но и защищать и поддерживать права каждого гражданина как части более широкой социальной массы. Вместо того чтобы рассматривать общественный договор как инструмент для достижения однородного общественного блага¹, современные подходы подчеркивают необходимость интеграции разнообразных интересов и потребностей, обеспечивая тем са-

¹ Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре: Трактаты / Пер. с фр. А. Хаютина, В. Алексеева-Попова. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: КАНОН Пресс-Ц, 2000. 544 с.

мым более справедливое общество. В этом контексте государство становится не просто арбитром, но и активным защитником прав личности, способствуя гармоничному взаимодействию между индивидом и обществом.

С целью оценки состояния общественного договора нами будет использован анализ ряда показателей, которые помогают оценить степень удовлетворенности граждан, справедливость социальных институтов. Важным является уровень доверия к политическим институтам, таким как институты Европейского союза, национальные правительства и другие ключевые структуры власти. Доверие к этим институтам является индикатором стабильности политической системы и степени легитимности принимаемых решений. Когда доверие к государственным институтам снижается, то возникают риски кризиса доверия и как следствие рост политической апатии или усиление поддержки радикальных и популистских движений. Наконец, объективные экономические показатели, такие как потребительская инфляция, также играют важную роль в формировании общественных настроений. Экономическая нестабильность зачастую служит катализатором для усиления радикальных настроений, поскольку люди начинают искать альтернативные политические силы, способные предложить быстрые решения возникшего кризиса. Поскольку в работе Ролза доступ к экономическим ресурсам является одной из ключевых характеристик для оценки состояния общественного контракта, то выявление восприятия экономических показателей и уровня доверия социальными группами, как правило, наиболее уязвимыми перед кризисными проявлениями, позволит выявить устойчивость общественного согласия в странах Евросоюза.

Описанные выше показатели мы будем анализировать, опираясь на вторичный анализ данных европейского исследования «Евробарометр»². Анализ данных был проведен нами с 2014 г., что охватывает три электоральных цикла в Европарламенте. Выбор этого периода обусловлен несколькими факторами. Во-первых, начиная с 2014 г. в Европе произошли значительные изменения в политической и экономической сферах, оказавшие заметное влияние на политическую динамику, например усугубление миграционного

² European Commission, Brussels. Eurobarometer (2019). GESIS, Cologne. ZA7602, <https://doi.org/10.4232/1.14381>; European Commission, Brussels. Eurobarometer (2022). GESIS, Cologne. ZA7902. <https://doi.org/10.4232/1.14010>; European Commission, Brussels, Flash Eurobarometer (2024). GESIS, Cologne. ZA8815, <https://doi.org/10.4232/1.14348> (дата обращения 18 июля 2024).

вопроса. Во-вторых, анализ данных за указанный период позволяет оценить динамику общественного мнения, что, в свою очередь, дает нам возможность провести комплексный анализ резонансных событий. Также в рамках вторичного анализа данных нами был дополнительно включен 2022 г. по причине начала в этот период СВО, которая оказала существенное влияние на политические и экономические процессы в Европе. Она не только усугубила экономические проблемы, но и повлияла на общественные настроения, усилив опасения касательно стабильности и безопасности. Для обеспечения большей сопоставимости данных мы будем использовать массивы данных Евробарометра, собранные в четвертом квартале каждого из указанных годов. Это позволит провести анализ данных в стабильных временных интервалах, избегая сезонных колебаний и краткосрочных факторов, влияющих на восприятие и оценки респондентов, что позволит нам проследить долгосрочные тенденции и динамику изменений в общественном мнении.

В ходе нашего анализа были выявлены наиболее актуальные проблемы, волнующие население Европы. Анализ данных 2014 г. свидетельствует о том, что ключевой проблемой для жителей ЕС была экономическая ситуация. В этот период экономические трудности и финансовая нестабильность доминируют в общественном сознании, при этом мы наблюдаем, что к 2019 г. экономическая тематика утратила свою прежнюю актуальность: на первый план вышла правая повестка, занявшая лидирующие позиции среди жителей ЕС. Вопросы, связанные с миграцией, европейской идентичностью, стали основными темами общественного дискурса, что оказало значительное влияние на запрос граждан. Наблюдаемый рост результатов правых партий на выборах в Европарламент в обозначенный период подтверждает наш диагноз.

Как нами было упомянуто, в 2019 г. население Европы отдавало предпочтение вопросам, характерным для правой повестки, акцентируя внимание на проблемах мигрантов. Однако к 2022 г. ситуация снова претерпела зеркальное изменение: Европа, как и остальной мир, столкнулась с серьезными кризисами, и среди приоритетов жителей Евросоюза встали экологические и экономические вопросы. В 2022 г. особенно ярко проявилась острота экономических проблем – вместо общей озабоченности экономикой внимание населения сместилось на конкретные аспекты экономической сферы, такие как доступность энергоресурсов, инфляция и повышение стоимости жизни. Проблема иммиграции спустилась с первого на третье место, что указывает на возросшую актуальность повестки, поддерживаемой левыми партиями. Объективные статистические показатели также фик-

сируют напряженность в экономической сфере в данный период. В период с 2022 по 2023 г. инфляция в Европейском союзе значительно выросла, достигнув рекордных значений. В 2022 г. среднегодовая инфляция составила 9,2%, что более чем в три раза выше по сравнению с 2021 г., когда она составляла всего 2,9%. Это увеличение было вызвано резким ростом цен на энергоносители и жилье, а также значительным подорожанием транспортных услуг и продуктов питания. Особенно сильно инфляция затронула такие категории, как жилье и коммунальные услуги (увеличение на 18,0%) и транспорт (рост на 12,1%)³.

В 2024 г. жители Евросоюза стали все больше беспокоиться о проблемах международных отношений, что связано с затянувшимся конфликтом на Украине и неспособностью действующих органов власти найти эффективное решение (*в данном случае причиной появления проблемы, касающейся СВО, может служить изменение инструментария проведения опроса, поскольку в более ранних замерах респондентам не был предложен вариант «Война на Украине»*). Помимо этого, вновь обострилась проблема иммиграции, что возвращает актуальность правой повестке, которая традиционно делает акцент на этих вопросах. В то же время экономические проблемы сохраняют высокий уровень актуальности для населения, что указывает на сложную и многослойную природу нынешнего кризиса. Безусловно, повышение актуальности экономических вопросов в 2022 г. и рост значимости международных проблем в 2024 г. напрямую связаны с последствиями кризиса, который затронул и страны Европейского союза. Данные Евробарометра показывают, что неудовлетворенность населения состоянием экономики значительно возросла после 2019 г. Более того, ряд показателей, таких как состояние национальной и европейских экономик, демонстрируют уверенный рост неудовлетворенности на протяжении последних пяти лет, и по ряду оценок показатели вернулись к состоянию 2014 г. Существенное снижение доли неудовлетворенных состоянием экономических показателей в 2019 г. соотносится с объективными экономическими показателями Евросоюза за данный период. Низкий уровень инфляции, рекордно низкий уровень безработицы с начала века, а также общий стабильный экономический рост демонстрируют, что в предковидный период европейская экономика вошла в крепком и устойчивом состоянии. Подобное не могло не найти отражения в оценке удовлетворенности гражданами состоянием экономических показателей.

³ Eurostat, Economy and finance. URL: https://doi.org/10.2908/PRC_HICP_MANR (дата обращения 18 июля 2024).

Впоследствии, с 2022 г., фиксируется рост негативных оценок в отношении национальных экономик стран-членов ЕС, что отражает глубокое беспокойство граждан о своем финансовом положении и будущем экономическом развитии региона. Помимо этого, возросшая нестабильность на международной арене в 2024 г. усилила обеспокоенность населения по поводу политической безопасности и влияния глобальных конфликтов на внутренние проблемы ЕС, что также привело к усилению негативных настроений среди граждан.

В 2022 г. острота экономических проблем достигла пика, экономические трудности, такие как инфляция, резкое повышение цен на энергоносители и продукты питания, а также увеличение стоимости жизни, оказали сильное влияние на общественные настроения. В этот период левая повестка, которая сосредоточена на защите уязвимых слоев населения и справедливом распределении ресурсов, оказалась на переднем плане, так как потребности в социальной защите и экономической поддержке продемонстрировали рост в условиях кризиса. Результаты позволяют сказать, что в 2022 г. жители ЕС уделяли особое внимание вопросам доступности энергоресурсов и уровню цен. Но к 2024 г. ситуация изменилась, вопросы безопасности, иммиграции и защиты национальных интересов стали занимать центральное место. Международные конфликты, в том числе специальная военная операция, обострили восприятие угроз безопасности, этот сдвиг можно объяснить сочетанием международных кризисов и снижением давления на экономику по сравнению с 2022 г.

Перед нами стояла задача дифференциации общественного запроса между различными группами населения для более точного выявления потребностей и интересов каждой отдельной социальной группы, поскольку, рассматривая общественный договор через призму Теории справедливости Джона Ролза, необходимо понимать, насколько существующие договорные отношения между обществом и государством учитывают интересы различных социальных групп. В ходе анализа фиксируется, что старшие возрастные группы сильнее обеспокоены состоянием национальной и европейской экономик, вероятнее всего, по причине того, что экономические условия напрямую влияют на уровень их благосостояния, поскольку от состояния экономики зависят их профессиональные и пенсионные перспективы. При этом, несмотря на более позитивные комплексные оценки экономической ситуации, люди среднего возраста особенно неудовлетворены состоянием своего финансового положения, а также ситуацией в сфере трудоустройства.

Что касается социального положения, то можно зафиксировать, что рабочий класс и низший средний класс обеспокоены состоянием

национальной экономики и трудоустройством. Эти группы испытывают большую зависимость от экономических условий, в особенности от рынка труда, что делает их более восприимчивыми к таким сферам экономики. Мы можем сделать вывод о том, что наиболее ощутимый запрос на социальную поддержку формируется в среде рабочего и низшего среднего классов, а также среди представителей среднего и старшего возраста. С точки зрения Теории справедливости такое состояние уязвимых групп, их критичная оценка экономического состояния ставит под вопрос стабильность общественного договора.

Что касается доверия институтам, то анализ данных показывает, что уровень доверия к ним несколько варьируется в зависимости от возраста респондентов. В отношении средств массовой информации уровень недоверия наиболее высок среди людей среднего возраста (40–54 года) – 60%, что указывает на заметное критическое отношение к СМИ в этой группе. При этом остальные группы тоже выражают достаточно высокий уровень недоверия. Национальное правительство также вызывает значительное недоверие среди людей среднего возраста (60%), тогда как у молодежи оно несколько ниже – 52%. Пожилые люди (старше 55 лет) выражают недоверие на уровне 58%, что указывает на устойчивую тенденцию критического отношения к власти среди всех возрастных групп. Похожая картина складывается с национальным парламентом. Уровень недоверия среди людей среднего возраста достигает 60%, тогда как среди молодежи этот показатель немного ниже – 51%. Пожилые люди выражают недоверие на уровне 56%, что указывает на значительное критическое восприятие парламента среди всех групп, хотя и с некоторыми колебаниями в зависимости от возраста. Также всем возрастным группам свойственна определенная доля скептицизма в отношении общеевропейских институтов.

Мы можем фиксировать значительные различия между социальными классами. Наибольшее недоверие ко всем институциям проявляет рабочий класс: 63% не доверяют средствам массовой информации, 68 – национальному правительству, 66% – национальному парламенту. Это указывает на сильное критическое восприятие основных политических и информационных институтов в этой социальной группе. Низший средний класс также выражает значительное недоверие, особенно к правительству и парламенту, где недоверие составляет 63%. Средний класс демонстрирует более умеренное отношение – их недоверие варьируется от 55% к СМИ до 40% к Европейскому союзу. По мере повышения социального статуса уровень недоверия к институтам снижается. Верх среднего

класса и высший класс демонстрируют наименьший уровень недоверия ко всем институтам, особенно к правительству и парламенту (по 44%), а также к Европейскому союзу, где недоверие среди высшего класса составляет всего 28%. Однако даже в этих группах сохраняется определенный скептицизм к средствам массовой информации, особенно среди верхнего среднего класса, где недоверие к ним составляет 45%.

Общий вывод заключается в том, что недоверие к государственным и международным институтам наиболее выражено среди рабочего класса и низших слоев среднего класса, тогда как представители высших социальных слоев склонны проявлять меньше скептицизма. Это свидетельствует о том, что восприятие надежности и эффективности институций тесно связано с социально-экономическим положением.

Заключение

По итогам проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы. Рабочий класс и низший средний класс показывают высокий интерес к вопросам национальной экономики, трудоустройства и социальной поддержки. Эти группы наиболее чувствительны к экономическим условиям и нестабильности на рынке труда. Они выражают явную потребность в социальной поддержке, что связано с непосредственным влиянием экономических изменений на их жизненные условия. Высокий интерес к социальным аспектам и трудовым вопросам свидетельствует о том, что данные группы являются основными сторонниками левоориентированной политики, которая традиционно направлена на обеспечение социальной защиты, равенства и справедливости. Среди возрастных групп наблюдается повышенный интерес к вопросам, связанным с экономическим состоянием и социальной политикой, особенно в среднем и старшем возрасте. Эти группы проявляют большую обеспокоенность состоянием национальной экономики и финансовым положением, что связано с их жизненным опытом, карьерными и пенсионными перспективами. Они также более активно интересуются социальной поддержкой, поскольку их благосостояние может быть более уязвимо к экономическим колебаниям и изменениям в социальной политике. Таким образом, как рабочий и низший средний классы, так и представители среднего и старшего возраста формируют наиболее осязаемый запрос на социальную поддержку и левоориентированную политику. Рабочий класс и низший средний класс требуют ста-

бильности и защиты в условиях экономической нестабильности и трудностей на рынке труда. В то время как представители среднего и старшего возраста стремятся к более устойчивым условиям жизни и финансовой безопасности.

Верхушка среднего класса и высший класс являются более экономически независимыми группами населения и имеют больший доступ к материальным ресурсам, поэтому кризисные проявления оказывают на них меньшее влияние. Вследствие чего общественный контракт между государством и этой прослойкой населения является достаточно крепким и устойчивым. По Ролзу, общественный договор есть договор власти не со всем обществом, а с каждой из его социальных групп и даже с отдельными индивидами. Согласно теории справедливости, возможности каждого отдельного индивида и группы должны быть сбалансированы для общей выгоды и стабильности всего общества. В данном случае группами уязвимыми, обладающими ограниченными возможностями и с ярко выраженным запросом на социальное обеспечение и государственную поддержку выступают именно группы населения с низким уровнем благосостояния. Последствия пандемии, экономический и международный политический кризисы оказывают сильное влияние на их материальное положение и дальнейшие перспективы. Таким образом, взаимосвязь между экономическими проблемами и нарастающим скептицизмом по отношению к власти среди данных социальных групп демонстрирует неудовлетворенность последних сложившимися условиями общественного контракта.

Литература

- Балацкий, Екимова 2022 – Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Феномен общественного договора: эволюция концепций и современные интерпретации // Journal of Applied Economic Research. 2022. Т. 21. № 3. С. 604–635.
- Ролз 1995 – Ролз Дж. Теория справедливости / Под ред. В.В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995. 534 с.

References

- Balatsky, E.V. and Ekimova, N.A. (2022), “Social Contract Phenomenon. Evolution of Concepts and Modern Interpretations”, *Journal of Applied Economic Research*, vol. 21, no. 3, pp. 604–635.
- Rawls, J. (1995), *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice], Tselishchev, V.V. (ed.), Izdvo Novosibirskogo un-ta, Novosibirsk, Russia.

Информация об авторе

Евгений В. Зверев, аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5;

Аналитический центр при Правительстве РФ, Москва, Россия; 107078, Россия, Москва, пр. Академика Сахарова, д. 12; zverevgeniyy@rambler.ru

Information about the author

Evgeniy V. Zverev, postgraduate student, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 5, bld. 24/35, Krzhizhanovskogo Street, Moscow, Russia, 117218;

Analytical Center for the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 12, Akademika Sakharova Avenue, Moscow, Russia, 107078, zverevgeniyy@rambler.ru

УДК 791.4

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-171-180

Творческая интеллигенция
как актуализатор общественного договора:
опыт кинематографа

Демьян А. Цапко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, demzaza76@gmail.com*

Аннотация. Статья направлена на исследование взаимодействия музыки и кинематографа как механизма актуализации общественного договора в современном обществе. Анализируются двусторонние отношения между обществом и киноискусством, рассматривается, как музыка усиливает социально-политическое сообщение фильмов и как кино влияет на формирование общественного сознания. Внимание уделяется также сотрудничеству композитора и режиссера, которое в значительной мере определяет то, как аудиовизуальные продукты могут отражать и формировать актуальные запросы общества.

Ключевые слова: общественный договор, киноискусство, музыкальное сопровождение, социальная коммуникация, творческая интеллигенция

Для цитирования: Цапко Д.А. Творческая интеллигенция как актуализатор общественного договора: опыт кинематографа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 171–180. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-171-180

Creative intelligentsia
as an actualizer of the social contract.
The experience of cinematography

Demian A. Tsapko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, demzaza76@gmail.com*

Abstract. The article is aimed at studying the interaction of music and cinema as a mechanism for actualizing the social contract in modern society. The article analyzes the bilateral relations between society and cinematography, considering how music enhances the socio-political message of films and, in

© Цапко Д.А., 2024

turn, how cinema affects the formation of public consciousness. Attention will also be paid to the collaboration between the composer and the director, which largely determines how audiovisual products can reflect and shape the current needs of society.

Keywords: social contract, cinematography, musical accompaniment, social communication, creative intelligentsia

For citation: Tsapko, D.A. (2024), "Creative intelligentsia as an actualizer of the social contract. The experience of cinematography", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 171–180, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-171-180

Введение

В последние десятилетия мы стали свидетелями стремительных изменений в обществе, вызванных глобализацией, информатизацией и трансформацией социальных структур. Эти процессы обострили необходимость пересмотра традиционных представлений о сути общественного договора, который служит основой взаимодействия между обществом и властью¹. В ответ на эти вызовы творческая интеллигенция, состоящая из литераторов, музыкантов и кинематографистов, которая во все времена оставалась для власти не только группой, способной создавать объекты культурного воздействия, но и важнейшим субъектом общественного договора между населением и властью, становится актуализатором культурных изменений, способным не только интерпретировать, но и актуализировать этот важный социальный феномен [Тощенко 2023, с. 121].

Современное информационное общество немислимо без аудиовизуальных продуктов. Видеосюжеты, клипы, сериалы и фильмы наполняют не только кинотеатры и телеканалы, но и интернет-ресурсы, общественные заведения и даже улицы. Их создатели несомненно влияют на смысловое и эмоциональное содержание информационного поля, в котором находится огромное количество предельно разных людей [Маклюэн 2007, с. 183]. Синтетическая природа аудиовизуального контента делает кинематограф, как протосреду для соответствующих информационных продуктов, эффективным средством массовой коммуникации. Он неразрывно связан с музыкой как с универсальным инструментом, органично

¹ *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2023. 146 с.

продвигающим определенные идеи, нормы и ценности, зачастую в неявной форме. Создавая определенные образы и влияя на эмоции зрителя, музыка в кино становится невидимым агентом влияния на общественное мнение. Даже в первые годы своего существования в эпоху Великого немого кино кинематографисты учитывали музыкальное сопровождение своих картин, осуществляемое таперами. Создатели первых кинофильмов понимали важность физиологического воздействия музыки на эмоциональную сферу человека и, как следствие, ее влияние на восприятие изображения и его дальнейшую интерпретацию [Лисса 1970, с. 48].

Посредством кинематографа в XX в. успешно продвигались идеи революций, закреплялись общественно-одобряемые поведенческие паттерны, производились мобилизационные мероприятия.

Наиболее действенным инструментом продвижения и закрепления идей, в том числе политических, многие исследователи считают песню, используемую в кино. При этом не особенно важно, специально написана песня для картины или уже давно существует. Сам формат небольшого музыкального произведения с зарифмованным текстом является удобной упаковкой для популяризации образов, идеологических конструктов и даже стиля жизни. Если песня в кинофильме не просто звучит за кадром, а исполняется конкретным персонажем, она добывает его персонифицированную историю и становится атрибутом этого героя, через который легко транслировать любые, задуманные автором установки, минуя критические фильтры сознания зрителя.

Рассуждая о роли музыки в создании особого кинотекста, нельзя обойти тему совместного творчества композитора и режиссера [Шостакович 1954, с. 89]. Несомненно, полноправное соавторство свойственно далеко не всем кинопроизводителям. Лишь целенаправленное создание особой реальности, заставляющей зрителя погружаться в атмосферу воображаемых событий, заставляет кинорежиссера действовать в соавторстве с композитором.

Музыка может служить средством для усиления социально-политического сообщения фильма, отражая вполне конкретные запросы на актуализацию общественного договора. Особенно ярко это проявляется во времена особых требований к гражданам, когда государство ожидает особой жертвенности. Так, в фильмах о войне музыкальное сопровождение часто используется для подчеркивания героизма, трагедии или братства.

Соавторство в кинематографе может принимать различные формы. В некоторых случаях режиссер может дать композитору полную свободу действий, в то время как в других ситуациях режиссер просит реализовать свое видение звукового оформления.

В любом случае эффективное соавторство требует открытого общения и взаимопонимания между композитором и режиссером.

Говоря об отечественных авторах, необходимо сказать о 1930-х гг., ведь в те годы кинематограф обогатился благодаря таланту выдающихся советских симфонистов, среди которых были Дмитрий Шостакович, Сергей Прокофьев, Юрий Шапорин и другие. Особенно плодотворным было сотрудничество Сергея Прокофьева с режиссером Сергеем Эйзенштейном, вместе они исследовали звуковое и визуальное взаимодействие в кино [Эйзенштейн 1964, с. 315]. Музыка Прокофьева для фильмов Эйзенштейна, таких как «Александр Невский» и «Иван Грозный», выделяется глубокой выразительностью и точным соответствием музыкальных тем визуальной драматургии, достигая вершины мастерства в знаменитой сцене битвы на льду в «Александре Невском». Но и сам по себе фильм «Александр Невский», вышедший в 1938 г., является одним из самых известных примеров социально-политического искусства в истории кино. Этот фильм стал не только важным этапом на пути художественных воплощений на экране, но и, как принято сегодня считать, мощнейшим инструментом пропаганды, созданным в преддверии Второй мировой войны. В подтверждение слов о пропаганде можно выделить ряд социально-политических аспектов фильма, среди которых – героизация прошлого, в которой исторический персонаж Александр Невский выступает в роли национального героя России, символизирующего единство в борьбе против внешнего врага. В контексте растущей угрозы нацистской Германии фильм использовался для поднятия патриотических настроений в обществе. Еще одним важным социально-политическим аспектом фильма является аллюзия на актуальные события и вызовы: фильм основан на исторических событиях XIII в., но явно отражает события 1930-х гг., делая акцент на необходимости защиты Родины. Также Эйзенштейн использовал инновационные методы монтажа и визуального повествования для усиления идеологического сообщения фильма. Поэтому «Александр Невский» является важным примером того, как кино может быть использовано не только для развлечения, но и как средство социально-политической коммуникации, влияющей на общественное сознание и политические настроения, во время особого запроса государства к своим гражданам.

Классическим творческим союзом в отечественном кинематографе является сотрудничество Андрея Тарковского и Эдуарда Артемьева. Мировоззренческое единство Эдуарда Артемьева с близкими соратниками А. Тарковского, коллегами и соавторами А. Кончаловским и Н. Михалковым, позволило сформировать

устойчивый творческий союз, создающий запоминающиеся, своеобразные нравственные манифесты. Таким специфическим социально-политическим содержанием полны «Иваново детство» и «Зеркало» А. Тарковского, «Свой среди чужих, чужой среди своих» и «Раба любви» Н. Михалкова, «Сибириада» А. Кончаловского и др. Эти произведения во многом стали творческим способом примирения государства и общества, своеобразным транскрибированием общественного договора.

Киномузыка давно завоевала статус одного из наиболее мощных инструментов социальной коммуникации. Однако ее способность не только создавать настроение и вызвать эмоции у зрителя, но и досказывать особым образом то, что в явной форме не произнесено актерами, эффективно используется почти сотню лет, в том числе, для передачи политических установок.

Отражение в киномузыке идей общественного договора направлено на объединение разных слоев общества вокруг общих ценностей. Помимо прочего, используя музыку в кино как инструмент политики и социальной критики, можно достичь значительных изменений в восприятии обществом тех или иных событий. Музыка в кино играет важную роль и в формировании политической культуры. Она способна не только вызвать эмоции и передать определенные идеи, но и объединить людей, побудить их к поддержке политических партий и социальных движений. Осознавая эту силу и влияние музыкальной составляющей кинематографа, создатели всегда использовали ее для продвижения убеждений и ценностей.

Распространение и беспрецедентная доступность киноконтента в современном мире делают изучение коммуникационных возможностей киномузыки как «мягкой силы» влияния на общественное мнение с учетом специфики разных социально-демографических групп принципиально важным.

Рассматривая музыку в кино как инструмент социально-политической коммуникации, неминуемо сталкиваешься с целым комплексом социокультурных феноменов и процессов, свойственных современному информационному обществу [Хабермас 1992, с. 55] и одновременно унаследованных во времена становления технических средств коммуникации и зарождения специфического аудиовизуального продукта, которым является кинематограф.

Среди множества различных средств коммуникации (печать, политическое общение, радио, городская информация, ТВ, интернет-ресурсы) музыка становится сквозным элементом, свойственным сразу нескольким каналам. При этом музыка в кино обладает особыми качествами, которые ярко проявляются в социальном

кодировании на примере песен о Великой Отечественной войне из фильмов, посвященных этой теме.

Примечательно, что данные различных социологических исследовательских организаций, полученные в разные годы, демонстрируют устойчивые музыкальные и кинематографические предпочтения россиян.

Специализированное эмпирическое исследование, проведенное в 2024 г. специалистами социологического факультета РГГУ и Аналитического центра при Правительстве РФ методом полужформализованного опроса населения, было направлено на выявление связи между запомнившимся контентом и социально-политическими установками зрителей². Его вопросы, равно как и их композиция в инструментарии, осознанно строились таким образом, чтобы выявить связь между спонтанным знанием или «вспоминанием» песни из фильма о Великой Отечественной войне и суждениями о роли советского народа в победе над фашизмом, о поколении победителей и ассоциациями, возникающими в отношении Великой Победы. Примечательно, что даже установки общего социально-политического характера на репрезентативной выборке продемонстрировали подобную зависимость [Цапко 2024, с. 121].

Так, вопросы, связанные с представлениями о патриотизме, были четче артикулированы теми, кто на открытый вопрос о том, какие песни о Великой Отечественной войне ему известны, дал содержательный ответ. Речь не шла о предпочтениях в контенте, а всего лишь об осведомленности. Поэтому утверждать, что хорошо политически подкованные и патриотически настроенные люди предпочитают, а потому поют песни о войне, мы можем едва ли. Скорее результаты свидетельствуют о том, что кинопесни осуществляют функцию закрепителей идей, транслируемых фильмами, играют роль индикатора, проявляющего определенные социально-политические установки, и подспудно формируют общую картину мира, включая мировоззренческие структурные пары добра и зла, света и тьмы, правды и лжи...

Очевидность индикативной функции культурных артефактов (книг, фильмов и песен) стала основанием для исследований основных социологических измерителей страны. В 2015 г. фондом «Общественное мнение» (ФОМ) было проведено социологическое исследование, выявлявшее любимые фильмы, книги

² «Песни из кинофильмов о войне и социально-политические установки россиян». Январь 2024 г. Полуформализованный онлайн-опрос совершеннолетних россиян. Выборка квотная по полу и возрасту объемом 300 чел.

и песни о войне³. Помимо предпочтений россиян, изучались и установки, связанные с Днем Победы и Великой Отечественной войной. Книжки о войне к тому времени мало занимали внимание граждан и потому продемонстрировали невысокие проценты. При этом упоминались преимущественно произведения, включенные в школьную программу изучения отечественной литературы. Так, в числе лидеров «А зори здесь тихие» Б. Васильева (4%), «Молодая гвардия» А. Фадеева (3%), «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого (3%), «Судьба человека» М. Шолохова (2%). Остальные книги были названы 1% россиян и менее. Несомненно, киносмотрение – более распространенная практика и в отношении получения контента о Великой Отечественной войне. Данные, полученные ФОМ десять лет назад, предельно похожи на те, что были нами собраны в этом году. Среди наиболее часто упоминаемых художественных фильмов о войне – «В бой идут одни старики» (20%), «А зори здесь тихие» (17%), «Они сражались за Родину» (9%), «Семнадцать мгновений весны» (6%), «Батальоны просят огня» (5%), «Офицеры» (5%).

Что касается песен, то на открытый вопрос «Когда Вы встречаетесь с родственниками, друзьями и знакомыми, поете ли вы песни о войне? И если да, то какие?» содержательно ответили почти 40%. Для открытого вопроса это весьма существенная активность. Значит, что россияне действительно знают и поют эти песни, помнят их названия и способны быстро их воспроизвести. Военная песня в активе быстрого доступа памяти является существенным элементом повседневности и мировоззрения россиянина. Чаще всего, как и в нашем исследовании, назывались песни «Катюша» (19%), «10-й наш десантный батальон» (17%) и «День Победы» (12%). Остальные песни набрали меньшие проценты, распавшись на музыку разных предпочтений и сложности для хорового исполнения, однако вместе оформились в представительную библиотеку музыкальной песенной культуры наследников победителей. Большая часть этих песен была написана для фильмов или стала популярной благодаря использованию в кино. Вполне объяснимо, что в этом исследовании для 51% россиян День Победы – народный праздник, а в возрастной группе от 31 года до 45 лет таких ответов более 57%, еще для 6% – это семейный праздник.

Сравнение этого праздника с Днем народного единства весьма показательно. Полное отсутствие культурных и коммуникацион-

³ ФОМ «ТЕЛЕФОМ: историческая память». Апрель 2015 г. Телефонное интервью с совершеннолетними россиянами. Выборка случайная объемом 1000 чел.

ных продуктов, связанных с этим праздником, делают его непонятным, надуманным, принужденным. Нет ни одной песни, книги или фильма, легко вспоминаемых россиянами и закрепленных в общественном сознании. В результате 42% считают праздник незначимым для себя, от 60 до 70% устойчиво считают его дополнительным выходным днем и только.

Данные специалистов Всероссийского центра изучения общественного мнения за 2021–2024 гг. подтверждают значимость социокультурного контента в жизни и социально-политических установках россиян. Продолжая тему восприятия контента о Великой Отечественной войне как опорного примера, рассмотрим данные исследования ВЦИОМ 2021 г. «День Победы: как его отметят в России»⁴. Оказалось, что около 70% россиян считают День Победы главным праздником, а в группе пенсионеров (60 лет и старше) доля таких мнений составила 78%. Примечательно, что, отвечая на вопрос об ассоциациях, возникающих применительно ко Дню Победы, около 40% назвали песни военных лет. Этот процент совпал с долей упоминания вечного огня – главного символа памяти павших в ту войну. Каждый четвертый 9 мая каждого года пересматривает фильмы о войне, среди которых все те же «В бой идут одни старики» (27%), «А зори здесь тихие» (14%), «Офицеры» (14%), «Они сражались за Родину» (12%), «Семнадцать мгновений весны» (9%). И, конечно, готовы спеть военные песни со своими близкими (93%).

К числу самых часто исполняемых россияне отнесли все те же «Катюшу», «День Победы» и песни из кинофильмов о Великой Отечественной войне.

В другом исследовании ВЦИОМ, посвященном памяти о советском прошлом, которое называлось «Советские песни о главном», выяснилось, что у 61% россиян есть любимая песня времен Советского Союза. Тройка лидеров представлена весьма характерно: «Катюша», «Гимн Советского Союза» и «День Победы». При этом любимыми советскими фильмами, помимо комедий Л. Гайдая и Э. Рязанова, стали «В бой идут одни старики» Л. Быкова и «А зори здесь тихие» С. Ростозкого.

Музыка как главный массовый контент, самый понимаемый, самый легко и даже фонововоспринимаемый, устойчиво бьет рекорды потребления. По данным того же ВЦИОМ, сегодня 89% россиян слушает музыку регулярно и каждый второй (51%) слушает

⁴ ВЦИОМ. «День Победы: как его отметят в России». Май 2021 г. Телефонное интервью с совершеннолетними россиянами. Выборка случайная объемом 1600 чел.

ее каждый день. При этом каждый четвертый слушает рок-музыку, наполненную смыслами, в том числе социально-политического содержания, если не сказать протестного. Еще 19% предпочитают слушать исполнителя, именующегося Shaman, а он устойчиво ассоциируется с патриотической песней и, несомненно, транслирует совершенно конкретные политические установки. Что может быть более эффективной и мягкой социально-политической коммуникацией, чем музыка? Только музыка в кино. Так, киномузыка в общественном сознании является ярким индикатором социально-политической коммуникации, реальным и действенным инструментом, формирующим ценностные установки.

Как бы то ни было, коммуникационные возможности киномузыки, безусловно, велики. В талантливых профессиональных руках они, с одной стороны, отражают конкретные запросы на актуальный общественный договор, а с другой – становятся инструментом популяризации ценностных установок, обеспечивающих его эффективность. Это свойство киномузыки в настоящее время предельно востребовано. Дальнейшее изучение правил ее целевого применения, выявление закономерностей, возникающих в ходе ее использования, становятся важными задачами как политической социологии, так и социологии коммуникаций.

Литература

- Лисса 1970 – Лисса З. Эстетика киномузыки / Пер. с нем. А.О. Зелениной, Д.Л. Каравкиной. М.: Искусство, 1970. 496 с.
- Маклюэн 2007 – Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Understanding Media: The Extensions of Man. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
- Тощенко 2023 – Тощенко Ж.Т. Общественный договор: эволюция идей // Россия реформирующаяся: Ежегодник. Вып. 21 / Отв. ред. М.К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 98–121.
- Хабермас 1992 – Хабермас Ю. Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // Демократия. Разум. Нравственность. М.: Наука, 1992. С. 31–55.
- Цапко 2024 – Цапко Д.А. Музыка в кино как инструмент формирования духовного мира // Общественный договор: формы участия интеллигенции в его реализации в России. М.: РГГУ, 2024. С. 121–130.
- Шостакович 1954 – Шостакович Д.Д. Еще раз о киномузыке // Искусство кино. 1954. № 1. С. 85–89.
- Эйзенштейн 1964 – Эйзенштейн С.М. Будущее звуковой фильма. Заявка // Эйзенштейн С.М. Избр. произведения: В 6 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 315–316.

References

- Eisenstein, S.M. (1964), “The future of sound films. Claim”, Eisenstein, S.M. *Izbrannyye proizvedeniya: V 6 t.* [Selected works in 6 volumes], vol. 2, Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 315–316
- Habermas, J. (1992) “The philosophical dispute around the idea of democracy (Lecture two)”, Habermas, J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'* [Democracy. The mind. Morality], Nauka, Moscow, Russia, pp. 31–55.
- Lissa, Z. (1970), *Estetika kinomuzyki* [Aesthetics of film music], Zelenina, A.O. and Karavkina, D.L. (transl.), Iskusstvo, Moscow, Russia.
- McLuhan, M. (2007), *Ponimanie media: vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding media. The Externitions of Man], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Shostakovich, D.D. (1954), “Once again about film music”, *Iskusstvo kino*, no. 1, pp. 85–89.
- Toshchenko, Zh.T. (2023), “The social contract: the evolution of ideas”, Gorshkov, M.K. (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik. Vyp. 21* [Reforming Russia. Yearbook, iss. 21], FNISTS RAN, pp. 98–121.
- Tsapko, D.A. (2024), “Music in cinema as a tool for the formation of the spiritual world”, *Obshchestvennyi dogovor: formy uchastiya intelligentsii v ego realizatsii v Rossii* [Social contract. Forms of participation of the intelligentsia in its implementation in Russia], RGGU, Moscow, Russia, pp. 121–130.

Информация об авторе

Демьян А. Цапко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; demzaza76@gmail.com

Information about the author

Demian A. Tsapko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; demzaza76@gmail.com

УДК 343.26(470)

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-181-192

Социальные практики тюремной повседневности в первые годы советской власти

Наталья М. Великая

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
natalivelikaya@gmail.com*

Анна А. Голосеева

*Институт социально-политических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук, Москва, Россия,
goloseyeva@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются основные повседневные практики женщин – политических заключенных советских тюрем первых лет советской власти, отраженные в воспоминаниях эсерки, журналистки и писательницы Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (1886–1964), второй жены В.М. Чернова, находившейся в заключении с 1920 по 1921 г. Данные воспоминания являются не только интереснейшим историческим, но и социологическим источником, позволяющим выявить ряд аспектов тюремной повседневности и доминирующие повседневные практики, позволявшие женщинам адаптироваться к экстремальным условиям тюремного заключения.

Ключевые слова: О.Е. Чернова-Колбасина, женщины-заключенные, тюрьмы ВЧК, тюремные практики, повседневные практики, эсеры, партия социалистов-революционеров

Для цитирования: Великая Н.М., Голосеева А.А. Социальные практики тюремной повседневности в первые годы советской власти // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 181–192. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-181-192

© Великая Н.М., Голосеева А.А., 2024

Social practices of prison daily life in the early years of Soviet power

Natalia M. Velikaya

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com*

Anna A. Goloseyeva

*Institute of Socio-Political Research of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, goloseyeva@gmail.com*

Abstract. The article considers the main daily practices of women political prisoners of Soviet prisons in the early years of Soviet power, reflected in the memoirs of the Socialist-Revolutionary, journalist and writer Olga Eliseevna Kolbasina-Chernova (1886–1964), the second wife of V.M. Chernov. She was imprisoned from 1920 to 1921. Her memoirs are not only an interesting historical, but also a sociological source identifying a number of aspects of prison daily life and the dominant daily practices that allowed women to adapt to the extreme conditions of imprisonment.

Keywords: O.E. Kolbasina-Chernova, women prisoners, All-Union Cheka prisons, prison practices, everyday practices, Social Revolutionaries, the Socialist Revolutionary Party

For citation: Velikaya, N.M. and Goloseyeva, A.A. (2024), “Social practices of prison daily life in the early years of Soviet power”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 181–192, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-181-192

Введение

Удержание власти большевиками после октября 1917 г. было возможно при условии жестких и безжалостных действий в отношении политических оппонентов. Уже 7 (20) декабря 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией, использовавшая целый ряд репрессивных мер (от расстрелов до взятия семей в заложники). После Октябрьского переворота и вплоть до окончания Гражданской войны различным видам репрессий подверглось порядка 2 млн человек, прежде всего представителей бывших правящих классов и интеллектуальной элиты страны [Zemkova, Roginsky 2017]. Следует отметить, что политические репрессии практически сразу стали применяться не только к «классово чуж-

дым» элементам, но и к недавним соратникам по революционной борьбе – представителям партий и движений демократического социализма (эсерам, народным социалистам, меньшевикам).

Была сформирована и новая пенитенциарная система. По отзывам деятелей революционного движения, имевших опыт отбывания заключения по политическим статьям, царские тюрьмы не шли ни в какое сравнение с жуткими условиями и жестокостью обращения с заключенными в новых большевистских застенках¹.

В данной статье мы обращаемся к воспоминаниям Ольги Елисеевны Колбасиной-Черновой (1886–1964)², второй жены В.М. Чернова³, эсерки, журналистки и писательницы, о пребывании в тюрьмах ВЧК в 1920–1921 гг. Подчеркнем, что воспоминания О. Колбасиной были написаны практически сразу после выхода из тюрьмы, когда память еще хранила мельчайшие подробности, лица и голоса людей, с которыми ей пришлось там встретиться, что позволяет говорить о высокой достоверности этого документа.

Воспоминания бывших заключенных являются не только важнейшими историческими документами, представляющими яркую картину трагической реальности той эпохи, но и социологическими источниками, позволяющими выявить основные социальные практики выживания и адаптации в условиях депривации.

Цель данной статьи – выявить доминирующие социальные практики женщин-заключенных в пенитенциарных учреждениях первых лет советской власти, отраженных в воспоминаниях О.Е. Колбасиной-Черновой.

Обзор литературы

В целом проблематизация женской социальной памяти, зафиксированная в автобиографическом дискурсе, представлена в отечественной науке достаточно полно [Иванова 2003; Пушкарева 2019]. Изучение собственно нарративов в исторических и социоло-

¹ Вишняк М.В. Дань прошлому. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 133–134.

² Чернова-Колбасина О.Е. Воспоминания о советских тюрьмах. [Париж:] Парижская группа содействия партии социалистов-революционеров, [1922]. 35 с.; *Tchernoff O.* New Horizons. Reminiscences of the Russian Revolution. L., 1936. 287 p.

³ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) – один из лидеров партии социалистов-революционеров, председатель Всероссийского учредительного собрания.

гических исследованиях ведется в рамках традиций, заложенных Х. Арендт, которая описывала раскрытие уникальности личной идентичности перед окружающими с помощью слов и поступков как некое политическое пространство для идентичности, подтверждающая ее демонстративный, относительный и контекстуальный характер [Arendt 1998, p. 177–180].

Идеи Х. Арендт получили развитие в работах А. Кавареро, которая философски концептуализирует понятие нарративного «я», обращая внимание на разные дискурсивные стратегии рассказчиков [Cavarego 2000, p. 170]. Несомненно, биографические источники, и особенно автобиографии представляют собой особый тип знания, который обладает собственными критериями достоверности и аргументации [Валевский 1993, с. 46–48], что необходимо учитывать при интерпретации эго-документа.

Повседневность тюрем в СССР в том или ином объеме освещалась историками и этнографами [Лоевская 2018; Морозов 2005, с. 447–604, Петрова 2013; Холмова, Широкова 2021]. Е.М. Горецкая с успехом применяла количественный анализ при изучении воспоминаний женщин-заключенных [Горецкая 2023].

Информацию о самой О.Е. Колбасиной можно найти в воспоминаниях членов ее большой литературной семьи⁴, а также в работах, посвященных деятельности В.М. Чернова и партии социалистов-революционеров [Аврус и др. 2015; Иммонен 2015].

Тюремная повседневность в воспоминаниях О.Е. Колбасиной-Черновой

Биографию О. Колбасиной, используя выражение Дж. Леви, мы можем рассматривать как «модальную» [Леви 1996, с. 192–193, 198], поскольку ее жизненный путь был типичным для женщины, которая пришла в революционное движение в конце XIX – начале XX в. Получив образование на Высших Бестужевских курсах, она рано включилась в революционную деятельность, помогая сначала братьям, затем мужу. После большевистского переворота жила в эмиграции и только незадолго до смерти в 1964 г. вернулась в Советский Союз.

⁴ *Чернова-Андреева О.В.* Холодная весна. Годы изгнаний: 1917–1921. М.: АСТ, 2022. 362 с.; *Андреева-Карлайл О.В.* Остров на всю жизнь: Воспоминания детства. Олерон во время оккупации. М.: АСТ, 2021. 281 с.; *Дувакин В.Д.* Беседы с Ариадной и Владимиром Сосинскими. М.: Common place: Устная история, 2020. 320 с.

В начале 1920 г. чекисты безуспешно пытались арестовать В.М. Чернова, но схватили только его жену с тремя несовершеннолетними дочерьми (младшей Ариадне на момент ареста было всего 11 лет). Все они были отправлены в тюрьму ВЧК. Девочек довольно быстро отпустили, а сама О. Колбасина провела в заключении 15 месяцев.

В 1922 г. в Париже вышла брошюра Ольги Елисеевны «Воспоминания о советских тюрьмах», в которой рассказывалось о месяцах, проведенных в чекистских застенках. Описанный ею опыт – это не только живое свидетельство об условиях содержания заключенных, перенесенных голоде и лишениях, иезуитски-беспощадных методах, используемых большевиками против своих политических противников и всех инакомыслящих, но еще и тонкие наблюдения о реакции людей на заключение, работе провокаторов, поведении рядовых тюремщиков и представителей большевистского начальства.

Уже в начале 20-х гг. различные репрессивные практики стали неотъемлемой частью тюремного содержания: избиения, угрозы, пытки голодом, лишение возможности удовлетворения элементарных физиологических потребностей: сна, гигиены, нахождения на воздухе.

«Произвол и голод. Этими двумя словами можно характеризовать советский тюремный режим»⁵ – такими словами она начинает свою брошюру. Произвол подразумевал полную зависимость не только от следователя, но и от любого сотрудника тюрьмы: надзирателя, начальника конвоя или провокатора, жалобы которых было достаточно для сурового наказания заключенного. Например, сама Ольга Елисеевна после отказа от общения с явной провокаторшей «подверглась грубому ночному обыску, с издевательствами... и переводу в сырой карцер на 2 недели»⁶.

Угнетали физические унижения и отсутствие элементарных гигиенических норм, которые женщины переносили тяжелее, чем мужчины. Особенно травматичной в этом смысле была внутренняя тюрьма ВЧК: обыски с полным раздеванием и осматриванием тела⁷, специально проделанные отверстия для наблюдения в дверях и стенах туалета, запрет на попытки отвернуться или закрыться за спинами сокамерниц при переодевании, возможность помыться не чаще одного раза в пять недель и т. п.

В некоторых тюрьмах режим был более мягкий, а в других максимально ужесточался. Например, в Бутырской тюрьме

⁵ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 10.

инструкция, розданная заключенным, гласила, что запрещалось подходить к окну, переговариваться, перестукиваться, разговаривать в коридоре во время хождения в уборную и т. д. За нарушение инструкции конвойные имели право открыть огонь и действительно стреляли по окнам⁸.

Во внутренней тюрьме ВЧК правила, которые развешивались на дверях камеры за подписью Генриха Ягоды, запрещали громко разговаривать, смеяться, ходить по камере, подходить к окну или «глазку» двери; запрещались прогулки, свидания, книги...

Еще одним способом подавления воли были частые переводы в разные тюрьмы без предупреждения – заключенный испытывает вечное напряжение, невозможность расслабиться, страх перед неизвестным⁹. Сама Колбасина за 15 месяцев два раза сидела в тюрьме ВЧК (Лубянка, 11), два раза – во внутренней тюрьме ВЧК (Лубянка, 2), два раза – в Бутырской тюрьме, переводилась в Ярославскую тюрьму и в Новинскую женскую тюрьму в Москве.

Страх и постоянное ожидание новых репрессий вплоть до расстрелов ежечасно сопровождали заключенных.

Когда на воле происходили какие-нибудь события – покушения, настоящее или провокационное, восстания, угроза новой войны, наступление на каком-нибудь фронте, – над тюрьмами сгущались тучи¹⁰.

Правовые и процессуальные процедуры действительно отсутствовали – большинство заключенных сидели без приговора, бессрочно, пока по счастливой случайности не выпустят или не расстреляют.

Пытка голодом также была очень тяжелой. Тюремный обед в основном составлял жидкий суп из гнилой мороженой капусты, сваренный из ржавых селедочных голов, и примерно 125 грамм хлеба «величиной с косточку домино...», вспоминала дочь О. Колбасиной Ольга Викторовна¹¹. Долго продержаться на таком пайке было невозможно – голод становился постоянным и основным чувством, которое испытывали заключенные.

К 2-м, 3-м часам хотелось есть до тошноты, до головокружения... Иногда казалось, что голод доведет нас до помешательства, хотелось стены грызть, кричать и стонать от спазм в желудке¹².

⁸ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 14.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 214.

¹² Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 12.

Иногда предлагаемый паек есть было просто невозможно. Один раз им дали тот же капустный суп, но с кониной, где «в миске плавали куски челюсти с длинными лошадиными зубами»¹³.

О. Колбасина пишет и о частых болезнях заключенных – распространены были туберкулез, воспаление легких и цинга. В зимнее время особенно сказывалась нехватка одежды, белья, теплой обуви – практически все носили какие-то самодельные тапки из парусины на деревянной подошве. Красный Крест иногда передавал валенки, но очень мало – средств у этой организации было немного, а нуждающихся – тысячи.

Социальные практики выживания в условиях депривации

Единственной возможностью справиться с лишениями и выжить были солидарные действия и самоорганизация заключенных.

В тех тюрьмах, где возможно сообщение между собой... заключенные группируются в «коммуны», в которых все получаемые с воли передачи делятся на всех... Добавочной пищи, конечно, получается мало, т. к. очень многие передач не получают¹⁴.

В Бутырской тюрьме, где социалистам позволено было какое-то время контролировать распределение еды на кухне, прекратилось воровство и качество еды улучшилось. Когда Ольгу Елисеевну перевели в Бутырки, паек – густая похлебка из чечевицы – показался ей царской трапезой.

Заметим, что многие политические заключенные, уже ранее бывавшие в тюрьмах в царское время, были больше подготовлены к лишениям и физически, и с точки зрения организации быта, так как эти практики тиражировались. Хотя некоторые, даже революционеры с большим опытом каторги и тюрьмы, были не в состоянии вынести кошмара новой советской тюрьмы. Яркий пример – самоубийство в тюрьме эсера Сергея Морозова в декабре 1923 г., оставившего подробное предсмертное письмо, где рассказывалось о том, что его поступок – продуманное решение, обусловленное пониманием невозможности дальше терпеть физическую боль [Морозов 2005, с. 550].

В Ярославской тюрьме «экономическим старостой» был известный эсер, член ЦК ПСР М.А. Веденяпин. Под его руководством происходило распределение индивидуальных посылок.

¹³ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 214.

¹⁴ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 10.

Дверь торжественно открылась и в камеру вошел... староста с огромной доской, на которой были разложены правильными кучками: по кусочку селедки, ломтику белого хлеба, несколько изюминок, кусочку пирога (величиною с наперсток), $\frac{1}{8}$ яблока, $\frac{1}{2}$ конфетки. Оживлению и радости по поводу этого сюрприза не было конца. Время от времени М.А. Веденяпин устраивал такие сюрпризы нам всем или только женщинам, если чего-нибудь было слишком мало для всех, хотя женщины горячо протестовали против таких привилегий¹⁵.

Одной из форм сопротивления были голодовки заключенных, если несколько дней подряд давали испорченную еду, есть которую было опасно. Общие голодовки часто имели эффект, и протухшую еду заменяли.

Еще одной стратегией выживания была концентрация на чтении, когда это было возможным, лекции для сокамерников, дискуссии. В начале тюремного заключения семье О.Е. Колбасиной повезло: так как перед арестом их фактически сняли с поезда, им вернули их чемоданы с вещами. В вещах были и книги, за чтением которых они проводили следующие дни. Все книги они расставили на нарах, так как даже их вид радовал и скрашивал тюремный быт.

Пушкина у нас не было, но мы все знали очень много наизусть. И вечером, когда уставали глаза, мы вспоминали его вслух, как и Тютчева и Блока. У Ади была необыкновенная память, и она вспомнила много поэм Алексея Толстого: «Василий Шибанов», «Садко», «Князь Ростислав», но больше всего ей нравился «Боривой»¹⁶.

Более того, был и их индивидуальный семейный способ держаться: лишения обыгрывали и превращали в литературную аллюзию.

Мы легли спать на голые нары; ничем не покрытые, мы теснее прижались друг к другу, стараясь согреться. Мы вспомнили семью Меньшикова в Березовом на картине Сурикова¹⁷.

Даже ненавистный суп из несъедобной капусты приобретал поэтические черты: «вспоминались стишки про барина из “Записок из мертвого дома”: “Нальют капусту мне с водою – и ем, так за ушами трещит”»¹⁸.

¹⁵ Чернова-Колбасина О.Е. Указ. соч. С. 19.

¹⁶ Чернова-Андреева О.В. Указ. соч. С. 217.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 221.

Заключение

Ольга Елисеевна Колбасина была одной из первых, кто опубликовал воспоминания о советских тюрьмах, что позволяет рассматривать их как важнейший исторический источник, который показывает, что многие радикальные способы устрашения и издевательства над заключенными начали применять уже в первые годы функционирования советской пенитенциарной системы.

Помимо этого, воспоминания Ольги Елисеевны раскрывают личность автора как представителя определенной социально-политической группы русских леводемократических интеллектуалов, активно участвовавших в судьбоносных для России событиях первой половины XX в.

Социальные практики, отраженные в воспоминаниях О.Е. Колбасиной, условно можно разделить на две группы: типичные для заключенных того времени (и мужчин, и женщин) и собственно «женские» практики.

Первая группа включает в себя практики «нормализации» жизни в экстремальных условиях, налаживания социально-бытовой стороны жизни в заключении, практики солидаризации с другими заключенными и практики сопротивления тюремному режиму.

Вторая группа – специфические женские практики в условиях депривации. К ним можно отнести формирование психологического комфорта, пусть и относительного, путем внесения в тюремный быт элементов, напоминающих о доме, вербальной романтизации и поэтизации страдания, воспроизводства нарратива о людях, друзьях и родственниках на свободе, которые включены в их судьбу и готовы помогать по мере сил (передают письма и передачи, хлопочут об их судьбе). Создаваемая особая психологическая атмосфера была частью самосохранительного поведения у женщин-заключенных, позволяющего преодолеть как сепарацию с детьми, переживаемую женщинами особенно остро, так и отсутствие минимальных гигиенических стандартов, востребованных женщинами.

Изучение воспоминаний О. Колбасиной открывают возможность лучше понять особенности женского способа адаптации к экстремальным условиям и переработки травмирующего опыта в «энергию жизни», чтобы сохранить себя, свое человеческое достоинство и поделиться этой энергией с потомками.

Литература

- Аврус и др. 2015 – *Аврус А.И., Голосеева А.А., Новиков А.П.* Виктор Чернов: жизнь русского социалиста. М.: Ключ-С, 2015. 368 с.
- Валевский 1993 – *Валевский А.Л.* Основания биографики. Киев: Наукова думка, 1993. 110 с.
- Горецкая 2023 – *Горецкая Е.М.* Память о ГУЛАГе в воспоминаниях заключенных: гендерный и хронологический аспекты контент-анализа // Ист. журн.: науч. исслед. 2023. № 3. С. 1–18.
- Иванова 2003 – *Иванова Е.Ф.* Память об исторических событиях (на материале Холокоста): гендерный аспект // Социальная история. Ежегодник, 2003. Женская и гендерная история. М.: РОССПЭН, 2003. С. 217–234.
- Иммонен 2015 – *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015. 486 с.
- Леви 1996 – *Леви Дж.* Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 191–207.
- Лоевская 2018 – *Лоевская М.М.* Зарубежные воспоминания русских заключенных 20-х годов XX века // Stephanos. 2018. № 6 (32). С. 89–97. DOI: 10.24249/2309-9917-2018-32-6-89-97.
- Морозов 2005 – *Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.
- Петрова 2013 – *Петрова Н.С.* Неподцензурный советский фольклор в воспоминаниях заключенных Сиблага (1930–1940 гг.) // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2013. № 2-2. С. 52–63.
- Пушкарева 2019 – *Пушкарева Н.Л.* Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога: сопоставляя теоретические итоги российских и зарубежных автобиографических исследований // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2019. Т. 18. № 2. С. 214–245.
- Холмова, Широкова 2021 – *Холмова О.Я., Широкова А.А.* Лагерная жизнь и быт заключенных ГУЛАГА (по материалам воспоминаний узников лагерей) // Актуальные проблемы науки и образования в условиях современных вызовов: Сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 53–57.
- Arendt 1998 – *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1998. 349 p.
- Cavarero 2000 – *Cavarero A.* Relating Narratives: storytelling and selfhood / Transl. Paul Kottman. L.: Routledge, 2000. 178 p.
- Zemkova, Roginsky 2017 – *Zemkova E., Roginsky A.* Between empathy and indifference the rehabilitation of the victims of Soviet repression // Osteuropa. 2017. № 11–12. P. 97–123.

Referenses

- Arendt, H. (1998), *The Human Condition*, University of Chicago Press., Chicago, USA.
- Avrus, A.I., Goloseeva, A.A. and Novikov, A.P. (2015), *Viktor Chernov: zhizn' russkogo sotsialista* [Viktor Chernov. The life of a Russian Socialist], Klyuch-S, Moscow, Russia.
- Cavarero, A. (2000), *Relating Narratives: storytelling and selfhood*, Kottman, P. (trans.), Routledge, London, UK.
- Goretskaya, E.M. (2023), "The memory of the GULAG in the memories of prisoners. Gender and chronological aspects of content analysis", *History Studies*, no. 3, pp. 1–18.
- Immonen, Kh. (2015), *Mechty o novoi Rossii. Viktor Chernov (1873–1952)* [Dreams of a new Russia. Viktor Chernov (1873–1952)], St. Petersburg, Russia.
- Ivanova, E.F. (2003), "The memory of historical events (on the material of the Holocaust). Gender aspect", *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik, 2003. Zhenskaya i gendernaya istoriya*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 217–234.
- Kholmova, O.Ya. and Shirokova, A.A. (2021), "Camp life and everyday life of GULAG prisoners (based on the memoirs of camp prisoners)", *Aktualnye problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh sovremennykh vyzovov. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of science and education in the context of modern challenges. Collection of materials of VI Intern. scientific-practical conf. Moscow, 2021.], Moscow, Russia, pp. 53–57.
- Levi, J. (1996), "Biography and history", *Sovremennye metody prepodavaniya noveishei istorii* [Current methods of teaching modern history], Moscow, Russia, pp. 191–207.
- Loevskaya, M.M. (2018), "Foreign memoirs of Russian prisoners of the 20s of the 20th century", *Stephanos*, no. 6 (32), pp. 89–97.
- Morozov, K.N. (2005), *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist-Revolutionaries and the prison confrontation (1922–1926). Ethics and tactics of confrontation], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Petrova, N.S. (2013), "Uncensored Soviet folklore in the memoirs of prisoners of the Sibilag (1930–1940)", *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*, no. 2-2, pp. 52–63.
- Pushkareva, N.L. (2019), "The heuristic value of autobiographies for gender studies: comparing the theoretical results of Russian and foreign studies", *RUDN Journal of Russian History*, vol. 18, no. 2, pp. 214–245.
- Valevsky, A.L. (1993), *Osnovaniya biografiki* [The foundations of biography], Naukova dumka, Kiev.
- Zemkova, E. and Roginsky, A. (2017), "Between empathy and indifference the rehabilitation of the victims of Soviet repression", *Osteuropa*, no. 11–12, pp. 97–123.

Информация об авторах

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1; natalivelikaya@gmail.com

Анна А. Голосеева, кандидат исторических наук, доцент, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1, goloseyeva@gmail.com

Information about the authors

Natalia M. Velikaya, Dr. Sci. (Polit.), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Anna A. Goloseyeva, Candidate of Historical Sciences, associate professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 6, Fotieva Street, Moscow, Russia, 119333; goloseyeva@gmail.com

Иностранцы о портретных изображениях в Московии, их появлении и бытовании

Валентин Д. Черный

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, tchernie@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются свидетельства иностранцев о различных аспектах использования портретных изображений в России конца XV – XVII в. Начало их бытования отмечено в великокняжеской среде и связано с организацией политических браков. Контакты Московии с европейскими странами, особенно с середины XVI в., способствовали усилению интереса путешественников к личности царя. По этой причине появляются отдельные зарисовки и литературные портреты русских монархов. В ряде случаев отмечается стремление к репрезентации через их изображения Московского царства, а иногда и личных заслуг. С XVII в., по свидетельству иностранцев, картинки с изображением царя и медали с его образом становятся своего рода наградными знаками. В сочинениях нашел отражение и вопрос о взаимоотношениях иконописи и светской живописи, о возможности использовать художественные достижения живописцев в иконописании, что в этот период вызывало категорическое несогласие Русской церкви. Одновременно авторы отмечали сосуществование в одной среде, например в торговых лавках или резиденции патриарха, икон и портретных изображений, в том числе церковных иерархов, написанных с натуры. С конца XVII столетия иностранцы отмечают широкое использование в домах знати и государственных чиновников светской живописи, в том числе портретов. Иностранцами чаще всего являлись европейские дипломаты и члены торговых компаний, которые руководствовались в своих оценках критериями, отвечающими привычной обстановке своих стран и соответствующими представлениям о портрете, его роли и художественных достоинствах. В целом их сведения и оценки позволяют почувствовать динамику изменения отношения в использовании портретных изображений в России в период Позднего Средневековья и в конечном счете готовность к усвоению европейских ценностей.

© Черный В.Д., 2024

Ключевые слова: иностранцы в России, портрет, рисунок, гравюра, образ, икона, литературный портрет, восприятие, память

Для цитирования: Черный В.Д. Иностранцы о портретных изображениях в Московии, их появлении и бытовании // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 193–205. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-193-205

Foreigners about portrait images in Muscovy, their appearance and existence

Valentin D. Chernyy

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, tchernie@rambler.ru

Abstract. The article considers the testimonies of foreigners about various aspects of the use of portrait images in Russia at the end of the 15th–17th centuries. The beginning of their existence was noted in the grand ducal environment and is associated with the organization of political marriages. Muscovy's contacts with European countries, especially since the middle of the 16th century, contributed to the strengthening of travelers' interest in the personality of the tsar. For that reason, individual sketches and literary portraits of Russian monarchs appear. In a number of cases, there is a desire for representation through their images of the Moscow Kingdom, and sometimes personal merits. Since the 17th century, according to foreigners, pictures with the image of the tsar and medals with his image have become a kind of award badge. The works also reflected the question of the relationship between icon painting and secular painting, the possibility of using the artistic achievements of painters in icon painting, which at that time caused categorical disagreement of the Russian Church. At the same time, the authors noted the coexistence in one environment, for example, in retail shops or the residence of the patriarch, of icons and portrait images, including church hierarchs, painted from nature. Since the end of the 17th century, foreigners have noted the widespread use of secular painting, including portraits, in the homes of the nobility and government officials. Foreigners were most often represented by European diplomats and members of trading companies, who were guided in their assessments by criteria that meet the familiar environment of their countries and correspond to ideas about the portrait, its role and artistic merits. In general, their information and assessments provide a sense of the dynamics of attitude change in the use of portrait images in Russia during the Late Middle Ages and, ultimately, readiness to assimilate European values.

Keywords: foreigners in Russia, portrait, drawing, engraving, image, icon, literary portrait, perception, memory

For citation: Chernyy, V.D. (2024). "Foreigners about portrait images in Muscovy, their appearance and existence", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 193–205, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-193-205

Современная историография уверенно связывает появление портретных изображений («парсун») в России с первой третью XVII столетия. Одновременно исследователи признают существование и более древних изображений русских князей и царей, выполненных иностранцами и дошедших до нас в технике гравюры, которые в лучшем случае выполнялись по памяти или имели сомнительное происхождение [Лаврентьев 2004, с. 13]. В любом случае этот материал заслуживает специального рассмотрения в силу его значимости для изучения предпосылок появления в России натуральных изображений человека, даже если некоторые из них выполнялись по памяти. Однако иностранцы не только зарисовывали наиболее значимых, по их представлению, персон, но и оставили свои свидетельства о бытовании в Московии такого рода произведений, которые и станут объектом нашего изучения.

Устойчивые связи России с европейскими странами налаживаются в конце XV в. при Иване III, когда восстанавливается единое государство и возникает необходимость его утверждения на международной арене [Хорошкевич 1980]. Сопутствующими факторами этого процесса стали торговые контакты и приглашение в Московию специалистов различного профиля. К этому времени относится и первое упоминание о «портретах», называемых по-разному в русском дипломатическом обиходе. Еще в 1469 г., когда русский правитель был особенно заинтересован в укреплении своего политического статуса, в Италию с поручением организации его брака с Софьей Палеолог, племянницей последнего византийского императора, был отправлен Иван Фрязин (Джан Баттиста Вольпе)¹. Среди прочих поручений великого князя был наказ привезти изображение невесты: «...а царевну на иконе написану принесе»². Не исключено, что эту идею подсказал Ивану III сам ловкий и изобретательный Джан Баттиста Вольпе, выходец из итальянской Виченци, поскольку жанр портретной живописи в Италии уже

¹ Пирлинг П.О. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. С. 31.

² Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Б-ка литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 418, 430.

сформировался и пользовался большой популярностью. Весьма вероятно связь между процедурой сватовства и появлением известного карандашного изображения самого Ивана III, увидеть который могла пожелать и Софья³.

В 1525 г. об изображении великого князя Василия, сына Ивана III, полученного в Риме от московского посланника Дмитрия Герасимова, сообщает итальянский епископ Павел Йовий Новокосский. Более того, он даже ссылается на иллюстрацию в своей книге – мол, русского князя можно увидеть «написанного в таком виде»⁴. «Портреты» Ивана III и его сына Василия, переведенные в гравюру, чего требовали тогдашние условия книжной печати, широко известны по публикации в 1575 г. второго тома «Космографии» Андре Теве⁵.

Эти гравюры позволяют составить представление об исполнителях изображений, к которым они восходят. Очевидно, что авторами первоначальных рисунков были европейцы, так как по характеру исполнения они совершенно не связаны с иконописной традицией, зависимость от которой присуща парсунам и более позднего периода. Профильный «портрет» Ивана III отличается своей очевидной постановочностью, стремлением точно передать черты его лица и горделивую осанку. Сложенные на груди руки удерживают эфес сабли, а манерно отставленный указательный палец левой руки лежит на ее крестовине. В личности персонажа угадывается княжеская «порода», на принадлежность к которой указывает и высокая шапка монарха с опушкой, украшенная на отвороте. Все детали изображения тщательно прописаны. Возможно, это в некоторой мере указывает на его заказной характер. Иначе выполнено изображение Василия III. Князь здесь показан анфас со взглядом, направленным прямо на зрителя. В целом, бросается в глаза беглость рисунка: стандартный свободного покроя распашной кафтан с отложным воротником и нашитыми планками с пуговицами впереди, высокая тулья шапки и лишенное индивидуальных признаков лицо. Если сравнить облик Василия в трехчетвертном повороте на этом изображении с известной иконой «Святитель Василий Великий и великий князь Василий III», датированной серединой XVI в., то

³ *Ровинский Д.А.* Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб., 1882. С. 3.

⁴ *Йовий Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Рус. мир, 1997. С. 354.

⁵ *Ровинский Д.А.* Указ. соч. С. 3.

найти между ними какое-либо сходство вряд ли удастся. Между тем есть основания считать, что в основе иконного образа князя лежит его прижизненное изображение, выполненное предположительно «в западноевропейской манере» [Горматюк 2004, с. 228].

Другие возможности изображения русских правителей открылись в середине XVI в. Стоглавый собор 1551 г. подтвердил право изображать людей, «которые живы суци»⁶, в то время как ранее было принято воспроизводить образы только ушедших в мир иной. Конечно, в первую очередь этим воспользовался царь Иван IV. Он становится главным героем на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в., в подробностях представлявшего жизнь царя со дня его рождения. Его оглавное трехчетвертное изображение в короне появляется и на верхней крышке тисненного кожаного переплета Апостола Ивана Федорова, первой русской печатной книги [Уханова и др. 2019]. Однако кровавые события второй половины столетия: опричнина, жестокий разгром Новгорода 1570 г., 25-летняя Ливонская война и другие злодеяния – превратили Ивана IV в отрицательного персонажа. Английский дипломат Джером Горсей составил такой литературный портрет тирана, противопоставлявший благородную внешность порочной натуре:

Он был приятной наружности, имел хорошие черты лица, высокий лоб, резкий голос, – настоящий скиф, хитрый, жестокий, кровавый, безжалостный, сам по своей воле и разумению управлял как внутренними, так и внешними делами государства⁷.

Тем не менее в начале XVII в. его «портрет» увидел в Новгороде член голландского посольства Антонис Хутеерис:

Портрет этого тирана Ивана Васильевича мы видели в резиденции господина Баса в Новгороде и в связи с этим завели о нем разговор; однако картина не вырисовывалась⁸.

Иначе говоря, собеседники не поняли друг друга.

⁶ Стоглав // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 304.

⁷ Горсей Д. Записки о России: XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 94–95.

⁸ Коваленко Г. М. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г.М. Коваленко; пер. со швед. Г.М. Коваленко. Вел. Новгород: [б. и.], 2002. С. 80.

Сам же Иван Грозный при подготовке к очередной женитьбе не раз запрашивал у представителей зарубежных стран портретные изображения своих предполагаемых невест. По сообщению шведского дипломата Павла Юстена, членов их посольства в начале 1570-х гг. пригласили к «секретарям и одному высокому советнику», где предложили привезти на встречу с царем портрет сестры шведского короля⁹. Примерно такое же поручение царь дал десять лет спустя своему послу, Федору Писемскому, отправившемуся в Лондон, – сосватать за себя родственницу английской королевы Марию Гастингс, предварительно получив ее «живописный образ»¹⁰.

Своеобразный интерес к собственному портретному воплощению проявил царь Борис Годунов, о чем с иронией в начале XVII в. поведал голландский поэт Элиас Геркман. Описанный эпизод был связан с подготовкой к грандиозному сооружению храма Святая Святых на Ивановской площади Кремля по образцу храма Гроба Господня [Баталов 1994]. Тогда царь заказал немецкому мастеру «изваяние ангела из чистейшего золота и хотел поставить это изваяние в церкви, еще не отстроенной», лик которого при первой проверке не совсем ему понравился. Тогда мастер, уловив тайную мысль царя, придал ангелу черты лица Бориса, чем тот остался доволен. Отсюда автор записок вывел такую мораль царской прихоти: «...не смея явно воздвигнуть себе памятник, сделал это под благочестивым предлогом»¹¹. Как проявление честолюбия оценил такого рода отношение Бориса Годунова к «подобию своего образа» на фресках собора Донского монастыря и дьяк Иван Тимофеев, служивший ему с момента избрания на царство, попеняв, что такое «приличествовало лишь святым»¹². Зрительно представить образ царя помогает его литературный портрет из записок, видевшего его англичанина Томаса Смита:

⁹ Юстен П. Посольство в Московию в 1569–1572 гг. СПб.: БЛИЦ, 2000. С. 159.

¹⁰ Писемский Ф.А. Статейный список Ф.А. Писемского (Англия) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб.: Наука, 2008. С. 150–154.

¹¹ Геркман Э. Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 218.

¹² Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; ред. изд-ва Е.Б. Томсинская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 209.

Борис был рослый и дородный человек, своею представительностью невольно напоминавший об обязательной для всех покорности его власти; с черными, хотя редкими волосами, при правильных чертах лица, он обладал в упор смотрящим взглядом и крепким телосложением¹³.

Справедливости ради, отметим интерес царя Бориса и к изображениям не только своей, но и других персон. В частности, ему понравился портрет англичанина Горсея, за приобретение которого им была выплачена «хорошая цена» в 4000 фунтов¹⁴. В середине – второй половине XVII в., хотя приводимые иностранцами свидетельства связываются не только с изображениями царей, авторы склонны были считать, что русские не вешают в домах изображений своих предков и вообще «не любят изображений человеческих лиц»¹⁵. В торговых лавках наряду с образами «небожителей» появились «картинки светского содержания, но выставлять их рядом строго запрещалось»¹⁶.

Иное отношение к домашним «портретам», по мнению немца Адама Олеария, дважды побывавшего в России в 30-е гг. XVII в., было у русских, оказавшихся на ее западных рубежах. Русский купец Филипп, проживавший в захваченной с конца XVI в. Нарве, показал Олеарию хранящийся у него портрет шведского короля Густава, напечатанный на золоченой коже, со словами:

...подобный портрет, изображающий столь храброго героя, совершившего так много великих дел, мы бы охотно, в честь его памяти, держали в наших комнатах; почему же ему не держать у себя для памяти изображения святых, бывших столь великими чудотворцами в духовных делах?¹⁷.

Иногда в помещении, предназначенном для посла, приехавшего в Москву, размещался портрет монарха соответствующей страны.

¹³ Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России: Со снимками с заглав. страницы англ. подлинника 1605 г. и с трех писем Т. Смита / Пер., введ. и примеч. И.М. Болдакова, библиотекаря Публ. б-ки. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1893.

¹⁴ *Горсей Д.* Записки о России: XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 105.

¹⁵ *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 43–184.

¹⁶ *Рейтенфельс Я.* Сказание о Московии // Там же. С. 229.

¹⁷ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. С. 278.

Так стремились создать гостю привычную обстановку. Подобное произошло и при встрече польского посла в 1678 г. Об этом сообщил член польского посольства Бернгард Таннер:

В одной из предоставленных князю-послу комнат, роскошно убранной, приготовлено было возвышение с дорогим балдахином наверху, где был портрет польского короля¹⁸.

Широкое использование образов царя в России отмечается во второй половине XVII в., когда достойные могли, «по особой милости, иметь у себя дома изображение царя», о чем в начале 1670-х гг. узнал дипломат из Курляндии Яков Рейтенфельс¹⁹. По его же сведениям, в военных битвах царь награждал нарядной одеждой и золотой медалью с собственным изображением²⁰.

Не чужды были запечатлеть свой образ даже патриархи. Это четко прослеживается с эпохи Никона, занимавшего свой престол с 1652 по 1666 г. По этому поводу выразил удивление архидиакон Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария, имевший возможность детально ознакомиться с патриаршим дворцом в середине XVII столетия, куда путь был заказан не православным европейцам. Он увидел целую серию из семи парсун всех русских патриархов, заказанных Никоном для своей дворцовой церкви. При этом архидиакон с удовлетворением высоко оценил качество «портрета» самого Никона, с которым неоднократно встречался: «точь-в-точь как он есть». Антиохиец высказал также мнение, противоположное установкам Русской православной церкви, о том, что «красоты живописи лиц и цвета одежд от франкских и ляшских» живописцев-художников должны использоваться в православном иконописании²¹.

Образы патриархов были также запечатлены на церковных дверях домово́й княжеской церкви, т. е. Благовещенского собора, и медных листах кремлевских ворот²².

¹⁸ *Таннер Б.-Л.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., примеч. и прил. И. Ивакина. М.: Универ. тип., 1891. С. 50.

¹⁹ *Рейтенфельс Я.* Указ. соч. С. 229.

²⁰ Там же. С. 334.

²¹ *Павел Алеппский (архидиакон).* Путешествие Антохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. С. 495.

²² *Таннер Б.-Л.* Указ. соч. С. 52, 58.

Некоторые аргументы, свидетельствующие о натурном происхождении образов церковных иерархов, присутствуют в одном из списков Жития архимандрита Дионисия Радонежского, в частности в описании прощания с ним перед погребением в 1632 г. Автор Жития пишет о зарисовке лица усопшего монастырскими иконописцами, «дабы таковой блаженный муж у всех в памяти вечно пребывал»²³. Вероятно, речь идет о традиции таким образом сохранять облик почившего для надгробного покрова, икон и других произведений, включая парсуны.

К концу XVII в. в России наблюдается очевидный подъем светской живописи, что отмечают и иностранные путешественники. В этом отношении однозначно высказался Рейтенфельс:

Число художников, которых в Московии прежде было очень мало, теперь со дня на день увеличивается, потому что Русские не только принимают их благосклонно, если сами приходят из Европы или Азии, но и выписывают их и приглашают чрез послов, предлагая большую плату, а сами так понятливы во всех родах искусств, что часто превосходят своих учителей, иностранцев.

Таким изменениям, по его мнению, способствовало не только благосклонное приглашение иноземных мастеров, но и открывшиеся возможности для местных живописцев, готовых превзойти их «новыми изобретениями»²⁴. Быть может, поэтому портретные изображения в русских домах уже не всегда вызывали пристальное внимание иностранных гостей. Чаще всего их отзывы ограничивались общими словами.

Доктор права и весьма просвещенный в разных отраслях знаний, в том числе в изобразительном искусстве, французский дипломат Де ла Невилль с удивлением описывает обстановку дома купца и думного дьяка Аверкия Кириллова в Москве, выделяя в нем прекрасную мебель, серебряную посуду и картины, правда, не уточняя какие. Попав на прием в недавно построенные палаты князя Василий Голицына, он ощутил себя словно «при дворе какого-нибудь итальянского князя». Дворец он признал одним из лучших в Европе, а из обстановки отметил «богатеишие ковры» и «замечательные картины»²⁵.

²³ Канон прп. отцу нашему Дионисию, архим. Троице-Сергиевы лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением Жития его. М.: Синод. тип., 1808. С. 40.

²⁴ Рейтенфельс Я. Указ. соч. С. 341.

²⁵ Невилль Фуа Де ла. Записки о Московии / Отв. ред. В.Д. Назаров; предисл. Ю.П. Малинин. М.: Аллегро-пресс, 1996. С. 128, 166.

Похоже, память гостя была не в состоянии все вместить. Некоторые пояснения об этих картинах присутствуют в деле опального дьяка Федора Шакловитого, по делу которого проходил и Голицын. Согласно описи имущества князя, в большой столовой палате висели девять портретов русских правителей: великий князь Владимир Святославович, царь Иван Грозный, царь Федор Иванович, царь Михаил Федорович, царь Алексей Михайлович, царь Федор Алексеевич, цари Иван Алексеевич и его брат Петр I. Эту галерею дополняли изображения двух польских королей. В верхней крестовой палате были выставлены «персоны» царя Федора Алексеевича и патриарха Никона. В столовой палате, «что над поварней», можно было увидеть в черной раме портрет самого Василия Голицына. Этот неполный перечень наглядно свидетельствует о том, что видели иностранцы в домах русской знати²⁶.

Оценивая значение свидетельств иностранцев об особенностях использования и бытования портретных изображений, важно отметить их роль в освещении ряда вопросов, которые не нашли полного отражения в отечественных источниках. В сказаниях путешественников охвачен значительный период Позднего Средневековья в России с конца XV до XVII столетия, когда происходит знакомство и начинается разноплановое использование такого вида произведений светской живописи. Их еще нельзя назвать портретами и отнести к самостоятельному жанру изобразительного искусства, поскольку они воспроизводят только черты лица персонажа, но не передают его внутреннего состояния. Сам факт пристального обращения к образу человека в России, зафиксированный зарубежными авторами, является признаком проявления постепенного приобщения к теме человека в профессиональном светском искусстве и постижения значения личности. При очевидной лаконичности этих свидетельств их тематический спектр довольно разнообразен.

Начальный этап использования визуального знакомства сторон посредством изображений связывается с организацией политических браков через дипломатические каналы. Такие рисунки, выполненные иностранными художниками, передавали и некоторые приемы презентации модели в европейском портрете, а иногда под ее влиянием и самопрезентации, когда представление влияет на подачу своего образа.

Тот факт, что изображение передает только внешнюю сторону персонажа, некоторые авторы компенсируют литературным портретом. Присутствие в портретном изображении только внешней

²⁶ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб.: Тип. Обществ. польза, 1893. Т. 4. Стб. 2–3, 10, 30.

характеристики человека, его материальной составляющей, определяло статус «парсун» по сравнению с иконами, возводившими к духовной сфере. Разница в отношении этих двух групп также была замечена иностранцами. Еще одна проблема, затрагиваемая в записках путешественников, касалась возможности влияния живописи на традиционное иконописание, которая поддерживалась русскими прогрессивными иконописцами Иосифом Владимировым и Симоном Ушаковым [Саенкова, Свердлова 2015, с. 9], признававшими художественное качество общим требованием для всех, но вызывала решительный протест официальной церкви. Впрочем, представители церковных властей вполне лояльно относились к созданию парсун с их участием. Появление с середины XVII в. значительного числа подобных произведений также отмечалось в записках путешественников. В данном случае русские источники подтверждают их связь с натурными зарисовками иконописцев.

Портреты в домашней обстановке, по мнению иностранцев, должны были хранить память о героях. Такую функцию на русской почве играли образы царя, по свидетельству авторов, подносимые самым достойным.

Надо заметить, что, повествуя о конце XVII столетия, европейцы, бывая в гостях у состоятельных и знатных москвичей, уже не склонны были в деталях представлять обстановку этих домов, в достаточной мере украшенную парсунами. Такая обстановка была им привычна на их родине и не вызывала желания подметить что-то необычное.

Источники

- Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц; ред. изд-ва Е.Б. Томсинская. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 512 с.
- Геррман Э.* Историческое повествование о важнейших смутах в государстве Русском // Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 211–262.
- Горсей Д.* Записки о России: XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
- Иовий Павел.* Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О.Ф. Кудрявцев. М.: Рус. мир, 1997. С. 217–306.
- Канон прп. отцу нашему Дионисию, архим. Троице-Сергиевы лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением Жития его. М.: Синод. тип., 1808. 104 с.
- Коваленко Г.М.* Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века / Сост. Г.М. Коваленко; пер. со швед. Г.М. Коваленко. Вел. Новгород [б. и.] 2002. 272 с.
- Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 43–184.

- Невилль Фуа Де ла.* Записки о Московии / Отв. ред. В.Д. Назаров, предисл. Ю.П. Малинин. М.: Аллегро-пресс, 1996. 304 с.
- Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. // Б-ка литературы Древней Руси. Т. 7: Вторая половина XV века. СПб.: Наука, 1999. С. 400–443.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003. 474 с.
- Павел Алепский (архидиакон).* Путешествие Антохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алепским. М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. 728 с.
- Пирлинг П.О.* Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1892. XVI, 235 с.
- Писемский Ф.А.* Статейный список Ф.А. Писемского (Англия) // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки. СПб.: Наука, 2008. С. 100–155.
- Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии: Андрей Роде, Августин Мейерберг, Самуэль Коллинс, Яков Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 43–184.
- Рейтенфельс Я.* Сказание о Московии // Утверждение династии / Андрей Роде. Августин Мейерберг. Самуэль Коллинс. Яков Рейтенфельс. М.: Фонд Сергея Дубова; Рита-Принт, 1997. С. 231–406.
- Ровинский Д.А.* Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб., 1882. 52 с.
- Розыскные дела о Федоре Шаковитом и его сообщниках. СПб.: Тип. Обществ. польза, 1893. Т. 4. 452 стб.
- Стоглав // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 241–500.
- Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России: Со снимками с заглав. страницы англ. подлинника 1605 г. и с трех писем Т. Смита / Пер., введ. и примеч. И.М. Болдакова, библиотекаря Публ. б-ки. СПб.: Изд. гр. С.Д. Шереметева, 1893. [4], XX, 125 с.
- Таннер Б.-Л.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с лат., примеч. и прил. И. Ивакина. М.: Универ. тип., 1891. XII, 203 с.
- Юстен П.* Посольство в Московию в 1569–1572 гг. СПб.: БЛИЦ, 2000. 215 с.

Литература

- Баталов 1994 – *Баталов А.Л.* Гроб Господень в «святая Святых» Бориса Годунова // Иерусалим в русской культуре. М.: Наука, 1994. С. 154–171.
- Горматюк 2004 – *Горматюк А.А.* Об исследовании и реставрации надгробной иконы великого князя Василия III // Эпоха парсуны. Русский исторический портрет. М.: Художник и книга, 2004. С. 226–229.
- Лаврентьев 2004 – *Лаврентьев А.В.* «Век парсуны»: XVII столетие в русской истории и культуре // Эпоха парсуны. Русский исторический портрет. М.: Художник и книга, 2004. С. 10–15.
- Саенкова, Свердлов 2015 – *Саенкова Е., Свердлов С.* Симон Ушаков. Древо государства Московского (Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»). М.: Гос. Третьяковская галерея, 2015. 64 с.

- Уханова и др. 2019 – Уханова Е.В., Жижин М.Н., Андреев А.В., Пойда А.А., Ильин В.А. Прижизненный портрет Ивана Грозного: визуализация угасшего памятника естественнонаучными методами // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 2 (76). С. 13–29.
- Хорошкевич 1980 – Хорошкевич А.Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М.: Наука, 1980. 293 с.

References

- Batalov, A.L. (1994), “The Holy Sepulcher in Boris Godunov’s ‘Holy of Holies’”, *Ierusalim v russkoi kul'ture* [Jerusalem in Russian Culture], Nauka, Moscow, Russia, pp. 154–171.
- Gormatyuk, A.A. (2004), “On the study and restoration of the tomb icon of Grand Duke Vasily III”, *Epokha parsuny. Russkii istoricheskii portret* [On the study and restoration of the tombstone icon of Grand Duke Vasily III The Epoch of the Parsuna. Russian Historical Portrait], Khudozhnik i kniga, Moscow, Russia, pp. 226–229.
- Khoroshkevich, A.L. (1980), *Russkoe gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii kontsa 15 – nachala 16 v.* [The Russian state in the system of international relations of the late 15th and early 16th centuries], Nauka, Moscow, Russia.
- Lavrent'ev, A.V. (2004), “The Age of the Parsuna”. The 17th Century in Russian History and Culture”, *Epokha parsuny. Russkii istoricheskii portret* [The Epoch of the Parsuna. Russian Historical Portrait], Khudozhnik i kniga, Moscow, Russia, pp. 10–15.
- Saenkova, E. and Sverdlova, S. (2015), *Simon Ushakov. Drevno gosudarstva Moskovskogo (Pokhvala ikone “Bogomater’ Vladimirskaya”)* [Simon Ushakov. The Tree of the Moscow State (Praise to the Icon “Our Lady of Vladimir”)], Gos. Tret'yakovskaya galereya, Moscow, Russia.
- Ukhanova, E.B., Zhizhin, M.N., Andreev, A.V., Poyda, A.A. and Ilyin, V.A. (2019), “A lifetime portrait of tsar Ivan the Terrible. The visualization of a faded monument by natural science methods”, *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki* [Old Rus'. Questions of medieval studies], no. 2 (76), pp. 13–29.

Информация об авторе

Валентин Д. Черный, доктор культурологии, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; tchernie@rambler.ru

Information about the author

Valentin D. Chernyy, Dr. of Sci. (Culturology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; tchernie@rambler.ru

УДК 7.03(44)+930.85

DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-206-223

Античность как абсолютная модель искусства и стиля:
архитектура, декор интерьера и мебель.
От барокко к неоклассицизму

Бэлла Л. Шапиро

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, b.shapiro@mail.ru*

Аннотация. Предметом анализа избрана 150-летняя эволюция французского увлечения культурой и искусством античности, которое в XVII–XVIII вв. получило ярко выраженный характер антикомании. Это увлечение, поддержанное самыми влиятельными теоретиками искусства, привело к появлению и развитию классицизма, а затем, в свою очередь, «греческого вкуса» (*goût grec*) и, наконец, неоклассицизма. Можно назвать и менее известные стили, которые также получили свое место в этом эволюционном ряду: это помпейский стиль, авторыские стили зодчих Ж.-Ж. Суффло и Ж.-А. Габриэля и др. Акцент в исследовании делается на сопоставлении теоретических основ новых стилей и их материального воплощения, выраженного в архитектуре, декоре интерьеров и мебели. Процесс показывается на фоне противостояния «Греческого Возрождения» и «Римского Возрождения» и соотносится с этапами развития научного искусствознания и с социально-политической историей Франции. Методология исследования соответствует постановке проблемы. История, история искусства и культурология представляют разные ракурсы восприятия: культура отражает историю в такой же мере, как история отражает социальную реальность, а искусство является художественной формой постижения этой реальности.

Ключевые слова: Франция, классицизм, неоклассицизм, архитектура, история интерьера, художественная мебель

Для цитирования: Шапиро Б.Л. Античность как абсолютная модель искусства и стиля: архитектура, декор интерьера и мебель. От барокко к неоклассицизму // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 206–223. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-206-223

© Шапиро Б.Л., 2024

Antiquity as the absolute model of art and style.
Architecture, interior decor and furniture.
From Baroque to Neoclassicism

Bella L. Shapiro

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, b.shapiro@mail.ru

Abstract. The topic of analysis is the hundred and fifty-year history of evolution of the French fascination with the culture and art of Antiquity, which in the 17th–18th centuries received a character of mania for Antiquity. That fascination led to the emergence and development of classicism and then of “Greek taste” (*goût grec*) and neoclassicism. It is possible to name also less known styles, which also got their place in this evolutionary line: it is Pompeian style, author’s styles of architects J.-J. Soufflot and J.-A. Gabriel and others. Emphasis is placed on comparing the theoretical foundations of the new styles and their material embodiment, expressed in architecture, interior decor and furniture. The process is shown on a background of the “Greek Revival” and the “Roman Revival” confrontation, and correlates with the development of art history and with the socio-political history of France. The methodology of the research is in line with the issue statement. The History, Art History and Cultural Studies present different aspects of perception: culture reflects history as much as history reflects social reality, and art is the creative form of comprehending the reality.

Key words: France, classicism, neoclassicism, architecture, interior history, artistic furniture

For citation: Shapiro, B.L. (2024), “Antiquity as the absolute model of art and style. Architecture, interior decor and furniture. From Baroque to Neoclassicism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 206–223, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-206-223

*Введение. Постановка проблемы.
Античность как абсолютная модель культуры*

Для Франции античность не единожды была примером для подражания. Очередной виток увлечения пришелся на XVII–XVIII вв.: это время кризиса старого европейского сознания и рождения на его руинах нового [Турчин 2007, с. 20]. Увлечение античностью в это время в своем развитии прошло несколько рубежных этапов, от барокко и классицизма Людовика XIV до неоклассицизма Людовика XVI. Особенности течения этого процесса дают нам право

назвать его антикоманией как наивысшей степенью увлечения. Она не только получила свое отражение в теоретических трактатах, но и имела материальное воплощение: прежде всего в архитектуре (на начальном этапе развития), а затем, позднее, и в декоративном убранстве интерьера, и в художественной мебели. Поэтому предмет настоящего исследования находится на пересечении интересов нескольких наук: истории Франции, истории ее искусства (в том числе истории архитектуры и декоративно-прикладного искусства), теории искусства, теории культуры (в том числе теории предметной культуры) и истории материальной культуры.

*Полемика (степень разработанности проблемы).
Историческая полемика и полемика
в рамках построения современной теории
предметной культуры*

Изучение антикомании как части истории искусства и культуры Франции XVII–XVIII вв. имеет давнюю традицию; теоретическое обсуждение вопроса началось буквально с момента его возникновения¹. В отечественной практике к сегодняшнему дню сложился целый массив трудов, образованный как фундаментальными исследованиями в этой области [Турчин 2007], так и работами более частного характера [Цейтлина 2007; Каплан 2009]. Наиболее подробно исследован архитектурный контекст вопроса, чуть лучше – художественная мебель. Но предметно-стилистический мир французской антикомании все еще исследован довольно поверхностно. Это неудивительно, если принять во внимание отсутствие даже

...сколько-нибудь устоявшегося обозначения подобного обобщенного объекта. Его называют миром вещей, предметным миром, второй природой, предметной средой, материальной культурой... и т. п. ...причем каждое из приведенных понятий имеет свои нюансы и свои более широкие смыслы [Коськов 2004, с. 4].

Но современное состояние теории предметной культуры позволяет продемонстрировать, каким образом выявление стилевого подтекста, выраженного в предметной детали, приводит к углублению понимания смысла всего явления.

¹ *Winckelmann J.J.* Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst. Dresden; Leipzig: Verlag der Waltherischen Handlung, 1756.

Методика исследования

Соответственно постановке проблемы избрана и методология исследования – междисциплинарный синтез, где история, история искусства и культурология представляют разные ракурсы восприятия одного и того же явления: культура отражает историю в такой же мере, в какой история отражает социальную реальность, а искусство – художественная форма постижения этой реальности. Методической основой исследования являются формально-стилистический анализ и историко-системный подход: последний используется для раскрытия вопроса как совокупности взаимосвязанных событий, явлений и объектов, из взаимодействия которых складывается искомая форма культуры и искусства.

Источниковая база исследования

Привлекаемые для исследования источники можно разделить на три группы. Основными письменными источниками выступили научные трактаты исследуемого периода (также привлекались исторический нарратив, публицистика, периодика), образительными – архитектурная графика этого же времени, вещественными – подлинные объекты, предметы мебели и интерьера, как сохранившиеся, так и утраченные. Именно эта последняя группа особенно значима для настоящего исследования, поскольку позволяет включить утраченное (и вследствие этого малоизвестное или неизвестное читателю) в уже известный культурно-исторический контекст истории искусства. История искусства здесь выступает как важнейший, системообразующий ключ к более широкому явлению – к истории культуры.

Предыстория вопроса.

Архитектурная антикомания в барочной Франции

Предвестником бурного увлечения античностью стал французский перевод сочинения архитектора и теоретика архитектуры итальянского Ренессанса Дж. Виньола «Правило пяти ордоров архитектуры» (1562), сделанный теоретиком архитектуры Пьером Ле Мюэ в 1631–1632 гг. Следом, в 1645 г., Ле Мюэ предложил первый французский перевод «Четырех книг об архитектуре» Андреа Палладио – крупнейшего иллюстрированного свода знаний о классической архитектуре (1570).

Уже к середине XVI в. Франция умело сочетала заимствованные достижения прогрессивной итальянской культуры с национальной традицией [Каплан 2009, с. 67]. С воцарением Людовика XIV процесс освобождения от итальянской зависимости в области культуры и искусства ускорился; Франция была готова к тому, чтобы стать самостоятельным центром европейской художественной мысли. Именно тогда появилась и была детально разработана идея французского классицизма (от латинского *classicus* – образцовый, а образцовой считалась античность).

*Архитектурная антикомания
в эпоху Людовика XIV (1643–1715).
«Спор о древних и новых»*

Рубежным периодом стала середина XVII в., когда появились новые переводы трудов Палладио, древнеримского зодчего Витрувия и – самое главное – собственное сочинение французского теоретика искусства и коллекционера Ролана Фреара де Шамбре «Параллель античной и современной архитектуры» (1650)², основанное на критике десяти итальянских и французских архитектурных трактатов эпохи Ренессанса: Палладио, Скамоцци, Серлио, Виньолы, Альберти и др. [Marty 2015, p. 6]. Это сочинение, провозглашающее превосходство «древних» над «современными», основывалось на достоверном знании римских древностей, полученных автором во время шестилетнего пребывания в Риме (1630–1635). Убежденный палладианец [Marty 2015, p. 101] Шамбре высшим достижением античной культуры все же считал не римские, а греческие древности; остальное виделось ему избыточным [Таруашвили 2016, с. 160]. Важно, что сочинение Шамбре было не столько итогом мысли ученого-одиночки, но выражало взгляды целого поколения французских интеллектуалов [Marty 2015, p. 11].

Полемика между сторонниками античности и ее критиками приобретала все большее развитие; с 1687 г. она получила название «спора о древних и новых» [Бахмутский 1985, с. 7–8]. Обсуждение охватило всю вторую половину царствования Людовика XIV, затронув не только зодчих, но и многих других деятелей литературы и искусства. Во главе «новых», убежденных, что великолепие французской литературы и искусства века Людовика XIV выше искусства и культуры античности, встал поэт и теоретик искусства

² *Fréart de Chambray R. Parallèle de l'architecture antique avec la modern.* P.: Edme Martin, 1650.

Шарль Перро (более известный нам как автор сборника «Сказки матушки Гусыни»). Античность здесь служила зеркалом, глядясь в которое, французская культура стремилась понять самое себя. Перро противостоял другой поэт – Никола Буало; он возглавил «древних», почитавших античность как абсолютную, вневременную модель культуры, которую французы старались присвоить различными способами.

От барокко к классицизму

Еще в 1666 г. была открыта Французская академия в Риме, которой руководили придворные художники Людовика XIV. Благодаря ей лучшие французские архитекторы, скульпторы, живописцы и граверы получали возможность длительного пребывания в Риме – «Вечном городе», одном из культурных центров античного мира. Но знаковым для упрочения позиций классицизма как новой перспективной эстетической теории стал следующий, 1667 г., когда король отклонил проект нового восточного фасада Луврского дворца, разработанного ведущим архитектором и скульптором итальянского барокко Джованни Лоренцо Бернини. Решение было принято в пользу классицистического проекта французского теоретика искусства и архитектора Клода Перро – старшего брата вышеупомянутого Шарля Перро³.

С этой победой французского классицизма над итальянским барокко классицизм получает приоритет как господствующее художественное направление. Чуть позже, в 1673 г., Клод Перро, как один из ведущих теоретиков классицистической архитектуры, опубликует собственный перевод «Десяти книг об архитектуре» Витрувия⁴. Он был выполнен под влиянием новых тенденций: вся вторая половина эпохи Людовика XIV стала временем переосмысления классики применительно к требованиям современности. Основываясь на известной триаде Витрувия «польза, прочность и красота», Перро пошел дальше, определив понятия безусловной и произвольной красоты. В первой большую роль играют нормативы и стандартизация, во второй – выразительность, которая подчиняется особым условиям, обстоятельствам [Herrmann 1973, p. 21]. Три десятилетия спустя ученый священник-каноник Жан-Луи де Кордемуа опубликовал сочинение «Новый архитектурный

³ Кох В. Энциклопедия архитектурных стилей. М.: БММ, 2008. С. 317–319.

⁴ Vitruve. Les dix livres d'architecture. P.: Jean Baptiste Coignard, 1673.

трактат» (1706), где вновь переосмыслил классическую триаду Витрувия, заменив ее триадой «расположение, распределение и благопристойность» [ИЕИ 1963, с. 305]⁵.

*«Римское Возрождение» vs «Греческое Возрождение»:
начало противостояния*

Нетрудно заметить, что под античным наследием французскими теоретиками классицизма в те годы понималось преимущественно наследие древнеримское. Его изучение имело много более древнюю и более обширную историю. Еще в XV в. монархи Италии, желая подчеркнуть свое величие, обращались к теме преемственности древнеримской и современной им итальянской культуры. Рим стал центром паломничества историков, археологов и антикваров.

Древнегреческая культура была менее известной и потому имела меньше почитателей. Еще в 1458 г. Афины были завоеваны Османской империей; страны региона, находившиеся в составе Оттоманской империи, в отличие от Италии, долгое время оставались малоизвестными для европейской науки и искусства. На волне моды на путешествия (и, шире, на стиль тюрекри) редкие визиты европейцев на Османский Восток – не только дипломатов и военных, но также антикваров, художников, ученых – становятся более частыми лишь в конце XVII – начале XVIII в. [Шапиро 2023].

В 1673 г., одновременно с выходом перевода Витрувия авторства Перро, началась экспедиция посла Франции в Константинополе Шарля Олье де Нуантеля по странам Леванта, посвященная изучению искусства и культуры Эгейских островов (1673–1674). В 1674 г. Нуантель, большой ценитель классической античности, посетил Афины. Участник экспедиции художник Жак Каррей впервые в истории сделал серию рисунков скульптуры Парфенона, главного храма афинского Акрополя, в ее современном состоянии. Сохранность Акрополя уже не была идентична исходной из-за деструктивного воздействия современности: еще в 1640 г. центральная часть Пропилей была разрушена во время грозы взрывом складированного в нем динамита; незадолго до взрыва Пропилей и левое крыло Акрополя – Пинакотека – были повреждены артиллерийским выстрелом. В 1687 г. Парфенон также был частично разрушен в ходе Морейской войны (турок с венецианцами). Разрушение памятников привело к незамедлительному разграблению руин

⁵ *Cordemoy J.L.* Nouveau traité de toute l'architecture. Paris: Jean-Baptiste Coiguard, 1706.

антикоманами [Мантис 2015]. Тем ценнее были рисунки Каррея и для современников, и для их потомков.

Так оформились два направления антикомании, «римское» и «греческое», которые в последующем станут откровенно противоборствующими [Miller 1998, р. 30]. Оживленные дискуссии, зачастую переходившие в открытые конфликты, способствовали усилению всеобщего интереса к античному наследию.

Новая популярная форма представления архитектурной антикомании: увражи

Развитие антикомании на этом этапе завершилось массовой публикацией высокохудожественных изданий архитектурной графики – увражей, чье высокое качество печати обеспечивалось финансированием за счет французской короны. В 1682 г. в Париже был издан богато иллюстрированный увраж «Античные сооружения Рима» французского архитектора и теоретика архитектуры Антуана Дегодэ, основоположника точного архитектурного обмера как одного из базовых видов изучения памятника. Было опубликовано около 150 гравюр – чертежей планов, разрезов и деталей, – в основу которых легла обмерная фиксация архитектурных памятников Древнего Рима⁶.

Причиной качественного рывка стало, по признанию Дегодэ, его желание дополнить труды классиков теории архитектуры, оказавших наибольшее влияние на развитие французского классицизма. Это упомянутые выше «Четыре книги об архитектуре» Андреа Палладио (1570), а также «Семь книг об архитектуре» Себастьяно Серлио (1537–1551) и малоизвестного ныне современника Серлио и Палладио, Антонио Лабакко (1558), которые и сам Дегодэ, и его наставники всегда брали в руки с благоговением. «Всем им присущ один недостаток, который я надеялся исправить, – замечал Дегодэ, – открыв то, что было скрыто ранее»⁷. Это недостаточная точность воспроизведения оригиналов: было замечено, что большинство деталей в разных книгах расходятся. «Мне впервые пришло в голову, – рассуждал Дегодэ, – что эти великие авторы не считали, что точность может быть полезной, потому что Совершенство и Красота, вызывающие наше восхищение в древних зданиях, не зависят от мелочей...»⁸.

⁶ *Desgodets A. Les edifices antiques de Rome. P.: J.B. Goinard, 1682.*

⁷ *Ibid.* Предисловие, без пагинации.

⁸ *Ibid.*

Так во Франции появились не только подлинные античные вещи, но и совершенные по своим художественным качествам книги, популяризовавшие античное наследие. Этот момент сыграл крайне важную роль для развития антикомании.

Уже к началу XVIII столетия последователями Дегоде были выполнены архитектурные обмеры практическими всех известных древних памятников Италии [ВИ 2013, с. 239]. Поток путешественников – поклонников античного искусства и культуры, желавших лично познакомиться с предметом своего увлечения, – был весьма значителен. Специально для них в 1722 г. издали подробный, на 357 страницах, иллюстрированный путеводитель «Сообщение о некоторых статуях, барельефах, рисунках и живописи Италии» с комментариями об их художественной ценности и историческом значении⁹. Люди искусства все чаще обращались к античным архитектурным формам как к идеальному эстетическому эталону.

*Антикомания при Людовике XV
до окончания Семилетней войны (1715–1763).
От архитектурной антикомании к интерьерной.
Помпейский интерьерный стиль. Стиль Суффло.
Движение к «греческому» стилю*

Начало нового витка антикомании совпало с успешными раскопками Геркуланума (1738) и Помпей (1748). Уже в 1749 г., удовлетворяя многочисленные просьбы, вышло в свет «Описание первых открытий древнего города Геркуланума» руководителя раскопок Никколо Марчелло Венути¹⁰; где были обнародованы первые описания помпейских интерьеров; в скором будущем они послужат для создания модных интерьеров в новой стилистике. Помпейский интерьерный стиль будет основан на античной орнаментике – арабесках, грифонах, сфинксах и т. п. Декор размещался на белых стенах и окантовывался позолоченной лепниной.

Находка библиотеки папирусов близ Геркуланума (1750) стимулировала дальнейшие археологические исследования. Необходимо отметить, что в начале раскопок в Геркулануме найденные предметы считали греческими; соответственно, новый этап антико-

⁹ Richardson J. An Account of Some of the Statues, Bas-Reliefs, Drawings and Pictures in Italy. L.: J. Knapton, 1722.

¹⁰ Venuti N.M. Descrizione delle prime scoperte dell'antica citta di Ercolano. Venezia: Lorenzo Baseggio, 1749. P. 5.

мании и новый стиль, чье появление близилось, назовут греческим (*goût grec*), или *all'Erculanum* [Литвин 2013, с. 112].

Еще одним событием, приблизившим для Франции рождение нового стиля, стал гран-тур по Италии и Малой Азии (1749–1751) будущего министра изящных искусств маркиза де Мариньи в сопровождении ведущего архитектора Жака-Жермена Суффло [Collins 1998, р. 80]; материалы путешествия опубликованы в 1751 и 1753 гг. Поездка положила начало долгожданной смене вкусов. Начинается рождение авторского стиля Суффло [Турчин 2007, с. 64], совмещающего достижения античности и национального французского искусства как равновеликих [Ollagnier 2021, с. 7]. Именно Суффло явился центральной фигурой нового движения, вдохновленного археологическими источниками и активно переосмысляющего их. Париж становится центром нового художественного производства.

Присвоение античности продолжалось. В 1752 г. французский археолог и художник Анн-Клод-Филипп де Кейлюс приступил к публикации 7-томного иллюстрированного «Собрания египетских, этрусских, римских и греческих древностей». В его основу легло изучение 3000 предметов [Мак-Коркодейл 1990, с. 153; Aghion 2002, р. 60]. В 1758 г. Геркуланской академией археологии начинается публикация 8-томных «Древностей Геркуланума»; тогда же открывается музей Геркуланума, не имеющий равных по богатству представленных памятников.

Но наибольшее впечатление на современников произвели труды итальянского археолога, архитектора и гравера Джованни Баттиста Пиранези. В его работах («Римские древности», 1756 и «Величие архитектуры римлян», 1761) археологическая точность сочеталась с фантастическим великолепием и богатством [Турчин 2007, с. 68]. По своей популярности работы Пиранези соперничали лишь с «Описанием дворца Диоклетиана в Сплите» двух художников и архитекторов – британца Р. Адама и француза К.Д. Клериссо (опубликовано в 1764 г. по итогам путешествия 1757 г.) [McComick 1990, pp. 35–37]. И Клериссо, и Пиранези имели множество последователей, что ознаменовало кульминацию внимания к римской античности. Видение Клериссо, Пиранези и их последователями античности ляжет в основу множества новых «античных» стилей.

*«Греческий» стиль («греческий вкус», goût grec).
Антикомания в декоративно-прикладном искусстве.
Художественная мебель*

Греческая антикомания все еще была развита намного слабее. Еще в 1700–1702 гг. специалисты Королевского сада лекарственных растений в Париже профессор ботаники Жозеф Питтон де Турнефор и художник по ботанической иллюстрации Клод Обрие посетили Грецию, Малую Азию, берега Черного моря, Армению, Грузию и Африку. Главной задачей путешественников был сбор образцов растений, но попутно они занимались археологическими и этнографическими наблюдениями. Впервые снятые планы античных городов Греческого архипелага и Малой Азии были опубликованы под заголовком «Реляция о путешествии в Левант» (1717)¹¹.

Тогда же состоялись три длительных путешествия французского антиквара и натуралиста Поля Люка (в 1699–1703, 1704–1708 и 1714–1717 гг.), собиравшего редкости для королевского кабинета. Люка вывез из Малой Азии десятки манускриптов, эпиграфических материалов, греческих и римских медалей [Duggan 2019, pp. 116, 155]. Итоги были опубликованы в трех фундаментальных изданиях.

Дальнейшее изучение греческой античности стало более благоприятным из-за улучшения дипломатических отношений с Османской империей. В 1740-х гг. это позволило приоткрыть дорогу в Афины, которая была закрыта для европейцев на протяжении веков, за исключением нескольких лет венецианского правления в XVII в. В 1750 г. состоялось «открытие» античного Пестума; первым архитектором, посетившим его, стал француз Суффло (в рамках уже упомянутого гран-тура Суффло, Мариньи и Кошена) [Collins 1998, p. 80; Crook 1972, p. 21].

В 1751 г. был опубликован первый том известной «Энциклопедии» Дидро со статьей «Архитектура» Жака-Франсуа Блонделя-младшего, где античная Греция была названа колыбелью прекрасной архитектуры¹². Интерес к греческому распространялся все шире: в 1755 г. была издана первая серьезная работа немца Иоганна Иоахима Винкельмана «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре», главную мысль которого можно выразить цитатой из этого небольшого по объему (но не по значению!) текста: «хороший вкус зародился под небом

¹¹ *Tournefort J.P. Relation d'un voyage du Levant, fait par ordre du Roy. Vol. 1. Lyon: Anisson et Posuel, 1717.*

¹² *L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 1. P.: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1751. P. 617.*

Греции»¹³. Трактат получил широкое распространение и за пределами родины Винкельмана; французский перевод появился в том же году, а второе издание, дополненное комментариями автора, – в следующем¹⁴. Его популярность способствовала переходу к новому, благородному и элегантному, стилю.

Именно в это время «греческий» стиль вошел и в декоративно-прикладное искусство Франции [Литвин 2013, с. 114]. Рубежной стала публикация 8-томного руководства по стилю архитектора Жана-Франсуа де Неффоржа (1757)¹⁵ в виде гравюр архитектурных планов, фасадов, интерьеров и элементов обстановки (мебель, камин и др.) [Мак-Коркодейл 1990, с. 153]. Источником вдохновения для Неффоржа – ученика эллинофила Блонделя – послужили величественные формы греческой древности. Затем Неффорж проиллюстрировал книгу архитектора Давида Ле Роя «Руины самых красивых памятников Греции» (1758), развивая идею Винкельмана о превосходстве греческого искусства [Таруашвили 2016, с. 169; Duggan 2019, p. IX]. Тогда же Ле Рой показал парижанам новую художественную продукцию – мебель и другие предметы быта, инспирированные античными образцами [Турчин 2007, с. 66]. Ле Рой и Неффорж стали одними из ранних авторов неоклассической мебели; первый «мебельный» проект в новом «греческом» стиле был опубликован Неффоржем не позднее 1765 г.

Однако самым первым мебельным образцом «греческого вкуса» считается обстановка кабинета финансиста и коллекционера Лалива де Жюлли в Париже (1756/57), созданная архитектором Луи-Жозефом ле Лорреном совместно с де Шедевиллем и др. [Мак-Коркодейл 1990, с. 156; Eriksen 1961, p. 340]¹⁶. Мебель в новом греческом стиле была монументальной, строго-прямоугольной и насыщенной колоннами, фризами и гирляндами (предваряя появление так называемого квадратного стиля Людовика XVI). Эти образцы были повторены многократно как во Франции, так и во вне ее.

¹³ *Винкельман И.* Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре (ранняя ред.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ *Neufforge J.-F.* Recueil élémentaire d'architecture. P.: Chez l'Auteur rue St. Jacques au Chariot d'or, 1757.

¹⁶ Мебель из дуба, черного и эбенового дерева с отделкой из латуни и позолоченной бронзы частично представлена в Галерее сражений замка Шантийи. См.: The desk with file case and pendulum. URL: <https://chateaudeschantilly.fr/en/collection/the-desk-with-file-case-and-pendulum/> (дата обращения 10 июня 2024).

Стиль транзисьон как переходный от стиля Людовика XV к стилю Людовика XVI

Примерно в те же годы (не позднее 1768 г.) в области интерьера и мебели работал архитектор Жан-Шарль Делафосс [Литвин 2013, с. 114]. Он был ярким представителем переходного стиля транзисьон, объединившего орнаментальные мотивы стиля Людовика XV, который еще не вполне вышел из моды, с элементами античного искусства. Для него характерны относительная простота предмета и его декора, постепенный отказ от изогнутых рокайльных линий и вычурных декоративных элементов. Транзисьон, непосредственно предшествовавший неоклассицизму, бытовал во Франции в 1760–1774 гг. [Булгакова 2022, с. 113], развиваясь одновременно с другими переходными стилями.

Стиль Габриэль как ранняя стадия стиля Людовика XVI

Рубежным периодом полного оформления «греческого вкуса» стало окончание Семилетней войны (1763), так как связанное с ней экономическое истощение воюющих сторон побуждало к умеренности и простоте вкусов, сдержанным и спокойным формам. Это сказалось и на оформлении королевских заказов. В этом отношении показательна работа ведущего архитектора Жака-Анжа Габриэля над интерьерами версальского Малого Трианона. Благородная элегантность и изящество «новой» античности как альтернатива перегруженным барокко и рококо – основа авторского стиля Габриэля [Турчин 2007, с. 71]. Он простой и ясный, классически четкий, построенный на равномерных членениях и одинаковых мотивах. Эти качества впоследствии будут развиты в интерьерах и мебели стиля Людовика XVI, став его самой характерной особенностью.

Стиль Габриэля получил признание, и ему стали подражать; прежде всего его перенял Клод-Николя Леду и развил в сторону большей торжественности и пышности.

Стиль Людовика XVI (1774–1789). «Квадратный» стиль

Так к началу второй половины XVIII в. Париж становится центром распространения нового художественного стиля – неоклассицизма (стиля Людовика XVI). Он представлял собой

новый, более зрелый, этап переосмысления античности. Его основа – образцы античного искусства, но не повторенные буквально, а менее строгие, нежные и изящные: стиль Людовика XVI унаследовал от французского рококо его утонченность и грацию и развил их под влиянием вкуса королевы Марии-Антуанетты. Одним из ранних образцов стиля стал интерьер Большого салона, оформленный Клериссо в парижском особняке финансиста Лорана Гримо де ла Реньера (1779, рис. 1) [McCormick 1990, р. 165–169]¹⁷. В его основе – четкая линия, прямой угол; они преобладают над колоритом. Проемы дверей и окон, мебель также получили прямоугольные очертания; стиль, в котором были выполнены новомодные вещи, неофициально назван квадратным. Общее впечатление – ощущение легкости и воздушности; много светлого, белого, умноженного зеркалами. Новый стиль эклектичен [Булгакова 2022, с. 122–124]; он предлагал значительно большее разнообразие орнамента, чем любой из более ранних периодов антикомании [Цейтлина 2007, с. 160].

*Рис. 1. Интерьер Большого салона
особняка Лорана Гримо де ла Реньера. Я.К. Камсетзер. 1782
Источник: wikimedia.org*

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В результате работы:

¹⁷ Детали оформления хранятся в Музее Виктории и Альберта, инв. № W.2A to V-1957.

- 1) показан историко-культурный фон, характерный для антикомании середины XVII – второй половины XVIII в., способствовавший ее быстрому развитию;
- 2) определены рубежные художественно-стилистические точки 150-летней эволюции французской антикомании, вызванные изменением этого фона;
- 3) выявлена динамика каждого из рассмотренных этапов, которую можно охарактеризовать формулой «от теории архитектуры – к практике интерьерного убранства»;
- 4) и, наконец, определена роль антикомании в процессе становления Франции как ведущего центра классицизма и неоклассицизма. Итогом ее деятельностного стремления к присвоению культурной модели Античного мира в середине XVII – второй половине XVIII в. стал расцвет теоретической классической и неоклассической мысли, а вслед за ним – и расцвет художественной и материальной культуры.

Источники

- Винкельман И.* Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре (ранняя ред.). М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992.
- Cordemoy J.L.* Nouveau traité de toute l'architecture. P.: Jean-Baptiste Coignard, 1706.
- Desgodets A.* Les edifices antiques de Rome. P.: J.B. Goinard, 1682.
- Fréart de Chambray R.* Parallèle de l'architecture antique avec la modern. P.: Edme Martin, 1650.
- L'Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Vol. 1. P.: Briasson, David, Le Breton, Durand, 1751.
- Neufforge J.-F.* Recueil élémentaire d'architecture. P.: Chez l'Auteur rue St.Jacques au Chariot d'or, 1757.
- Richardson J.* An Account of Some of the Statues, Bas-Reliefs, Drawings and Pictures in Italy. L.: J. Knapton, 1722.
- The desk with file case and pendulum. URL: <https://chateaudchantilly.fr/en/collection/the-desk-with-file-case-and-pendulum/> (дата обращения 10 июня 2024).
- Tournefort J.P.* Relation d'un voyage du Levant, fait par ordre du Roy. Vol. 1. Lyon: Anisson et Posuel, 1717.
- Venuti N.M.* Descrizione delle prime scoperte dell'antica citta di Ercolano. Venezia: Lorenzo Baseggio, 1749.
- Vitruve.* Les dix livres d'architecture. P.: Jean Baptiste Coignard, 1673.
- Winckelmann J.J.* Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerei und Bildhauerkunst. Dresden; Leipzig: Verlag der Waltherischen Handlung, 1756.

Литература

- Бахмутский 1985 – *Бахмутский В.Я.* На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. М.: Искусство, 1985. С. 7–40.
- Булгакова 2022 – *Булгакова А.В.* Эволюция больших стилей во французском мебельном искусстве XVIII века // Мир искусств: Вестн. Междунар. ин-та антиквариата. 2022. № 4 (40). С. 100–127.
- ВИ 2013 – Всемирная история: В 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке / Гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2013.
- ИИИ 1963 – История европейского искусствознания: от античности до конца XVIII века. Т. 1 / Отв. ред. Б.Р. Виппер и Т.Н. Ливанова. М.: АН СССР, 1963. 440 с.
- Каплан 2009 – *Каплан А.Б.* Влияние итальянской культуры на культуру Франции в XVI в. и последствия этого влияния // Вестн. культурологии. 2009. № 2. С. 66–73.
- Коськов 2004 – *Коськов М.А.* Предметный мир культуры. СПб.: СПбГУ, 2004. 342 с.
- Литвин 2013 – *Литвин Т.А.* «Греческий проект» Екатерины II и стиль *goût grec* в русском декоративно-прикладном искусстве последней четверти XVIII в. // Вестн. ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 4. С. 110–120.
- Мак-Коркодейл 1990 – *Мак-Коркодейл Ч.* Убранство жилого интерьера от античности до наших дней. М.: Искусство, 1990. 245 с.
- Мантис 2015 – *Мантис А.* *Dissecta Membra* (Разъятые члены). Разграбление и рассеяние древностей Акрополя. URL: <http://www.parthenon.ru/content/ras.php> (дата обращения 14 июня 2024).
- Таруашвили 2016 – *Таруашвили Л.И.* Идея тектоники в теории архитектуры Нового времени // Таруашвили Л.И. Статуарность и тектоника в образах литературы и искусства: Ст. разных лет. М.: Статут, 2016. С. 156–180.
- Турчин 2007 – *Турчин В.С.* Французское искусство от Людовика XVI до Наполеона. М.: Жираф, 2007. 286 с.
- Цейтлина 2007 – *Цейтлина М.В.* Арабеск в архитектурных проектах Клериссо (к вопросу об использовании опыта античного наследия в интерьере XVIII в.) // Дизайн. Материалы. Технология. 2007. № 2 (3). С. 158–164.
- Шапиро 2023 – *Шапиро Б.Л.* Шахерезада из Бельвю, или Французский будуар «а-ля тюрк» XVIII столетия // История: Факты и символы. 2023. Т. 35. № 2. С. 63–72. URL: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-63-72> (дата обращения 14 июня 2024).
- Aghion 2002 – *Aghion I.* *Caylus, mécène du roi: collectionner les antiquités au XVIIIe siècle.* P.: Institut national d'histoire de l'art, 2002.
- Collins 1998 – *Collins P.* *Changing Ideals in Modern Architecture, 1750–1950.* Montreal: McGill-Queen's Press – MQUP, 1998.
- Crook 1972 – *Crook J.M.* *The Greek Revival: Neo-classical Attitudes in British Architecture, 1760–1870.* L.: J. Murray, 1972.
- Duggan 2019 – *Duggan T.M.P.* On early antiquarians in Asia Minor to the start of the 19th century // *Gephyra*. 2019. № 17. P. 115–167. doi.org/10.37095/gephyra.505338.
- Eriksen 1961 – *Eriksen S.* *Lalive de Jully's Furniture "à la grecque"* // *The Burlington Magazine*. 1961. Vol. 103. № 701. P. 340–347.
- Herrmann 1973 – *Herrmann W.* *The Theory of Claude Perrault.* L.: A. Zwemmer, 1973.

- Marty 2015 – *Marty M.* Parallèle de l'architecture antique avec la moderne de Roland Fréart de Chambray. Analyse, contexte et apports. Pau: Université de Pau et des Pays de l'Adour, 2015.
- McCormick 1990 – *McCormick T.* Charles-Louis Clérisseau and the Genesis of Neo-classicism. Architectural History Foundation, 1990.
- Miller 1998 – *Miller J.* Classic Style. N. Y.: Simon and Schuster, 1998.
- Ollagnier 2021 – *Ollagnier C.* Jacques-Germain Soufflot ou l'architecture régénérée (1713–1780). P.: Éditions Picard, 2021.

References

- Aghion, I. (2002), *Caylus, mécène du roi: collectionner les antiquités au XVIIIe siècle*, Institut national d'histoire de l'art, Paris, France.
- Bakhtmutskii, V. Ya. (1985), “At the turn of two centuries”, *Spor o drevnikh i novykh* [A dispute about the ancient and the new], *Iskusstvo*, Moscow, Russia, pp. 7–40.
- Bulgakova, A.V. (2022), “The evolution of grand styles in French furniture art of the 18th century”, *Mir iskusstva: Vestnik Mezhdunarodnogo instituta antikvariata*, no. 4 (40), pp. 100–127.
- Chubar'yan, A.O. (ed.) (2013), *Vsemirnaya istoriya* [World History]: in 6 vols., vol. 4. *Mir v XVIII veke* [The world in the 18th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Collins, P. (1998), *Changing Ideals in Modern Architecture, 1750–1950*, McGill-Queen's Press – MQUP, Montreal, Canada.
- Crook, J.M. (1972), *The Greek Revival: Neo-classical Attitudes in British Architecture, 1760–1870*, J. Murray, London, United Kingdom.
- Duggan, T.M.P. (2019), “On early antiquarians in Asia Minor to the start of the 19th century”, *Gephyra*, no. 17, pp. 115–167.
- Eriksen, S. (1961), “Lalive de Jully's Furniture ‘à la grecque’”, *The Burlington Magazine*, vol. 103, no. 701, pp. 340–347.
- Herrmann, W. (1973), *The Theory of Claude Perrault*, A. Zwemmer, London, United Kingdom.
- Kaplan, A.B. (2009), “The influence of Italian culture on the culture of France in the 16th century and the consequences of that influence”, *Herald of Culturology*, no. 2, pp. 66–73.
- Kos'kov, M.A. (2004), *Predmetnyi mir kul'tury* [The object world of culture], SPbGU, St. Petersburg, Russia.
- Litvin, T.A. (2013), “‘Greek project’ of Catherine II and goût grec style in Russian decorative-applied art of the last quarter of the 18th century”, *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], vol. 4, no. 4, pp. 110–120.
- Mak-Korkodejl, Ch. (1990), *Ubranstvo zhilogo inter'era ot antichnosti do nashih dnei* [The history of interior decoration from Antiquity to the present day], *Iskusstvo*, Moscow, Russia.
- Mantis, A. (2015), *Dissecta Membra (Raz'yatyie chleny). Razgrablenie i rasseyanie drevnostei Akropolya* [(Dissected members). The plundering and scattering of the antiquities of the Acropolis], available at: <http://www.parthenon.ru/content/ras.php> (Accessed 14 June 2024).
- Marty, M. (2015), *Parallèle de l'architecture antique avec la moderne de Roland Fréart de Chambray. Analyse, contexte et apports*, Université de Pau et des Pays de l'Adour, Pau, France.

- McCormick, T. (1990), *Charles-Louis Clérissseau and the Genesis of Neo-classicism*. Architectural History Foundation, Cambridge MA, USA.
- Miller, J. (1998), *Classic Style*, Simon and Schuster, New York, USA.
- Ollagnier, C. (2021), *Jacques-Germain Soufflot ou l'architecture régénérée (1713–1780)*. Éditions Picard, Paris, France.
- Shapiro, B.L. (2023), “Shaherezade from Bellevue, or French boudoir ‘à la Turk’ of the XVIII 18th century”, *History: Facts and Symbols*, vol. 35, no. 2, pp. 63–72.
- Taruashvili, L.I. (2016), “The idea of tectonics in New Age architectural theory”, Taruashvili, L.I. *Statuarnost’ i tektonika v obrazakh literatury i iskusstva. Stat’i raznykh let* [Statuarity and tectonics in the images of literature and art. Articles of different years], Statut, Moscow, Russia, pp. 156–180.
- Tseitlina, M.V. (2007), “Arabesque in Clerisseau’s architectural projects (on the question of using the experience of antique heritage in the interior of the 18th century)”, *Design. Materials. Technology*, no. 2 (3), pp. 158–164.
- Turchin, V.S. (2007), *Frantsuzskoe iskusstvo ot Lyudovika XVI do Napoleona* [French art from Louis XVI to Napoleon], Zhiraf, Moscow, Russia.
- Vipper, B.R. and Livanova, T.N. (eds.) (1963), *Istoriya evropeiskogo iskusstvovoznaniya: ot antichnosti do kontsa XVIII veka* (1963) [The Story of European Art History. From Antiquity to the End of the 18th Century], vol. 1, AN SSSR, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Бэлла Л. Шапиро, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; b.shapiro@mail.ru

Information about the author

Bella L. Shapiro, Dr. of Sci. (Culturology), Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; b.shapiro@mail.ru

Сара Бернар в скульптурных автопортретах и произведениях скульпторов – ее современников

Татьяна Е. Кем

независимый исследователь, kemtatianaevg@gmail.com

Аннотация. В работе проведен анализ скульптурных портретов Сары Бернар авторства французских мастеров, творивших во второй половине XIX – начале XX в., в том числе самой Сары Бернар. Реализуя потребность в самовыражении не только на сцене, но и в мастерской скульптора, Бернар использовала свою известность для продвижения собственных творений на выставках и в помещениях театров во время гастролей, вынося на всеобщее обозрение публики как скульптуры и бюсты своих друзей и известных современников, так и автопортреты. Для воплощения образов великой французской актрисы в мраморе, бронзе, терракоте, глине, гипсе художники использовали богатую палитру выразительных средств. Стремясь усилить образность и красочность скульптур, авторы применяли полихромия, либо соединяя в одной работе мрамор разных цветов, позолоченную, серебряную, патинированную бронзу, слоновую кость, либо раскрашивая мрамор, воск или гипс. Действуя в русле развития французской скульптуры указанного периода, художники использовали техники тиражирования, создавая несколько вариантов одной скульптуры в разных материалах, придавали скульптурным портретам Сары Бернар утилитарные свойства предметов, использовали орнаментальные узоры, характерные для стилистики ар-нуво. Образный ряд, с помощью которого художники воплощали Сару Бернар в скульптуре, в целом соответствовал ее изображениям в других видах изобразительного искусства: как актрисы в театральных костюмах, творческой личности, окруженной атрибутами театра, скульптора и живописца, прекрасной дамы, иногда наделенной фантазийными чертами.

Ключевые слова: Сара Бернар, скульптура, скульптурный портрет, полихромия, ар-нуво

Для цитирования: Кем Т.Е. Сара Бернар в скульптурных автопортретах и произведениях скульпторов – ее современников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 224–249. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-224-249

Sarah Bernhardt in sculptural self-portraits and works of sculptors – her contemporaries

Tatiana E. Kem

Independent researcher, kemtatianaevg@gmail.com

Abstract. The work analyzes sculptural portraits of Sarah Bernhardt, created either by French artists of the second half of the 19th – early 20th century, or by the actress herself. Understanding the need for self-expression not only on stage, but also in the sculptor's studio, Bernard used her fame to promote her own creations at exhibitions and in theaters during tours, putting on public display both sculptures and busts of her friends and famous contemporaries, as well as self-portraits. To embody the images of the great French actress in marble, bronze, terracotta, clay, and plaster, artists used a rich palette of expressive means. In an effort to enhance the imagery and colorfulness of the sculptures, the authors turned to polychromy, combining marble of different colors, gilded, silvered, patinated bronze, ivory or painted marble, wax or plaster in one work. Acting in line with the development of French sculpture of that period, artists used replication techniques, creating several versions of one sculpture in different materials, gave objects the utilitarian properties of sculptural portraits of Sarah Bernhardt, and used ornamental patterns characteristic of Art Nouveau. The imagery with which the artists embodied Sarah Bernhardt in sculpture was generally consistent with her images in other types of fine art: an actress in theatrical costumes, a creative person surrounded by the attributes of the theater, a sculptor and painter, a beautiful lady, sometimes endowed with fantasy features.

Keywords: Sarah Bernhardt, sculpture, sculptural portrait, polychromy, Art Nouveau

For citation: Kem, T.E. (2024), "Sarah Bernhardt in sculptural self-portraits and works of sculptors – her contemporaries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4, pp. 224–249, DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-224-249

Сара Бернар была самой известной французской актрисой своего времени. В XXI в. ее творчеству и личной жизни продолжают посвящать фильмы, книги, лекции, выставки. В 2002 г. в Народном университете Монцы (Италия) состоялась конференция под названием «Сара Бернар. Вечно юная»¹. В конце 2005 – начале 2006 г. в Еврейском музее Нью-Йорка прошла выставка «Сара Бернар: Искусство высокой

¹ *Ruocco D.* Sarah Bernhardt // Sarah Bernhardt: conferenza 2002 / Università Popolare di Monza, 2005. 8 p. P. 1. URL: https://www.academia.edu/45163603/Sarah_Bernhardt (дата обращения 2 июня 2023).

драмы»². В 2023 г., в год 100-летия со дня смерти актрисы, в Музее изобразительного искусства Пти Пале в Париже прошла выставка «Сара Бернар. И женщина создала звезду»³, которая сопровождалась циклом конференций⁴. Неугасающий интерес исследователей к различным аспектам жизни и творчества Сары Бернар подчеркивает актуальность настоящего исследования.

Помимо сценического искусства великой французской актрисы безусловный интерес представляет отражение ее образа в изобразительном искусстве. Обширную информацию о памятниках, сопровождавших жизненный и творческий путь актрисы, предлагают два каталога к выставкам, прошедшим в XXI столетии⁵ [Ockman, Silver 2005], в которых собрано большое количество экспонатов, тематически структурированных в соответствии с периодами жизни и творчества актрисы. Вместе с тем если ее живописные портреты и фотографии достаточно полно представлены на выставках и описаны в каталогах, то сведения об отражении ее образа в скульптуре носят отрывочный характер. В 2023 г. были опубликованы два журнала, показывающие отдельные стороны жизни и творчества Сары Бернар⁶, которые также содержат короткие и отрывочные упоминания о скульптурных портретах актрисы. Отсутствие специального исследования, посвященного отражению образа Сары Бернар в скульптуре, определило новизну настоящего исследования.

Интерес исследователей к французской скульптуре рубежа XIX–XX вв. также носит постоянный характер. В Европе и в США регулярно проводятся выставки. Так, в 1981 г. в музее округа Лос-Анджелес

² Sarah Bernhardt: The Art of High Drama Opens // Artdaily. 2005. URL: <https://artdaily.cc/news/15666/Sarah-Bernhardt--The-Art-of-High-Drama-Opens> (дата обращения 13 января 2024).

³ Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star // Exposition temporaire. Le Petit Palais, 2023. URL: <https://www.petitpalais.paris.fr/en/expositions/sarah-bernhardt> (дата обращения 25 декабря 2023).

⁴ Conférences: Les théâtres parisiens de Sarah Bernhardt 17 июля 2023 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=r2GN1TtcHMs&t=300s> (дата обращения 2 октября 2023); Sarah Bernhardt, bête de scène 19 июля 2023 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ri5qPtNdh7E&t=280s> (дата обращения 2 октября 2023); La muse de deux hommes: Sarah inspiratrice de Sardou et de Rostand 25 июля 2023 г. // Comité d'histoire de la Ville de Paris. P., 2023. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=x1REZYX7U6Q&t=374s> (дата обращения 2 октября 2023).

⁵ Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star / Cantarutti St., Champy-Vinas C., Lemoine A. (Ed.). P.: Paris Musées, 2023. 257 p.

⁶ Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star // BeauxArts&Cie. Mars 2023. 66 p.; Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star // Hors-série de connaissance des arts. P.: SFPA. Mars 2023. 67 p.

был реализован выставочный проект «От романтиков до Родена» [Fusco, Janson 1980]. В 1996 г. музей Ван Гога в Амстердаме провел выставку «Цвет в скульптуре, 1840–1910» [Blühm 1996]. С октября 2005 по март 2006 г. в музее Джейн Ворхис Галереи Циммерли Ратгерского университета, штат Нью-Джерси, США, прошла выставка «Ломая стереотипы: скульптура в Париже от Домье до Родена» [Cate 2005]. В Париже Музей Орсе с 12 июня по 9 сентября 2018 г. провел выставку «В цвете: полихромная скульптура во Франции 1850–1910 гг.»⁷.

Рассматривая историографию исследуемой проблемы, отметим наличие большого количества литературы о жизни Сары Бернар биографически-мемуарного характера в основном зарубежных авторов (А. Кастело [Castelot 1971], А. Делби [Delbee 2000], А. Филдьер [Fildier 1980], А. Жидель⁸, А. Голд и Р. Физдал [Gold, Fizdal 1991], Р. Готтлиб⁹, Ж. Юре¹⁰ [Huret 1899], К. Жоани [Joannis 2000], М. Пейрамор [Peugamaure 2002], Дж. Ричардсон¹¹, К.О. Скиннер [Skinner 1968]), включая мемуары самой Бернар¹². В отечественной историографии большую часть литературы подобной тематики составляют воспоминания коллег о Саре Бернар, например К.А. Смолиной¹³, В.А. Мичуриной-Самойловой¹⁴, Н.А. Обуховой¹⁵, Н.А. Смирновой¹⁶, и биографические сведения таких авторов, как И.А. Мусский¹⁷, Ю. Безелянский¹⁸, А.Р. Кугель [Кугель 1967]. Два фельетона А.П. Чехова¹⁹ добавляют красок в общее впечатление русского общества от гастролей Бернар.

⁷ Exposition au Musée d'Orsay 2018 – En couleurs, la sculpture polychrome en France 1850–1910. URL: <https://www.musee-orsay.fr/fr/agenda/expositions/presentation/en-couleurs-la-sculpture-polychrome-en-france-1850-1910> (дата обращения 18 февраля 2024).

⁸ *Gidel H.* Sarah Bernhardt: biographie. P.: Flammarion, 2006. 401 p.

⁹ *Gottlieb R.* Sarah: the life of Sarah Bernhardt. L.: New Haven. Yale Univ. Press, cop., 2010. 233 p.

¹⁰ *Huret J.* Sarah Bernhardt. L.: Chapman & Hall, Ltd., 1899.

¹¹ *Richardson J.* Sarah Bernhardt and Her World. N. Y.: Putnam, 1977. 232 p.

¹² *Бернар С.* Моя двойная жизнь: Мемуары / Пер. с фр. Н. Световидовой, Н. Паниной. СПб.: Северо-Запад, 1995. 463 с.

¹³ *Смолина К.А.* Сто великих театров мира. М.: Вече, 2010. 479 с.

¹⁴ *Мичурина-Самойлова В.А.* Шестьдесят лет в искусстве. Л.; М.: Искусство, 1946. 225 с.

¹⁵ *Обухова Н.А.* Воспоминания, статьи, материалы. М. [б. и.], 1970.

¹⁶ *Смирнова Н.А.* Воспоминания. М.: Всеросс. театр. о-во, 1947. 440 с.

¹⁷ *Мусский И.А.* Сто великих актеров. М.: Вече, 2003. 527 с.

¹⁸ *Безелянский Ю.* Культовые имена от А до Э. М.: Радуга, 2004. 351 с.

¹⁹ *Чехов А.П.* Сара Бернар. Опять о Саре Бернар // Чехов А.П. Собр. соч. Т. 10. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 146–153.

Среди работ отечественных искусствоведов о французской скульптуре необходимо отметить монографический труд Н.Н. Калитиной [Калитина 2007] и ее же статью, посвященную скульптурному портрету во Франции XIX в. [Калитина 2009]. Отдельные характеристики развития скульптуры на рубеже XIX–XX вв. представлены в работах Д.В. Сарабьянова [Сарабьянов 2001], Д.Е. Аркина [Аркин 1990], В.П. Головина [Головин 1999].

Основной корпус зарубежных исследований, в том числе в виде отдельных глав, посвященных анализу развития скульптуры в конце XIX – начале XX в., представлен трудами таких исследователей, как А.М. Хаммахер [Hammacher 1988], Р. Витковер [Wittkower 1979], М. Реймс [Rheims 1977], И. Кэди [Cady 1913], Ж. Селз [Selz 1963], а также сборником под руководством А. Луаретта [Loyrette, Allard, Cars 2009]. В работе А. Вагнер [Wagner 1986] помимо анализа творчества Жана-Батиста Карпо подробно рассмотрены социально-исторические обстоятельства, в которых развивалось скульптурное образование во Франции. Проблематику творчества женщин-живописцев и скульпторов, особенности системы их обучения и организации выставок рассматривает Т. Гарб [Garb 1994]. Возникший во Франции конца XIX в. интерес к полихромной скульптуре и ее появление в творчестве Ж.-Л. Жерома анализирует С. Липперт [Lippert 2014]. Концепцию восприятия формы и описание законов скульптуры в камне находим у А. Гильдебранда [Гильдебранд 2011].

Целью настоящей работы является комплексное исследование образа Сары Бернар во французской скульптуре второй половины XIX – первой четверти XX в., в том числе в скульптурных автопортретах самой актрисы. Источниковой базой служат работы Сары Бернар, Шарля д'Эпина, Л. Рафаэля, Поля Берту, Жана-Леона Жерома, Жана-Дезире Рингеля Эльзасского, Мариуса Марс-Валле, Рене Лалика, Луизы Аббема, Александра-Матюрен Пеша, Франсуа-Леона Сикара.

Форма статьи не предполагает подробного анализа развития французской скульптуры на рубеже XIX–XX вв., в связи с чем автор только поверхностно касается отдельных аспектов эволюции этого пространственного искусства ради установления контекста, в котором рассматриваемые памятники создавались.

Во второй половине XIX – начале XX в. в искусстве ваяния наблюдается тот же стилевой плюрализм, что и в живописи. В скульптуре сосуществуют, порою эклектично соединяясь в одном памятнике, тенденции неоклассицизма, историзма, романтизма, символизма, модерна. В отдельных случаях стилистические решения в творчестве скульпторов нивелируются. Так, анализируя различные этапы стиля модерн, Д.В. Сарабьянов отмечает, что скульптура в рассматриваемую эпоху почти всегда выступает в смешении разных стилей. Она больше,

чем какой-либо иной вид искусства, оказывается как бы в промежутке между стилевыми течениями [Сарабянов 2001, с. 201–202]. При этом, несмотря на декоративность, аллегорические формы и сложную атрибутику, она «отстает» от живописи. Н.Н. Калитина находит тому несколько причин. Она указывает на устойчивость классической традиции, поддерживаемой Академией, общую направленность художественной политики правительства, требующей украшения общественных зданий, улиц и площадей, и усиливающую роль заказа в скульптуре, вызывающего необходимость соответствовать господствующим вкусам [Калитина 2007, с. 6].

Пожоую оценку тенденций развития скульптуры во второй половине XIX в. находим и у зарубежных исследователей. Морис Реймс отмечает, что большинство авторов, пишущих об истории искусства XIX в., испытывают своего рода смущение, когда речь заходит о скульптуре. Перечислив дюжину имен и напомнив своим читателям, что Канова, Карпо и Роден были гениями и что Давид д'Анже обладал некоторым талантом, «они оставляют все как есть, как будто пластические искусства каким-то образом опозорили себя» [Rheims 1977, p. 11]. На самом деле, по мнению Реймса, оригинальность скульптуры XIX в. заключается в ее общественной полезности для публики, чей вкус не был утонченным, но все же отвечал благородным поступкам и тонким чувствам, в связи с чем можно признать, что старомодна не столько сама скульптура, сколько чувства, которые она пытается выразить [Rheims 1977, p. 11]. Подтверждение этой идеи можно обнаружить в труде Итона Кэди под названием «Справочник современной французской скульптуры», опубликованном на излете Прекрасной эпохи в 1913 г., где утверждается, что в последнее время Францию от края до края охватило желание воздвигнуть памятники тем из ее детей, которые были героями в дни героизма, а также тем, кто на более скромных поприщах литературы, науки и искусства пытался удержать Францию на переднем крае цивилизации [Cady 1913, p. 196]. Как пишет Реймс, искусство скульптурного портрета на протяжении XIX в. претерпело глубокую эволюцию, однако классический портрет, копирующий в мраморе или бронзе мельчайшую черту лица, по-прежнему стремился удовлетворить вкусы посетителей Салона. Любая персоналия, обладающая национальной или локальной известностью, будь то в искусстве, литературе или политике, и даже всякий состоятельный буржуа считали своим долгом оставить скульптурное свидетельство своего существования [Rheims 1977, pp. 249–250]. Сара Бернар прекрасно вписывается в обозначенный контекст: она была самой знаменитой актрисой Франции и ее образ в скульптуре стремились запечатлеть как художники-современники, так и она сама.

Увлечение скульптурой у Сары Бернар сформировалось во время позирования скульптору Ролану Маттье-Мёньё (Mathieu-

Meusnier)²⁰. Тогда же она начала следовать его указаниям, а также советам Жюля Франчески (Jules Franceschi)²¹, посещая занятия Академии Жюлиана [Bindé 2023, p. 42]. Жозефина Банде в статье «Писатель, художник, скульптор. Одаренная во всех искусствах» так представляет многогранность таланта Бернар: «Яркая актриса и муза художников, Сара Бернар была столь же талантливым творцом, писателем, художником и опытным скульптором. После более чем столетия забвения ее работы наконец-то вышли из тени» [Bindé 2023, p. 40].

Бернар сделала вторую карьеру в качестве заметного студийного художника, регулярно выставляя скульптуры на Парижском салоне с 1874 по 1891 г. Работая в своей студии в белом атласном брючном костюме, разработанном популярным кутюрье Чарльзом Фредериком Уортом и дополненном туфлями-лодочками с бантами, известными как *poeuds de rapillon* – бантики-бабочки, Бернар феминизировала спорный в то время мужской наряд, первоначально принятый Розой Бонёр, Жорж Санд и другими художницами и писателями [Ockman, Silver 2005, p. 43].

В своих мемуарах Бернар вспоминает, что в начале 1870-х гг. ее духовные силы и потребность в творчестве не находили выражения в театре. Она устроила мастерскую, отдавшись ваянию со всем присутствующим ей неистовым пылом, и вскоре достигла значительных успехов²². Известно некоторое количество фотографий, запечатлевших Бернар в мастерской, например Ахилла Меландри, где Бернар в светлой куртке, завязанном бантом шарфе и брюках левой рукой опирается на постамент, на котором стоит скульптурный бюст Луизы Аббема (ок. 1877, частная коллекция, Париж, Франция).

Тот факт, что Бернар размыла грань между мужским и женским в своей студии, не ускользнул от внимания прессы. Ее атласный костюм, украшенные бантиками туфли и инструменты скульптора часто оказывались в центре внимания художников-карикатуристов. Примером может служить карикатура Андре Жилия (André Gill)²³ опубликованная в “*La Lune gousse*” 6 октября 1878 г., где Сара Бернар представлена в виде обезьянки [Кем 2023, pp. 71–73] с хвостом и лапками, на которые надеты те самые туфельки с бантиками. В руках она держит инструменты скульптора и палитру художника. Образ дополняет театральная маска на голове, не позволяющая забыть о главном призвании Сары Бернар – театре.

Нам мало известно об организации творческого процесса Бернар-скульптора. Известно, что она снимала отдельные мастерские или

²⁰ Benezit. Dictionary of Artists. P.: Gründ. 2006. Vol. 5. P. 974.

²¹ Ibid. Vol. 9. P. 541.

²² *Бернар С.* Указ. соч. С. 324.

²³ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 6. P. 181.

устроивала их в своих квартирах, уютных, меблированных и декорированных. В них она приглашала друзей на чай, и это был одновременно и способ организовать пространство для осуществления творческой деятельности, и возможность для самопрезентации. Как отмечает Гийом Морель, Бернар таким образом, конечно, помещала себя на основную сцену. Тем не менее считает ее занятия скульптурой дилетантизмом вряд ли представляется возможным, ибо она рассматривала искусство ваяния как второе призвание [Morel 2023, p. 49].

Для распространения своих авторских работ в скульптуре, а также продажи их уменьшенных копий Бернар пользовалась собственными гастролями и выставляла работы в галереях Лондона, Вены, Нью-Йорка. Будучи светской львицей, которой всегда не хватало денег, она, в том числе, искала богатых покупателей, способных пополнить ее кошелек [Bindé 2023, p. 44]. Сара Бернар брала с собой в турне скульптурное оборудование для создания работ небольшого формата во второй половине дня, прежде чем выйти на сцену [Morel 2023, p. 48]. Актриса выставляла на продажу эти работы в том числе в залах театров, осознавая выгодные преимущества тиражирования.

Документальные свидетельства предложений о продаже зарисовок и эскизов к ее живописным и скульптурным работам можно найти, к примеру, на четвертой полосе январского номера журнала "The Art Amateur" (New York) за 1881 г. В рекламном объявлении, озаглавленном «Сувенир от Сары Бернар», предлагаются восемь оригинальных эскизов мадемуазель Бернар. На обложке того же номера представлены репродукции рисунков нескольких работ актрисы, в том числе два автопортрета, о которых речь пойдет ниже.

Сегодня сложно объективно оценить успешность и публичную востребованность скульптурных работ Сары Бернар, поскольку их рецепция, несомненно, искажена известностью автора. Дискуссионным остается вопрос о том, покупали ли ее скульптуры из-за их художественных качеств или потому, что они были подписаны Сарой Бернар [Morel 2023, p. 48]. Одно мы знаем точно: актриса, которая считала себя скульптором и использовала свою известность в угоду продвижения собственных творений на выставках, занимаясь творчеством, традиционно относящимся к мужской сфере, с самого начала подвергалась резкой критике и насмешкам. На нее нападали в прессе и карикатурах, подвергая сомнению художественный талант Бернар. Не остался в стороне и великий Огюст Роден: «Черт побрал бы эту скульптуру, – выплевывает он, когда обнаруживает ее работы в Салоне»²⁴.

²⁴ Цит. по: *Bindé J.* Douée pour tous les arts // *Beaux Arts & Cie.* Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star. Mars 2023. P. 44.

Были и те, кто был готов выступить в защиту Бернар и ее увлечения скульптурной практикой. Один из таких – Эмиль Золя, который писал:

Как забавно! Не довольствуясь тем, что она худая или объявляя ее сумасшедшей, они хотят регулировать ее повседневную деятельность. В тюрьме свободнее. Если быть точным, ей не отказано в праве лепить. Ей просто отказывают в праве выставлять свои работы. Это верх фарса. Немедленно издайте закон о накоплении талантов²⁵.

Сама Сара Бернар в ответ на критику говорила:

Меня упрекают в том, что я пытаюсь заниматься всем: актерством, скульптурой и живописью; но эти вещи меня забавляют и приносят мне деньги, которые я могу тратить так, как мне нравится²⁶.

Клодетт Жоани отмечает, что рисовать или лепить ей было так же необходимо, как выходить на подмостки или руководить труппой актеров. Со слов исследователя, для занятия скульптурой актриса арендовала мастерскую на улице Клиши и работала там с безумным рвением после спектаклей [Joannis 2000, pp. 155, 158].

Смеем предположить, что привлекательность создания скульптуры для Сары Бернар не ограничивалась исключительно дополнительными финансовыми возможностями, так как в процессе творчества из материала возникает не только фигура, но и концепция, основанная на внутреннем мире скульптора. Как отмечает Жан Сельз, потребность в саморефлексии и экзальтации, в самовыражении, в метаморфозе раскрывает мотивацию создания скульптуры [Selz 1963, p. 21].

Считаем важным привести еще одну цитату Жана Сельза, помещающего Сару Бернар в один ряд со скульпторами конца XIX в. Представляя биографические сведения о Франсуа Помпоне, он упоминает, что Помпон работал ассистентом у нескольких скульпторов: Александра Фальгера, Антонена Мерсье, Рене де Сен-Марсо и даже у Сары Бернар, которая бралась за резец в свободное время [Selz 1963, p. 165].

В 1900-х гг. ее искусство перестало вызывать споры. В скульптуре она превзошла талант любителя. Очевидно, что если бы она не была Сарой, она заняла бы среди женщин-художников превосходное положение, – писал тогда критик Гюстав Кан²⁷. Однако после смерти ее работы были забыты, чтобы недавно быть открытыми заново.

²⁵ Цит. по: *Ockman C., Silver K.E.* Sarah Bernhardt. The art of high drama. N. Y.: Yale Univ. Press. New Haven, 2005. P. 143.

²⁶ Цит. по: *Huret J.* Op. cit. P. 58.

²⁷ Цит. по: *Bindé J.* Op. cit. P. 44.

*Рис. 1. Сара Бернар
Автопортрет в роли Берты
1876, терракота
Еврейский музей, Нью-Йорк, США*

*Рис. 2. Шарль Адриан
Проспер д'Эпине
Гипсовый бюст Сары Бернар
в роли Берты, Ок. 1875
Частная коллекция*

Рассматривая творческое наследие Сары Бернар в скульптуре, Гийом Морель отмечает, что портрет – это жанр, который она особенно любила [Morel 2023, p. 46]. Добавим, что, судя по наличию нескольких автопортретов как в скульптуре, так и в живописи, художнице нравилось изображать саму себя.

Принимая во внимание мнение Сары Липперт о том, что в истории искусства автопортреты, как правило, являются хорошим показателем представления художника о своем социальном статусе [Lippert 2014, p. 115], рассмотрим один из ранних автопортретов Сары Бернар (рис. 1), созданный в период, когда актриса добилась большого успеха в роли Берты, героини драмы Анри де Борнье «Дочь Роланда». Действие происходит во времена правления Карла Великого. По сюжету Берта – дочь Роланда, погибшего во время сражения из-за предательства Ганелона. Это была одна из первых успешных патриотических ролей Сары Бернар. Возможно, стремясь запечатлеть свой сценический успех, в 1876 г. она создает автопортрет в этой роли. Выбирая материал для своей скульптуры, Бернар отдает предпочтение терракоте. Немного ранее аналогичный по стилистике гипсовый бюст Сары Бернар – «Дочь Роланда» – создал Шарль Адриан Проспер д'Эпине (Prosper d'Épinau)²⁸ (рис. 2). В обоих бюстах актриса представлена в сценическом головном уборе. Сравнивая изобразительные возможности двух материалов, отметим, что гипс позволяет д'Эпине лучше имитировать нежную молодую кожу актрисы, нежели терракота Бернар,

²⁸ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 5. P. 235.

но выражение лица в автопортрете более живое. Создается впечатление, что бюст сделан в момент разговора, который продолжится прямо сейчас, на глазах у зрителя.

В конце 1870-х гг. Сара Бернар создает гипсовую маску-автопортрет (Архив Арваса, Лондон, Великобритания). Волосы и высокий воротник закрывают лицо актрисы в плотную раму в форме ромба. Взгляд, направленный вниз, придает образу оттенок грусти и задумчивости. Материал целенаправленно окрашен и призван имитировать бронзу.

В 1880-х гг. Сара Бернар создает еще один автопортрет – полнофигурную статуэтку из мрамора (рис. 3). Изящная статуэтка высотой 51,5 см представляет Бернар в длинном платье, которое подчеркивает изгибы ее фигуры. Она стоит, облокотившись на полуколонну правой рукой, в которой держит молоток – атрибут скульптора, в другую руку вложена трагическая маска, символ театра, а на усеченной колонне висит палитра художника. Еще одна театральная маска лежит у ног актрисы у основания полуколонны. Статуэтка была создана незадолго до отъезда актрисы в первое турне по Соединенным Штатам Америки в 1880 г. и представлена там во время гастролей. По мнению Гийома Мореля, произведение является авторским манифестом: Сара Бернар не только самая известная актриса своего времени, она также художница и скульптор: универсальный художник [Morel 2023, p. 43].

К жанру портретных статуэток обращались и другие мастера. Л. Рафаэль создает еще меньшую по формату фигурку Сары Бернар в роли герцога Рейхштадтского в пьесе Эдмона Ростана «Орленок» (ок. 1900, бронза, коллекция театральных образов Лоуренса Сенелика, Вест-Медфорд, Массачусетс, США). На рубеже веков художникам уже было необязательно наблюдать модель в жизни. Колоссальный успех Бернар спровоцировал большое количество фотографий актрисы в этом сценическом костюме, одной из которых, возможно авторства П. Бауэра (Сара Бернар в «Орленке», 1900, Национальная библиотека Франции, Париж, Франция), мог вдохновляться Л. Рафаэль.

Театральный успех Сары Бернар, ее эпатажное поведение, экзальтированное исполнение ролей вылились в огромное количество карикатур и шаржей, которые распространялись французской иллюстрированной прессой. С этой точки зрения, очень интересным, на наш взгляд, является портрет-шарж, выполненный анонимным художником в скульптуре (рис. 4). Как отмечает Н.Н. Калитина, именно XIX столетие явило миру такое своеобразное явление, как сатирический портрет [Калитина 2009]. Но если карикатурные бюсты для Домье служили моделями при создании литографий, то хранящаяся в Музее Карнавале статуэтка – это полноценный шарж. Все черты, с помощью которых художники-карикатуристы воплощали образ Сары Бернар в карикатуре, присутствуют в этой работе: кудрявая прическа,

Рис. 3. Сара Бернар. Автопортрет –
полнофигурная статуэтка
из мрамора
Коллекция Д. Ладей

Рис. 4. Портрет-шарж, выполненный
анонимным художником
в скульптуре, тонированный гипс
Музей Карнавале, Париж, Франция

Рис. 5. Сара Бернар. Автопортрет
в виде химеры, ок. 1880, бронза
Межобщинный музей, Этамп,
Франция

увеличивающая и так непропорционально большую голову, прикрытые глаза, худая изогнутая фигурка, обтянутая узким платьем, ниспадающим широкими воланами на пол, высокий воротник, перетекающий в волан на груди, эмоционально расставленные руки [Кем 2023].

В это же время Сара Бернар создает один из самых известных автопортретов в виде химеры (рис. 5). Назначение этого предмета сугубо функциональное: он является бронзовой чернильницей. Художница представляет себя сверхъестественным существом с головой молодой женщины и телом, объединяющим пару крыльев летучей мыши, крючковатые когтистые пальцы неизвестного зверя и колючий драконий хвост. Автопортрет являет собой синтез скульпп-

туры и предмета декоративно-прикладного искусства, что стирает границы между видами визуальных искусств и стилистически соответствует зарождающемуся в это время во Франции ар-нуво. Зажав в лапах чашу, украшенную массивными бараньими рогами и черепом, существо читает книгу, лежащую у него на коленях, которую можно снять, чтобы открыть бронзовый контейнер с чернилами. На затылке химеры имеется полость для вставки пера. Волнистые волосы и воротник-стойка окружают ее гладкое и бесстрастное лицо [Bindé 2023, p. 42]. Бант на груди отсылает к традиционной одежде Бернар. Взгляд из-под челки добавляет таинственности.

В трудах некоторых исследователей эта скульптура именуется сфинксом [Ockman, Silver 2005, p. 50]. Надо полагать, что это связано с тем, что в 1874 г. в театре «Комеди Франсез» в одноименном спектакле Октава Фейе Сара Бернар исполняла роль Берты Савиньи²⁹. Однако в древнегреческой мифологии сфинкс имел голову и грудь женщины, тело, лапы и хвост льва, крылья птицы³⁰. В данном случае наличие крыльев летучей мыши и драконьего хвоста не соответствует этой традиционной иконографии, что позволяет нам согласиться скорее с определением химера, используемым для любого мифологического существа, состоящего из частей разных животных. Таинственное и своеобразное, оно соответствует описанию Сары Бернар критиком Жюлем Леметром как отдаленного и химерического существа, одновременно иератического и змеиноного, с приманкой мистической и чувственной³¹.

Смеем предположить, что этот таинственный автопортрет символизирует способность Сары Бернар трансформироваться на сцене, что подтверждают две маски в виде эпюлет на плечах химеры, отсылающие зрителя к профессии Бернар.

Оценивая значение данного памятника малой пластики, куратор отдела живописи и скульптуры Европы Института искусства в Чикаго Эмерсон Боуэр утверждает, что это не только культовое произведение эпохи символизма, но и один из немногих скульптурных автопортретов, созданных женщинами в XIX в.³² В 1981 г. этот автопортрет наравне с произведениями других скульпторов был включен в состав выставки и каталога «От романтиков до Родена» [Fusco, Janson 1980].

²⁹ Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star / Cantarutti St., Champy-Vinas C., Lemoine A. (Ed.). P.: Paris Musées, 2023. P. 237.

³⁰ Стрелков А.В. Сфинкс // Большая рос. энцикл. 2004–2017. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4175978 (дата обращения 28 декабря 2023).

³¹ Bowyer E. Sarah Bernhardt's Self-Portrait as a Chimera / Art Institute of Chicago, 18 January 2022. URL: <https://www.artic.edu/articles/950/sarah-bernhardts-self-portrait-as-a-chimera> (дата обращения 2 декабря 2023).

³² Ibid.

Рис. 6. Поль Франсуа Берту
Бронзовый трехсекционный
жардиньер с портретным изображением
Сары Бернар, 1905, бронза
Коллекция Рафаэля Бенджамина
Синай, Лондон, Великобритания

Рис. 7. Поль Франсуа Берту
Скульптурный портрет Сары Бернар,
исполненный в терракоте
и покрытый воском, ок. 1902
Коллекция Патрика Уркада

Сара Бернар не единственная совместила свой скульптурный портрет с утилитарным предметом. Подобная практика была частью растущей тенденции к отождествлению скульптуры с предметами промышленного производства [Lippert 2014, p. 113]. Следуя этому направлению, Поль Франсуа Берту (Paul François Berthaud)³³ в 1905 г. создал бронзовый трехсекционный жардиньер³⁴ с портретным изображением Сары Бернар (рис. 6). На боковой поверхности жардиньера облик актрисы проступает из-под низкой кудрявой челки, которая, окружая лицо героини, постепенно превращается в венок из перьев. На голове Бернар художник помещает два птичьих крыла. Оригинальные головные уборы Сара Бернар регулярно использовала для фотографирования. Например, фигурный силуэт на визитной карточке Бернар в шапке в виде летучей мыши (Отто, Сара Бернар в шапке летучая мышь, 1899 или 1900, Национальная библиотека Франции, Париж, Франция) вполне сопоставим с силуэтом этого жардиньера.

³³ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 2. P. 330.

³⁴ Jardinière (*фр.*) – небольшой столик или столик на пьедестале, в выдолбленной верхней части которого имеется один или несколько металлических контейнеров, подходящих для хранения растений или цветов (Larousse – Larousse // online bilingual dictionaries URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/jardinier/44744#definition> (дата обращения 25 декабря 2023)).

Берту создал целую серию бюстов Сары Бернар. Использованная мастером иконография столь же разнообразна, сколь и материалы, к которым он обращается. Примерами могут служить два варианта скульптурного портрета Сары Бернар – один, исполненный в терракоте и покрытый воском (рис. 7), другой, выполненный в каррарском мраморе и бронзе (коллекция Роберта Зебила). На обоих лицо Бернар обрамлено головным убором и копной волос. Постаментом служит высокий воротник, плавно переходящий в богато орнаментированное платье. Однако в каррарском мраморе художник усиливает контраст за счет противопоставления мраморной белизны лица цвету и фактуре платья, отлитого в бронзе.

Наличие двух композиционно идентичных скульптур в разных материалах является свидетельством тенденции, получившей развитие в конце XIX в., а именно – тиражирования. Многие скульпторы того времени, например Огюст Роден, перерабатывали скульптурные модели для создания серии оригиналов из бронзы, глины, гипса или мрамора. Возможность делать это была частью стремления художников отождествлять скульптуру с промышленными технологиями [Lippert 2014, p. 113]. Примеры одинаковых скульптур и медалей, исполненных в разных материалах, мы увидим в данной статье еще несколько раз.

Вариант бюста работы Берту, выполненный из каррарского мрамора и бронзы, связан с еще одним популярным направлением в скульптуре, получившим широкое распространение в конце XIX в., а именно полихромии, т. е. технике, при которой в одной скульптуре соединялись несколько материалов либо несколько цветов одного материала. При этом в создании одного произведения нередко участвовали разные специалисты, владевшие искусством обработки металлов, резьбы по камню и огранки драгоценных камней. Такой подход со всей очевидностью приводил к проблеме установления авторства, а заодно и претензии на творческий гений оказывались под вопросом [Lippert 2014, p. 113].

Аналогичный прием с одновременным использованием каррарского мрамора и бронзы представляет Поль Франсуа Берту в другом скульптурном портрете Сары Бернар (рис. 8). Здесь актриса предстает юной, с высоко поднятой головой, в одежде, открывающей изящную шею. Цветовой контраст материалов подчеркнут их обработкой: гладко шлифованный мрамор использован для лица, патинированная бронза, орнаментированная узором, плавно перетекает с одежды на стилизованный постамент. И флоральный орнамент одежды, и то, как намеренно небрежно и волнообразно она ниспадает, растекаясь по горизонтальной поверхности, позволяет считать эту скульптуру всецело соответствующей стилистике ар-нуво.

Рис. 8. Поль Франсуа Бертю
Скульптурный портрет Сары Бернар
Ок. 1900, мрамор и бронза
Частная коллекция

Рис. 9. Мариус Марс-Валле
Небольшая скульптура, 1900
Частная коллекция

В стиле французского модерна выполнен Бертю бюст актрисы из позолоченной и патинированной бронзы, помещенный на мраморный постамент (ок. 1900, бронза, мрамор, частная коллекция). Эта работа Бертю недавно была выставлена на продажу в нью-йоркской Macklowe Gallery³⁵. Художник представляет Бернар с распущенными, мягко обрамляющими лицо волосами. Грудь украшает яркий пояс с пряжкой. Постамент в виде мраморной, стилизованной под классическую, колонны позволяет установить бюст на уровне глаз зрителя.

Еще одна работа, выставленная Macklowe Gallery на продажу³⁶, – небольшая скульптура Мариуса Марс-Валле (Marius Mars-Vallet)³⁷. Работа выполнена в двух цветах: позолоченной бронзе для лица, рук и нижней рубашки и патинированной бронзы для платья (рис. 9). Художник запечатлел актрису в роли Мелиссинды в пьесе Эдмона Ростана «Принцесса Греза». Сара Бернар предстает в платье, стилизованном под средневековое. Головной убор, состоящий из накидки,

³⁵ Macklowe Gallery. Ltd. Нью-Йорк, США. URL: https://www.macklowe.com/products/paul-francois-berthoud-bronze-portrait-sarah-bernhardt?pr_prod_strat=e5_desc&pr_rec_id=574a5a4cf&pr_rec_pid=5840577495200&pr_ref_pid=5843482607776&pr_seq=uniform (дата обращения 18 февраля 2024).

³⁶ Macklowe Gallery. Ltd. Нью-Йорк, США. URL: https://www.macklowe.com/products/marius-mars-vallet-sarah-bernhardt-as-princess-lointaine-bronze-sculpture?pr_prod_strat=e5_desc&pr_rec_id=a1ec31f0b&pr_rec_pid=7960559091948&pr_ref_pid=5840577495200&pr_seq=uniform (дата обращения 18 февраля 2024).

³⁷ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 9. P. 331.

ниспадающей на плечи и переходящей в мягкие складки рукавов, украшен ремнями, имитирующими тонкую ковку. Изящное ожерелье на шее поддержано розеткой в центре лба. Ниспадающая широкими складками ткань платья Бернар, собранная на талии крупным богато орнаментированным поясом с кистями, «стекает» на гранитную основу цвета умбры. Грусти добавляет взгляд актрисы, направленный вниз, и задумчивое выражение лица, к которому она прикасается одним пальцем, словно вытирая слезу.

Рассматривая цвет материалов, традиционно принятый в скульптуре до второй половины XIX в., отметим, что это был белый мрамор, монокромный цвет металлов, терракота, гипс. Однако после открытия археологами того факта, что классическая скульптура на самом деле была полихромной, а также после участия танагрских статуэток на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. французские скульптуры увидели возможность исследовать это оригинальное решение. Они использовали широкую палитру материалов: расписной воск, разноцветный мрамор, позолоченную, серебряную, патинированную бронзу. Все эти материалы стали языком целого направления французской скульптуры.

Оставляя за рамками настоящего исследования проблематику внедрения цвета в скульптуру и описание дискуссий на эту тему, проводимых во второй половине XIX в., отметим, что полихромия имела среди скульпторов как сторонников, так и противников. Кроме того, исследователями в конце XIX в. было проведено разграничение между «естественной полихромией», в которой художник добивался своих эффектов, соединяя такие материалы, как золото, слоновая кость и цветной мрамор, и «искусственной полихромией», достигаемой с помощью живописи [Blühm 1996, p. 67]. Главный куратор Музея Орсе Эдуард Папе в каталоге к выставке «В цвете: полихромная скульптура во Франции 1850–1910 гг.» утверждает, что цвет в скульптуре утвердился во времена Второй империи благодаря своему декоративному характеру, восторжествовавшему в 1880-х гг. под влиянием символизма и модерна. Разнообразие используемых материалов часто отражало творческий поиск, иногда приводивший к удивительным эстетическим результатам. Воск и расписной мрамор, сборный цветной мрамор, позолоченная и посеребренная бронза, стеклянная паста, эмалированный песчаник становятся новым языком целого направления французской скульптуры, свидетельствуя о вкусе к экспериментированию художников *fin du siècle* [Papet 2018, p. 1].

Среди экспонатов выставки в Музее Орсе были представлены два цветных бюста Сары Бернар: Жана-Дезире Рингель Эльзасского (Jean-Désiré Ringel d'Illzach)³⁸ в воске (рис. 10) и Жана-Леона

³⁸ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 11. P. 1086.

*Рис. 10. Жан-Дезире Рингель Эльзаский
Цветной бюст Сары Бернар в воске
1895, полихромный воск
на деревянной основе
Музей современного искусства
в Страсбурге (MAMCS)
Страсбург, Франция*

*Рис. 11. Жан-Леон Жером
Цветной бюст Сары Бернар
в крашеном мраморе, 1894–1901,
тонируемый мрамор
Музей Орсе, Париж, Франция*

Жерома (Jean-Léon Gérôme)³⁹ в крашеном мраморе (рис. 11). Эти бюсты, созданные с разницей в несколько лет, по мнению Эдуарда Папе, пытаются создать истинное сходство, но эстетически они совершенно разные. Один по внешнему виду, пользуясь словами Э. Папе, «опасно близок к парикмахерскому манекену», а другой, несомненно, стоит в одном ряду с великими портретами начала XX в. [Pape 2018, p. 23].

Выражая собственное мнение, не будем столь категоричны в оценке бюста Бернар авторства Ж.-Д.Р. Эльзасского. Несмотря на спорное портретное сходство, бюст обладает убедительными живописными свойствами. Художник оттеняет улыбающееся лицо актрисы темными волосами и практически черным платьем с высоким воротником. Бусы и цветок добавляют образу романтики.

В скульптурном портрете Сары Бернар, выполненном Ж.-Л. Жеромом, для создания цельного образа мастер использует не только выразительные возможности камня и способы его обработки: гладкое лицо, волнистые волосы, расшитое кружевами платье, но и цветовую палитру, что позволяет придать мраморному бюсту живописность. Жан Селз, упоминая об этом скульптурном портрете Бернар, отмечает, что «барочная» манера Жерома отражала визуальный стиль рубежа веков [Selz 1963, p. 81]. Слева в основании бюста изображена муза

³⁹ Ibid. Vol. 6. P. 77.

*Рис. 12. Рене Лалик
Бюст Сары Бернар
1896, бронза, слоновая кость,
эмаль, металл, зеленые камни
Коллекция Музея Лалика,
Ванжер-сюр-Модер, Франция*

трагедии Мельпомена с повязкой на голове, в театральной мантии и с палицей в руке.

Еще один скульптурный портрет Сары Бернар, созданный с использованием разных материалов, находим в творчестве Рене Лалика (René Lalique)⁴⁰. Будучи известным французским мастером-ювелиром и стеклодувом, он создает к празднованию Дня Сары Бернар в 1896 г. бюст и серию серебряных медалей. Бюст (рис. 12) представляет собой лицо актрисы, заключенное в усеченную пирамиду из волос, которая устойчиво размещена на прямоугольном постаменте. Украшением служат две театральные маски из слоновой кости – аллегории Комедии и Трагедии, расположенные справа и слева в волосах, которые отсылают к профессии Бернар. Продолжением декора бюста служат небольшие зеленые камни, вставленные в звенья цепей, свешивающихся с этих масок. На постаменте памятная подпись: «День Сары Бернар».

Медали с силуэтом Сары Бернар (рис. 13), созданные Рене Лаликом, были подарены каждому из 500 гостей мероприятия. На медали актриса изображена в профиль, с длинной кудрявой растрепанной челкой и волосами, убранными в прическу. Существует аналогичный вариант медали из слоновой кости (1896, Музей Орсе Париж, Франция).

Еще один бронзовый медальон (рис. 14) был создан Луизой Аббема (Louise Abbéma)⁴¹ девятнадцатью годами раньше. В 1878 г. он был выставлен на Салоне одновременно с мраморным бюстом Луизы Аббема авторства Сары Бернар (1878, мрамор, Музей Орсе Париж, Франция). С 1870-х гг. до конца жизни Бернар художницы оставались близкими подругами. На медальоне представлен профиль актрисы, окруженный волнами волос и кружевами высокого воротника.

⁴⁰ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 8. P. 329.

⁴¹ Ibid. Vol. 1. P. 28.

*Рис. 13. Рене Лалик
Медали с силуэтом Сары Бернар
1896, серебро
Еврейский музей, Нью-Йорк, США*

*Рис. 14. Луиза Аббема
Бронзовый медальон, 1875
Музей Орсе, Париж, Франция*

*Рис. 15. Шарль Адриен Проспер д'Эпине
Предполагаемый портрет
Сары Бернар в роли Гермiony, ок. 1903
терракота на черном деревянном
постаменте
Колнаги, Лондон, Великобритания*

*Рис. 16. Александр-Матюран Пеша
Сара Бернар в роли Федры
в одноименной трагедии
Жана Расина, 1903, гипс
Малый дворец, Музей изящных искусств
Париж, Франция*

Продолжая рассматривать бюсты, представляющие Сару Бернар в театральных ролях, невозможно обойти вниманием еще одну работу Шарля Адриена Проспера д'Эпине. На выставке 2023 г. в Пти Пале он был атрибутирован как предполагаемый портрет Сары Бернар в роли Гермiony (рис. 15).

Сара Бернар любила роль терзаемой муками ревности Гермiony в пьесе Жана Расина «Андромаха», которую исполняла в собственном

театре в 1903 г.⁴² Жан Расин, обращаясь к античному сюжету, трактует конфликты героев по-своему. Гермиона – царская дочь, страстная и гордая. Не желая смириться с отказом Пирра, она в порыве ненависти, с целью отомстить призывает влюбленного в нее Ореста убить Пирра за обещание будущей любви. Орест исполняет приказ, а Гермиона, одумавшись, закалывает себя мечом.

Момент, увековеченный скульптурой, соответствует развязке пьесы, когда охваченного безумием Ореста посещает видение. В нем Гермиона целует Пирра, окруженная клубами змей: «О, преисподней дочери! Пришли меня терзать вы, как добычу – звери? Те змеи, что шипят на ваших головах, и те бичи, что вы сжимаете в руках»⁴³. Согласно комментарию Н.А. Жирмунской, змеями были увиты головы Эриний – мстительных мифологических женских божеств подземного мира, которые изводили виновных раскаянием, доходящим до безумия, и которые преследовали Ореста в видениях⁴⁴. Эриний представляли в виде старух с клубками змей вместо волос⁴⁵ и часто изображали с крыльями.

Отражая содержание финальной сцены трагедии, Проспер д'Эпине представляет Сару Бернар с волосами в виде клубка змей, над которыми парят два расправленных птичьих крыла. Тяжелый взгляд из-под нахмуренных бровей, сошедшихся в центре лба двумя глубокими морщинами, две змеи, перевязанные на шее вместо шарфа, одежда, имитирующая змеиную чешую, – все вместе отражает безумие Гермионы, подтолкнувшей Ореста к убийству, и предрекает неминуемость возмездия.

Среди памятников Сары Бернар отметим работу Александра-Матюрана Пеша (Alexandre-Mathurin Pêche)⁴⁶, созданную в 1903 г. Автор представляет Сару Бернар в роли Федры в одноименной трагедии Жана Расина (рис. 16). Художник мог быть вдохновлен фотографией Сары Бернар авторства Анри Мэре (Национальная библиотека Франции, Париж). Матюран Пеш точно воспроизвел кресло в неогреческом стиле, которое актриса использовала на сцене. По сюжету драмы Федра страдает от любви к Ипполиту, внебрачному сыну своего мужа Тезея, и сознания преступности этой страсти. Вдобавок к тому она

⁴² Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star... P. 236.

⁴³ *Расин Ж.* Трагедии / Изд. подгот. Н.А. Жирмунская, Ю.Б. Корнеев. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. С. 63.

⁴⁴ Там же. С. 411.

⁴⁵ *Стрелков А.В.* Эринии // Большая рос. энцикл. 2004–2017. URL: <https://bigenc.ru/c/erini-620862> (дата обращения 21 февраля 2024); *Гильдебранд А.* Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей / Вступ. ст. А.С. Котлярова. М.: Логос, 2011. 105 с.

⁴⁶ Benezit. Dictionary of Artists. Vol. 10. P. 1054.

*Рис. 17. Франсуа-Леон Сикард
Памятник Саре Бернар, 1926
Площадь Генерала-Катру
Париж, Франция*

испытывает муки ревности, поскольку Ипполит любит Арикию, которая принадлежит к стану врагов Тезея. Результатом становится решение Федры принять яд и признаться во всем Тезею.

Скульптура является художественным воплощением финала трагедии, где Сара Бернар изображает смерть Федры от отравления и произносит свой последний монолог – покаяние. Бернар сидит в театральном костюме, откинувшись на спинку кресла. Руки безвольно свисают с подлокотников, нога выходит за пределы постамента – актрисе как бы не хватило определенного для нее пространства. Ее поза неподвижна, взгляд направлен вверх, к небесам. Она уже приняла яд, покаялась в преступной страсти и ждет наступления смерти.

Выставленная в Салоне 1903 г. скульптура оставалась в Театре Сары Бернар до конца 1960-х гг.

Другая скульптура, представляющая актрису в полный рост, была установлена на площади Генерала-Катру в Париже 1926 г., после смерти актрисы. Памятник Саре Бернар (рис. 17) авторства Франсуа-Леона Сикарда (François-Léon Sicard)⁴⁷ композиционно схож с работой Пеша. Бернар сидит в кресле, откинувшись и положив руку на его спинку. Но настроение безнадежности происходящего отсутствует. Диагональное расположение тела Бернар избавляет композицию от излишней статичности. Рука, поднесенная к груди, может символизировать искренность и сердечность. Взгляд, устремленный вдаль, передает задумчивость. Скульптор изображает актрису с длинными прямыми волосами, что не часто встречается в ее иконографии. На постаменте выбита подпись-посвящение: Саре Бернар (à Sarah Bernhardt).

Проведенный анализ скульптурных портретов Сары Бернар показал, что в целом эти работы соответствовали основным тенденциям развития французской скульптуры второй половины XIX – начала

⁴⁷ Ibid. Vol. 12. P. 1154.

XX в. Художники, в том числе и сама Бернар, обращались ко всем видам скульптуры, создавая статуи, статуэтки, бюсты, рельефы на медальонах. Зачастую мастера тиражировали свои работы, изготавливая несколько версий одного портрета. Используя широкую палитру материалов, включая мрамор, бронзу, терракоту, глину, для достижения лучшей выразительности и контрастности скульпторы использовали полихромную, совмещающую в одной работе несколько материалов, цветов одного материала или раскрашивающую скульптуру.

Следуя стилевым особенностям ар-нуво, авторы, в том числе сама Бернар, размывали границы между скульптурой и декоративно-прикладным искусством, совмещали скульптуру и индустриальные технологии, наделяли утилитарные предметы портретными изображениями.

Кроме того, отражение образа Сары Бернар в скульптуре строилось по тем же принципам, что и в других видах изобразительного искусства. Образ прекрасной дамы соседствует с репликами на ее театральные роли, а мифические существа, отождествляемые с ее характером, находят продолжение в скульптуре-шарже. С помощью этих приемов скульпторы отражали многогранность таланта Сары Бернар, ее способность к перевоплощению, которая была залогом ее успеха на рубеже XIX–XX вв. и которая до настоящего времени вызывает интерес исследователей.

Благодарности

Автор выражает благодарность кандидату искусствоведения, доценту кафедры теории и истории искусства РГГУ Е.В. Ключиной за высказанные критические замечания в ходе подготовки статьи.

Acknowledgments

The author expresses gratitude to E.V. Klyushina, the candidate of art history, associate professor of the Department of Theory and History of Art of the Russian State University for the Humanities, for critical comments expressed during the preparation of the article.

Литература

- Аркин 1990 – Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М.: Искусство, 1990. 399 с.
- Гильдебранд 2011 – Гильдебранд А. Проблема формы в изобразительном искусстве и собрание статей / Вступ. ст. А.С. Котлярова. М.: Логос, 2011. 105 с.
- Головин 1999 – Головин В.П. От амулета до монумента: Книга об умении видеть и понимать скульптуру. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. 122 с.

- Калитина 2007 – *Калитина Н.Н.* Французская скульптура второй половины XIX века: Очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 111 с.
- Калитина 2009 – *Калитина Н.Н.* Пути развития скульптурного портрета во Франции в XIX в. // Вестн. С.-Петербур. ун-та. История. 2009. № 2. С. 280–286.
- Кем 2023 – *Кем Т.Е.* Образ Сары Бернар во французской иллюстрированной прессе 1870–1920 годов // Артикульт. 2023. № 3 (51). С. 62–96. DOI: 10.28995/22276165-202336296. URL: <http://articul.rsuh.ru/articul-51-3-2023/articul-51-3-2023-kem.php> (дата обращения 28 декабря 2023).
- Кугель 1967 – *Кугель А.Р.* Театральные портреты. Л.: Искусство, 1967. 382 с.
- Сарабьянов 2001 – *Сарабьянов Д.В.* Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001. 343 с.
- Arwas 2002 – *Arwas V.* Art Nouveau: The French aesthetic. L.: Papadakis, 2002. 624 p.
- Bindé 2023 – *Bindé J.* Douée pour tous les arts // Beaux Arts & Cie. Sarah Bernhardt. Et la femme créa la star. Mars 2023. 66 p.
- Blühm 1996 – *Blühm A.* The colour of sculpture: 1840–1910. Amsterdam: Van Gogh Museum, 1996. 277 p.
- Cady 1913 – *Cady E.D.* A handbook of modern French sculpture. N. Y.: Dodd, Mead and Company. 1913. 554 p.
- Castelot 1971 – *Castelot A.* Sarah Bernhardt. P.: Rombaldi, 1971. 251 p.
- Cate 2005 – *Cate P.D.* Breaking the mold: sculpture in Paris from Daumier to Rodin. New Brunswick, NJ: Jane Voorhees Zimmerli Art Museum, Rutgers, the State Univ. of New Jersey, 2005. 239 p.
- Delbee 2000 – *Delbee A.* Le sourire de Sarah Bernhardt. P.: Fayard, 2000. 434 p.
- Eaton 1913 – *Eaton D.C.* A handbook of modern French sculpture. N. Y.: Dodd, Mead and Company. 1913. 348 p.
- Fildier 1980 – *Fildier A.* Sarah Bernhardt. P.: Cartophilie, 1980. 112 p.
- Fusco, Janson 1980 – *Fusco P., Janson H.W.* The Romantics to Rodin: French nineteenth-century sculpture from North American collections. Los Angeles, Calif.: Los Angeles County Museum of Art; N. Y.: G. Braziller, 1980. 368 p.
- Garb 1994 – *Garb T.* Sisters of the Brush: Women's Artistic Culture in Late Nineteenth-Century Paris. New Haven and L.: Yale Univ. Press, 1994. 207 p.
- Gold, Fizdal 1991 – *Gold A., Fizdal R.* The Divin Sarah. A life of Sarah Bernhardt. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1991. 351 p.
- Hammacher 1988 – *Hammacher A.M.* Modern sculpture: Tradition a. innovation. N. Y.: Abrams, 1988. 447 p.
- Joannis 2000 – *Joannis C.* Sarah Bernhardt “Reine de l'attitude et princesse des gestes”. P.: Payot, 2000. 233 p.
- Lippert 2014 – *Lippert S.J.* Jean-Léon Gérôme and Polychrome Sculpture: Reconstructing the Artist's Hierarchy of the Arts // Dix-Neuf. 2014. Vol. 18. № 1. P. 104–125.
- Loyrette, Allard, Cars 2009 – *Loyrette H., Allard S., Cars L. des.* L'art français le XIX siècle (1819–1905) / Sous la dir. d'Henri Loyrette. P.: Flammarion, 2009. 615 p.
- Morel 2023 – *Morel G.* Jouer, peindre, sculpter. Hors-série de connaissance des arts. P.: SFPA. 2023. 67 p.
- Ockman, Silver 2005 – *Ockman C., Silver K.E.* Sarah Bernhardt. The art of high drama. N. Y.: Yale Univ. Press. New Haven, 2005. 232 p.
- Papet 2018 – *Papet E.* Exposition La sculpture polychrome en France 1850–1910 au Musée d'Orsay: Extrait du dossier de presse. 2018. URL: <http://hbdd.fr/files/expos/Expo%20La%20culture%20polychrome.pdf> (дата обращения 2 февраля 2024).

- Peyramaure 2002 – *Peyramaure M.* La divine: Le roman de Sarah Bernhardt. P.: Le Grand livre du mois, 2002. 474 p.
- Rheims 1977 – *Rheims M.* La sculpture au XIX-e siècle. P.: Arts et métiers graphiques, 1977. 424 p.
- Ruocco 2005 – *Ruocco D.* Sarah Bernhardt // Sarah Bernhardt: conferenza 2002 / Università Popolare di Monza, 2005. URL: https://www.academia.edu/45163603/Sarah_Bernhardt (дата обращения 2 июня 2023).
- Selz 1963 – *Selz J.* Modern sculpture: origins and evolution. N. Y.: G. Braziller, 1963. 292 p.
- Skinner 1968 – *Skinner K.O.* Madam Sarah. N. Y.: Dell Publishing Co, 1968. 356 p.
- Wagner 1986 – *Wagner A.M.* Jean-Baptiste Carpeaux: sculptor of the Second Empire. New Haven: Yale Univ. Press, 1986. 328 p.
- Wittkower 1979 – *Wittkower R.* Sculpture: processes and principles. Harmondsworth, Middlesex, Eng.: Penguin Books, 1979. 288 p.

References

- Arkin, D.E. (1990), *Obrazy arkhitektury i obrazy skulptury* [Images of architecture and images of sculpture], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Arwas, V. (2002), *Art Nouveau: The French aesthetic*, Papadakis, London, UK.
- Bindé, J. (2023), “Douée pour tous les arts”, *Beaux-Arts & Cie*, Mars, pp. 40–45, Paris, France.
- Blühm, A. (1996), *The colour of sculpture, 1840–1910*, Van Gogh Museum, Amsterdam, Netherlands.
- Cady, E. D. (1913), *A handbook of modern French sculpture*, Dodd, Mead and Company, New York, USA.
- Castelot, A. (1971), *Sarah Bernhardt*, Rombaldi, Paris, France.
- Cate, P.D. (2005), *Breaking the mold: sculpture in Paris from Daumier to Rodin*. New Brunswick, NJ: Jane Voorhees Zimmerli Art Museum, Rutgers, the State University of New Jersey, USA.
- Delbee, A. (2000), *Le sourire de Sarah Bernhardt*, Fayard, Paris, France.
- Eaton, D.C. (1913), *A handbook of modern French sculpture*, Dodd, Mead and Company. New York, USA.
- Fildier, A. (1980), *Sarah Bernhardt*, Cartophilie, Paris, France.
- Fusco, P. and Janson, H.W. (1980), *The Romantics to Rodin: French nineteenth-century sculpture from North American collections*, Los Angeles, Calif, Los Angeles County Museum of Art, G. Braziller, New York, USA.
- Garb, T. (1994), *Sisters of the Brush: Women's Artistic Culture in Late Nineteenth-Century Paris*, Yale University Press, New Haven and London, USA, England.
- Gold, A. and Fizdal, R. (1991), *The Divin Sarah. A life of Sarah Bernhardt*, Alfred A. Knopf, New York, USA.
- Golovin, V.P. (1999), *Ot amuleta do monumeta: Kniga ob umenii videt' i ponimat' skulpturu* [From Amulet to Monument: A Book on the Ability to See and Understand Sculpture], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.
- Hammacher, A.M. (1988), *Modern sculpture: Tradition a. innovation*, Abrams, New York, USA.
- Hildebrand, A. (2011), *Problema formy v izobrazitel'nom iskusstve i sobranie statei* [The problem of form in the visual arts and a collection of articles], Logos, Moscow, Russia.
- Joannis, C. (2000), *Sarah Bernhardt “Reine de l'attitude et princesse des gestes”*, Payot, Paris, France.

- Kalitina, N.N. (2007), *Frantsuzskaya skulptura vtoroi poloviny XIX veka: ocherki* [French Sculpture of the Second Half of the 19th Century. Essays], Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, Saint Petersburg, Russia.
- Kalitina, N.N. (2009), "Ways of development of the sculptural portrait of France in the 19th century", *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, no. 2, pp. 280–286.
- Kem, T.E. (2023), "Sarah Bernhardt's image in the French illustrated press, 1870–1920", *Artikul't*, no. 3 (51), pp. 62–96, DOI: 10.28995/22276165202336296, available at: <http://articult.rsub.ru/articult-51-3-2023/articult-51-3-2023-kem.php> (Accessed 28 December 2023).
- Kugel', A.R. (1967), *Teatral'nye portrety* [Theatrical portraits], Iskustvo, Leningrad-Moscow, Russia.
- Lippert, S.J. (2014), "Jean-Léon Gérôme and Polychrome Sculpture: Reconstructing the Artist's Hierarchy of the Arts", *Dix-Neuf*, vol. 18, no. 1, pp. 104–125.
- Loyrette, H., Allard, S. and Cars, L. des. (2009), *L'art français le XIX siècle (1819–1905) / Sous la direction d'Henri Loyrette*, Flammarion, Paris, France.
- Morel, G. (2023), *Jouer, peindre, sculpter*, Hors-série de connaissance des arts, SFPA, Paris, France.
- Ockman, C. and Silver, K.E. (2005), *Sarah Bernhardt. The art of high drama*, Yale University Press, New Haven, New York, USA.
- Papet, E. (2018), *Exposition La sculpture polychrome en France 1850–1910 au Musée d'Orsay*, Extrait du dossier de presse, available at: <http://hbdd.fr/files/expos/Expo%20La%20sculpture%20polychrome.pdf> (Accessed 2 February 2024).
- Peyramaure, M. (2002), *La divine: Le roman de Sarah Bernhardt*, Le Grand livre du mois, Paris, France.
- Rheims, M. (1977), *La sculpture au XIX-e siècle*, Arts et métiers graphiques, Paris, France.
- Ruocco, D. (2005), "Sarah Bernhardt", *Sarah Bernhardt: conferenza 2002*, Università Popolare di Monza, available at: https://www.academia.edu/45163603/Sarah_Bernhardt (Accessed 2 June 2023).
- Sarab'yanov, D.V. (2001), *Modern. Istoriya stilya* [Art Nouveau. History of Style], Galart, Moscow, Russia.
- Selz, J. (1963), *Modern sculpture: origins and evolution*, G. Braziller, New York, USA.
- Skinner, K.O. (1968), *Madam Sarah*, Dell Publishing Co, New York, USA.
- Wagner, A.M. (1986), *Jean-Baptiste Carpeaux: sculptor of the Second Empire*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Wittkower, R. (1979), *Sculpture: processes and principles*, Penguin Books, Harmondsworth, Middlesex, England.

Информация об авторе

Татьяна Е. Кем, магистр истории искусства, независимый исследователь; kemtatianaevg@gmail.com

Information about the author

Tatiana E. Kem, Master of Art History, independent researcher; kemtatianaevg@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 4
2024

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 14.02.2025
Выход в свет 21.02.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 14,0. Усл. печ. л. 15,6
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2099

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru